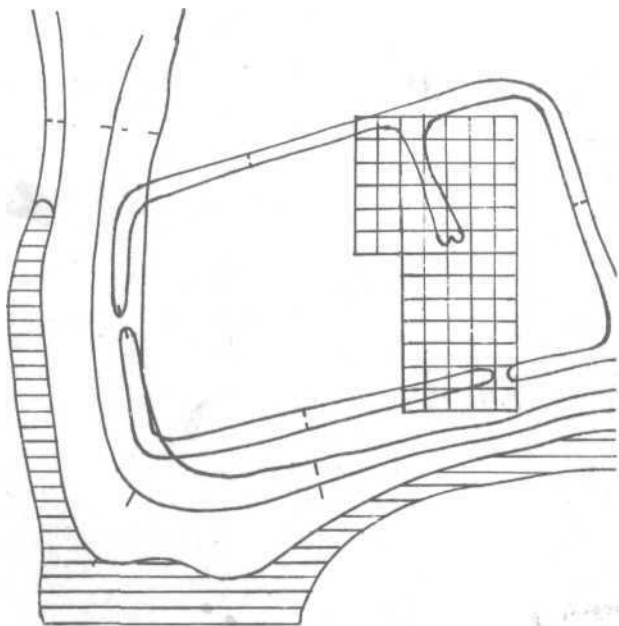

Г. Б. ЗДАНОВИЧ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

УРАЛО - КАЗАХСТАНСКИХ

СТЕПЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СВЕРДЛОВСК 1988

Г. Б. ЗДАНОВИЧ

**БРОНЗОВЫЙ ВЕК
УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ
СТЕПЕЙ**

(основы периодизации)

Т4 (2р36)

3-461

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Издательства Уральского университета

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации) Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

Монография посвящена бронзовому веку степной полосы Урало-Иртышского междуречья. На базе новых археологических данных предлагается концепция развития культур андроновской культурно-исторической общности, население которой тесно связано с ранней историей индоевропейских племен

Книга рассчитана на специалистов по истории СССР, археологов, краеведов.

Научный редактор
доктор исторических наук *М. Ф. Косарев*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Е. Н. Черных*;
кафедра всеобщей истории Петропавловского педагогического института

ВВЕДЕНИЕ

Андроновская культурно-историческая общность — одно из самых крупных археологических явлений евразийских степей. Западная граница распространения андроновских памятников проходит по р. Урал, восточная — по крупной сибирской речной артерии Енисею. Северная граница совпадает с линией лесов Западной Сибири, а южная подходит к подножьям горных систем Памира, Тянь-Шаня, Тарбагатая, Алтай. Территория, которую занимало андроновское население, протянулась с запада на восток на 3000 км, а в меридианальном направлении — более чем на 1500 км. Согласно современному административному делению она охватывала Челябинскую и Оренбургскую области Южного Урала, весь Казахстан и частично республики Средней Азии. В нее входят Курганская, Тюменская, Омская, Новосибирская и Томская области Западной Сибири в пределах лесостепной полосы, Алтайский край, Хакассия, значительные районы Красноярского края.

С физико-географической точки зрения андроновская культурно-историческая общность занимала обширную страну в глубине Евразийского материка, в устройстве поверхности которой значительно преобладают низменности и равнины. Огромные площади занимают Прикаспийская, Туранская и Барабинская низменности, Ишимская и Кулундинская равнины, плато Общий Сырт, Эмбенское, Устюрт, Тургайское, Бетпак-Дала. Гигантский массив Казахского мелкосопочника, расположенный в центре очерченного региона, с его невысокими всхолмлениями и одиночными сопками, не нарушает общего равнинного характера страны. Население андроновской культурно-исторической общности занимало четыре ландшафтные зоны в их современных границах — лесостепь, степь, полупустыни, пустыни. На основании концентрации археологических памятников в различных районах можно заключить, что наиболее благоприятной средой для обитания андроновцев были лесостепи и степи.

Памятники эпохи бронзы урало-казахстанских и южно-сибирских степей первоначально были объединены под понятием «андоновская культура». Во второй половине 20-х годов в

общих чертах были определены ее территориальные границы, выявлена специфика отдельных районов, намечены хронологические рамки. В конце 40-х — начале 50-х годов наибольшее распространение получила трехчленная периодизация андроновских древностей, предложенная К. В. Сальниковым для памятников Южного Урала.

70—80-е годы были отмечены активным накоплением новых материалов, проведением массовых полевых работ на обширных территориях, ранее не охваченных археологическими исследованиями. Получены новые данные о бронзовом веке Сары-Арка (М. К. Кадырбаев), впервые систематически обследована значительная территория Северного Казахстана (В. В. Евдокимов, В. Ф. Зайберт, Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович). Плодотворным было археологическое изучение лесостепей Западной Сибири и Урала (В. Ф. Генинг, М. Ф. Косарев, В. И. Молодин, М. Ф. Обыденков, М. М. Потемкина, В. И. Стефанов и другие). Массовые источники значительно расширили представление об андроновских древностях, позволили по-новому взглянуть на старые «классические» материалы. Однако информационный взрыв породил и много новых проблем. Он привел к еще большему сужению специализации, когда исследователь замыкается в ограниченных хронологических рамках и в пределах определенной, порой незначительной территории. С другой стороны, при традиционных методах подачи новых материалов и ограниченных возможностях их публикации археологические источники доводятся до сведения специалистов с большой задержкой и в очень усеченном виде. Дальнейшему развитию андроноведения мешает отсутствие четко разработанных систем формализованного описания. Разрыв между объемом информации и возможностью ее осмысления увеличивается год от года.

Расширение полевых археологических исследований пока не привело к выработке общих концепций развития андроновского общества. Основные причины разногласий связаны с проблемами периодизации и хронологии. Без установления внутренних закономерностей развития археологического материала невозможны объективные исторические построения. В настоящее время назрела острая необходимость в максимально полных публикациях материалов важнейших памятников отдельных регионов, которые могли бы стать опорными при решении вопросов периодизации и хронологии.

Настоящая публикация представляет собой попытку свести воедино наиболее представительные поселенческие и погребальные комплексы эпохи бронзы, полученные за двадцать лет полевых исследований СКАЭ-УКАЭ (1967—1986 гг.), и рассмотреть их в системе относительной хронологии.

Работы экспедиции были сосредоточены в степной и лесостепной полосе Урало-Иртышского междуречья в пределах Целиноградской, Кокчетавской, Северо-Казахстанской и Челябинской

областей. Основной целью являлось изучение памятников бронзового века. В качестве первого этапа исследований необходимо было выявить различные категории памятников и установить районы их распространения. Разведочные маршруты пролегли по берегам Ишима, Чаглинки, Селеты, Иртыша, Миасса, Уя и других левых притоков Тобола. Обследованы десятки крупных и мелких озер. Выявлено около 100 поселений эпохи бронзы, открыто или вторично обследовано более 120 погребальных комплексов, значительная часть которых относится ко II тысячелетию до н. э. Картирование памятников показало, что они располагаются компактными группами. Наиболее четко выделяются четыре района: Атбасарский, Чаглинский, Петропавловский, Уйский. Для более тщательного изучения был выбран самый крупный и компактный из них, расположенный по среднему течению р. Ишим к югу от г. Петропавловска. На протяжении 100 км было обнаружено 30 поселений бронзового века и несколько могильников.

На территории Петропавловского микрорайона были приняты стационарные раскопки (поселения Бишкуль IV, Боголюбове I, Вишневка, Ильинка, Новоникольское I, Петровка II, III, IV, Явленка I), где в общей сложности вскрыто 19000 кв. м. культурного слоя. Параллельно велись работы на могильниках Амангельды, Бурлук, Петровка, Семипалатное, Новоникольское. Здесь было исследовано около 200 различных погребальных конструкций.

Значительный объем полевых работ был проделан на поселениях и могильниках Чаплинского и Атбасарского микрорайонов (табл. 1)*. Важным звеном в понимании федоровской культуры стало исследование пос. Павловка близ Кокчетова. Эталонные материалы по заключительному этапу бронзового века дали раскопки культурного комплекса Саргары. В зауральских степях интересная стратиграфическая колонка для петровско-алакульской эпохи была получена на пос. Кулевицы IV**, а исследование могильников Приплодный Лог и Путиловская Заимка дали характерные наборы вещевого инвентаря федоровского времени. В течение четырех полевых сезонов (1983—1986 гг.) коллектив экспедиции успешно работал на уникальном памятнике-поселении и могильнике Синташта, продолжая раскопки, начатые УАЭ под руководством В. Ф. Генинга.

В истории изучения андроновской культурно-исторической общности не так уж много установленных фактов прямой стратиграфии при многочисленных многослойных поселениях, нет ее и в курганах. В связи с этим коллектив СКАЭ-УКАЭ с первых лет работы уделял особое внимание поселенческой стратиграфии и истории формирования культурного слоя. Практика

* См. Приложение.

** Руководитель работ Н. Б. Виноградов.

позволила нам выработать следующие обязательные требования к полевой и лабораторной работе.

1. Культурные слои вскрываются широкими площадями с полным удалением грунта с территории раскопа. Площадь вскрытого слоя должна быть не менее 500 кв. м.

2. Раскопы закладываются как на жилищные впадины, так и на межжилищные пространства, поскольку котлованы полуземлянок, вырытые однажды, много раз подчищались и использовались в последующие эпохи. В таких условиях межжилищные территории часто более перспективны в плане поисков реальной стратиграфии.

3. Статистический подсчет залегания керамики по слоям ведется только по шейкам, то есть по сосудам.

4. При статистико-стратиграфическом анализе упор делается на достаточно многочисленные культурно-типологические группы посуды. Надежность выводов определяется наличием «чистых», эталонных комплексов керамики, полученных на однослойных поселениях или кратковременных однокультурных могильниках.

5. Выводы, сделанные на одном поселении, должны корректироваться параллельной работой на другом многослойном памятнике, расположенном в пределах культурно-исторического региона в сходных естественно-географических условиях.

Корреляция всех данных, полученных и по отдельным жилищам, и по памятникам в целом, позволили, на наш взгляд, получить достаточно объективную шкалу относительной хронологии культур бронзового века урало-казахстанских степей.

При освещении вопросов культурной интерпретации мы будем пользоваться тремя основными классификационными единицами: культурно-историческая область, культурно-историческая общность и археологическая культура. Наиболее объемным является термин «культурно-историческая область». Он обозначает археологическое явление, охватывающее значительную территорию, на которой отмечаются некоторые сходные типы орудий труда, предметов вооружения, украшений и т. д. Сходство обусловлено развитием единых форм хозяйства в близкой естественно-географической среде в определенный исторический период.

Термин «культурно-историческая общность» объединяет обширные области, занятые родственными по происхождению племенами. Между ними может и не быть прямых контактов. Значительная близость материальной культуры обеспечена здесь не только едиными путями развития в сходных географических условиях и одинаковым хозяйственным укладом, но и общими корнями происхождения населения [19, с. 24]. Немногочисленные чуждые включения в такое археологическое образование культурно сnivelированы и имеют подчиненный характер по отношению к основному компоненту [95, с. 12]. Культурно-исторической общностью мы называем и объединение группы

родственных, параллельно развивающихся археологических культур, занимающих какие-либо смежные территории, и две или несколько культур, сменяющих друг друга во времени, генетически связанных между собой и динамически развивающихся в рамках одних и тех же территориальных границ.

Под археологической культурой подразумевается группа памятников, расположенных на определенной территории и отличающихся самобытностью сочетания ряда непосредственно наблюдаемых признаков [28, с. 20, 21]. Наиболее ярко культурное единство проявляется в сходстве керамики, в планировке и архитектуре поселков. За сходством вещественных остатков стоит общность множества сменяемых друг друга поколений, характеризующихся непрерывностью тенденций своего экономического, социального и духовного развития. Представленная данной культурой совокупность признаков носит системный характер и обладает известной устойчивостью.

Эпоха бронзы восточного региона степной Евразии обычно подразделяется на три больших этапа — ранний, средний и поздний. В

казахстанских степей мы включаем две культуры средней бронзы — петровскую, алакульскую и две культуры поздней бронзы — федоровскую и саргаринско-алексеевскую, а также памятники бегазинского типа. Отмеченные культуры генетически связаны между собой. Наиболее наглядно переходные комплексы прослеживаются между петровской и алакульской, алакульской и федоровской культурами. Переходный этап между петровской и алакульской культурами мы называем кулевчинским по поселению и могильнику Кулевчи в Южном Зауралье. Памятники переходного типа, которые сочетают в себе элементы алакульской и федоровской культур, мы включаем в кожумбердынский этап, учитывая при сохранении традиционного названия немногочисленные, но яркие материалы, полученные при исследовании могильника Кожумберды в Оренбургской области. Отсутствие эталонных памятников с массовыми коллекциями переходного характера федоровка-саргары затрудняют пока выбор наименования для промежуточного этапа, связывающего культуру поздней бронзы*.

В тех разделах книги, которые носят историографический характер, мы сохраняем термин «андроновская культура». Приведенная в работе обобщенная схема развития культур бронзового века урало-казахстанских степей отражает не безусловный итог, а одно из направлений исследований, которые ведут сотрудники Урало-Казахстанской (Северо-Казахстанской) археологической экспедиции.

Автор выражает глубокую признательность всем членам

* В работе использованы материалы А. А. Бухонина, В. Ф. Зайберта, С. Я. Зданович, Т. С. Малютиной, А. Д. Таирова, Н. С. Татаринцевой, М. К. Хабдулиной и других членов археологического коллектива.

археологического коллектива УКАЭ-СКАЭ, участникам археологических студенческих кружков Петропавловского и Челябинского пединститутов, Карагандинского и Челябинского университетов, которые принимали самое деятельное участие в полевых работах и лабораторных исследованиях.

Глава I

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ В АНДРОНОВЕДАНИИ

Со времени выделения андроновской культуры прошло шестьдесят лет. За этот период накоплен богатый материал и достигнуты значительные успехи в изучении бронзового века степей и лесостепей между Уралом и Енисеем. Однако одна из ключевых проблем андроноведения — проблема периодизации и хронологии — и сегодня остается объектом принципиальных споров. Археологи в своих выводах опираются, как правило, на отрывочные данные, собранные в отдельных более или менее узких регионах. На базе этих материалов они пытаются проследить общие закономерности в развитии андроновских племен.

Трудность создания схем относительной периодизации в значительной степени обусловлена спецификой андроновских поселений и могильников, при полевом изучении которых очень трудно получить информацию стратиграфического характера. С другой стороны, блок культур, объединенный сегодня под понятием «андроновская культурно-историческая общность» — сложное историческое явление. Андроновский культурный массив сформировался на единой этнокультурной основе, но он включил в себя целый ряд других более мелких этнических компонентов, что обусловило специфику развития отдельных регионов. Своеобразие андроновских памятников определяется также характером взаимосвязей андроновского населения с соседями, миграциями, местными географическими условиями и вытекающими из них особенностями хозяйственного уклада.

История изучения андроновской культурно-исторической общности — это в значительной степени история становления взглядов на периодизацию и хронологию памятников вед

1 Как уже отмечалось, андроновская культура была выделена С. А. Теплоуховым, автором первой научной классификации археологических памятников Минусинской котловины. Он поместил ее между афанасьевской и карасукской культурами и обосновал ее хронологические рамки: первая половина II тысячелетия — начало I тысячелетия до нашей эры [128, с. 10; 129; 130, с. 115]. В 20-х годах, ко времени разработки классификации археологических культур, в Южной Сибири были проведены исследования на целом ряде могильников андроновского типа: Ярки [127, с. 78], Новоселовский [127, с. 77—78], Орак [74]. Однако уже тогда было ясно, что район вновь выделенной куль-

туры не ограничивается Минусинской котловиной. Хорошо были известны сходные с андроновскими материалы из Приуралья и Западной Сибири. Памятники эпохи бронзы исследовали здесь во второй половине XIX в. местные краеведы А. Н. Зырянов [62; 63] и Р. Г. Игнатъев [66; 67]. Позднее эти работы были продолжены Ф. Д. Нефедовым [99], А. Гейкелем [149], Н. К. Минко, В. Я. Толмачевым [131, с. 174]. Значительный материал по андроновской культуре Восточного Казахстана дали раскопки В. И. Каменского в районе Семипалатинска и Усть-Каменогорска [127, с. 85—87].

С. А. Теплоухов и М. П. Грязное определили примерную территорию распространения андроновских памятников. Указав характерные черты погребальных сооружений, керамики и бронзового инвентаря, они наметили северную границу андроновской культуры по лесостепной зоне Западной Сибири. При этом исследователи опирались на раскопки участника финской экспедиции А. Гейкеля, который в курганах 8 у г. Кургана и 5 у д. Томиловой Тобольского округа обнаружил глиняные сосуды с геометрической орнаментацией [149, р. XXVIII — 8; р. XXIX — 5, 6, 8]. Наиболее северными андроновскими памятниками Казахстана были могильник у оз. Пестрого близ г. Петропавловска, раскопанный Ю. П. Аргентовским [6], и могильник у д. Ефимовка Кокчетавского уезда, обследованный П. И. Преображенским и Ю. А. Орловым [100, с. 263—264]. Оставалась неясной южная граница культуры — материалы по археологии Средней Азии и Южного Казахстана были почти неизвестны.

Западный район распространения андроновских памятников уточнен раскопками М. П. Грязнова в Актюбинском уезде. В своей работе «Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане» он выявил основные отличительные черты керамики западных и восточных районов. Автор отметил своеобразие форм, зональность орнамента, определенный набор элементов узоров на глиняной посуде Приуралья и Минусинского края [25, с. 199—202]. Анализируя андроновские комплексы, М. П. Грязнов нашел их аналогии в срубной и хвалынской культурах Поволжья, в бронзовых культурах Кавказа и Волго-Камского бассейна. Исходным пунктом для абсолютной хронологии андроновских памятников он считает даты Тальгрена для бронзы Восточной Европы — 1400—1100 гг. до н. э.

Таким образом, во второй половине 20-х годов андроновская культура была не только выделена, но были достаточно четко определены ее основные черты и связи с соседними культурами эпохи бронзы Европы. Тогда же при выявлении двух районов — западного и восточного — стало ясно, что андроновская культура не может быть однообразной на всей огромной территории своего распространения.

Большой интерес представляет первая попытка хронологического членения курганов эпохи бронзы, предпринятая краеведом С. Н. Дурьлиным. В 1924—1925 гг. в районе оз. Смолино близ

Челябинска он раскопал около двух десятков насыпей, под которыми выявил два способа погребения — труположение и трупосожжение. «В причелябинском курганном способе погребения скрещены в одно два способа. Старым способом было погребение целого костяка в грунтовых ямах... Новым способом погребения, который принес с собой новый народ... было трупосожжение. Народ челябинских курганов последовал этому новому способу — стал сжигать своих покойников на сильном огне, но не вполне оставил и старый способ: по-прежнему считал за нужное покойника предавать земле в ямах, по размеру своему явно рассчитанных на целый человеческий труп; но погребался уже не целый труп, а то, что оставалось от трупа — мелкие пережженные кости. Изменения, таким образом, коснулись не самого устройства могилы (погребение в ямах), не самого процесса переселения покойника в могилу, а только того, в каком виде покойник переселялся в новое жилище. Условия же переселения и самое устройство жилища остались прежними» [29, с. 119].

Предвоенные годы были периодом интенсивного накопления археологического материала. В Оренбургской области Б. Н. Граков исследовал Кожумбердынский могильник [80]. Под его руководством в 1932—1933 г. Южноуральской экспедицией были проведены большие работы по учету и рекогносцировке археологических памятников в районах проектируемых гидроэлектростанций [24]. Во второй половине 30-х годов началась энергичная деятельность К. В. Сальникова, который раскопал широко известные в настоящее время могильники у с. Федоровка близ Челябинска- [109] и на оз. Алакуль в Шучанском районе Курганской области [112]. Одновременно он исследовал поселение Кипель [113], стратиграфические наблюдения на котором легли в основу будущей периодизации памятников эпохи бронзы Южного Зауралья.

В Северном Казахстане крупные полевые исследования провела экспедиция Государственного Исторического музея под руководством О. А. Кривцовой-Граковой. За шесть полевых сезонов (1930—1931, 1935—1936, 1938—1939 г.) были исследованы могильник, жертвенный холм и значительная часть поселения на р. Тобол близ г. Кустаная [79]. Всего было раскопано 21 андроновское погребение, несколько десятков ямок с сосудами, исследовано 5 жилищ полностью и 3 частично. Большая коллекция археологических предметов поступила в 30-х годах в Эрмитаж и Музей антропологии и этнографии из района г. Степняка. Материал был собран в основном при переработке древних отвалов золотоносных пород. В 1938 г. туда выезжал С. С. Черников, который обследовал ряд поселений и рудников, относящихся к эпохе бронзы [141; 142].

Первые крупные археологические раскопки в Центральном Казахстане были проведены в 1933 г. экспедицией Академии истории материальной культуры, которую возглавили П. С. Ры-

ков и М. П. Грязное [108]. Один из самых значительных результатов был достигнут при исследовании кургана 11 в комплексе Дандыбай. Сложные погребальные сооружения, своеобразный керамический материал и бронзовый инвентарь послужили в дальнейшем основой для выделения особого этапа поздней бронзы Центрального Казахстана, синхронного карасукской культуре.

Период с 1923 г. (со времени выделения андроновской культуры) до 1941 г. следует считать этапом в истории изучения крупнейшей археологической культуры Евразии. Это было время создания прочной историографической базы. К 40-м годам полевые исследования охватили значительные районы распространения андроновских памятников, был устранен целый ряд «белых пятен» на археологической карте, особенно на территории Казахстана. И несмотря на то, что ареалы оставались разрозванными, а материалы еще во многом фрагментарны, их надежное качество при современной методике раскопок позволило перейти к более широким обобщениям, которые и появились в первые послевоенные годы. Прежде всего они коснулись проблемы периодизации и хронологии.

В 1948 г. О. А. Кривцова-Гракова опубликовала работу «Алексеевское поселение и могильник» [79]. Алексеевский комплекс и всю андроновскую культуру О. А. Кривцова-Гракова рассматривает, исходя из своей периодизации древностей Поволжья. На территории андроновской культуры вслед за С. А. Теплоуховым и М. П. Грязновым она выделила два типа посуды — западный и восточный. Для западного варианта характерны уступчатое плечо и стройные пропорции, для восточного — приземистость и плавная профилировка. Материалы Кожумбердынского могильника и погребений с трупосожжением из курганов Челябинского района позволили О. А. Кривцовой-Граковой считать эти признаки хронологическими, а не локальными. На первом этапе существования андроновских племен восточный вариант посуды был распространен по всей территории от Минусинской котловины до Поволжья. На этом же этапе происходила трансформация сосудов с плавной линией плеч в сосуды с уступом и формировалась зональность в орнаментации. На втором этапе развития андроновской культуры появилась валиковая керамика, которую О. А. Кривцова-Гракова определяет как хозяйственную посуду. К этому этапу относятся Алексеевское поселение и могильник. Исследованный культурный комплекс рассматривается как однослойный и одновременный памятник. Наличие в культурном слое различных вариантов посуды автор объясняет естественным сосуществованием старых и новых традиций при изготовлении керамических изделий.

На территории Минусинской котловины тосуды с уступчатым) плечом отсутствуют, так как развитие андроновской культуры здесь было прервано вторжением карасукских племен. Влияние карасука распространилось на Алтай и Восточный Казахстан.

Его следы отмечены и дальше на западе (вплоть до г. Караганды). Однако сюда карасукская посуда проникла в сильно измененной форме. На западе, в бассейнах рек Тобола и Урала, естественное развитие андроновских племен не нарушилось. Таким образом, О. В. Кривцова-Гракова выделяет два этапа в развитии андроновской культуры. Первый синхронен раннему периоду срубной культуры и характеризуется сосудами плавной профилировки и сосудами с уступчатым плечом. Второй этап (X—VIII вв. до н. э.) начался с появления валиковой керамики и закончился скифским временем.

В следующей своей работе «Садчиковское поселение», опубликованной в 1951 г., О. А. Кривцова-Гракова несколько уточнила предложенную периодизацию [81]. К первому этапу андроновской культуры она отнесла сосуды только плавной профилировки, а ко второму — керамику, имеющую уступчатое плечо. Валиковая посуда появилась еще в поздних комплексах первого этапа, но ее широкое распространение относится ко второму периоду развития андроновской культуры. Садчиковское поселение исследователь считает одновременным Алексеевскому и датирует его началом I тысячелетия до н. э. — концом бронзового века Южного Приуралья.

В 1948 г. на Первом Уральском археологическом совещании К. В. Сальников предложил трехчленную периодизацию памятников эпохи бронзы Южного Зауралья [110; 111]. Андроновская культура в своем развитии прошла три стадии: федоровскую, алакульскую и замараевскую. Два типа посуды — федоровская (восточная) и алакульская (западная) были выделены еще С. А. Теплоуховым и М. П. Грязновым. К. В. Сальников разработал их детальные характеристики, более точно определил критерии типа. На материалах селища у с. Замараево он выделил третий тип, близкий валиковой керамике А поселения. Это посуда с сильно выпуклым туловом и крутыми плечами. Орнамент выполнен косыми насечками, поясками «елочек», ромбической сетки, изредка встречаются грубо нанесенные меандры. Все три типа керамики К. В. Сальников считает хронологическим явлением. Эту мысль подтверждает наличие в узколокальном районе под г. Челябинском погребений, выполненных по обряду трупосожжения и трупоположения, первые из которых содержат посуду с плавной профилировкой, а вторые — с уступчатым плечом. Хронологическое соотношение между федоровской и алакульской керамикой К. В. Сальников установил на селище Кипель, где, по его мнению, достаточно четко видно, что федоровские комплексы предшествуют алакульским.

Поздняя дата замараевской стадии определяется сходством валиковой посуды с бомбовидными горшками скифо-сарматского времени. В отличие от О. А. Кривцовой-Граковой, К. В. Сальников в замараевской керамике видит самостоятельный комплекс и отсутствие валиковых сосудов на Алексеевском могильнике

рассматривает как одно из доказательств более позднего времени их существования. Важным звеном в цепи доказательств К. В. Сальникова являются условия залегания валиковой керамики в культурном слое Замараевского селища. На ряде его участков удалось установить, что замараевская керамика перекрывает очажные ямы, заполненные андроновскими черепками. Однако автор непоследователен в своих суждениях. На материалах того же селища он считает возможным признать сосуществование всех трех типов керамики на поздней стадии развития андроновской культуры. При определении абсолютных дат первой стадии К. В. Сальников опирается на хронологию андроновских памятников Минусинской котловины (середина и вторая половина II тысячелетия до н. э.). Алакульскую стадию автор соотносит с карасукской эпохой (XI—IX вв. до н. э.). Дату замараевской стадии он определяет на основании параллелей с предскифскими древностями Дона и амирабадскими комплексами Хорезма (VIII—VII вв. до н. э.).

Сразу после войны развернулись широкие полевые исследования, которые охватили не только традиционные, но и новые крупные районы. Большие полевые работы были проведены в Поволжье, Приуралье, Западной и Южной Сибири, Средней Азии. Новые источники дали возможность более конкретно и углубленно исследовать культурные и социально-экономические процессы древних обществ Евразии.

В 1952 г. М. П. Грязнов пришел к выводу о необходимости выделения из андроновских комплексов Центрального Казахстана памятников карасукской культуры [26]. Против этого выступил К. А. Акишев, который считает, что материалы Сары-Арки не могут быть полностью сопоставлены с материалами Минусинской котловины. Основываясь на своеобразии памятников Центрального Казахстана, он предложил назвать культуру поздней бронзы дандыбаевской [3]. При этом андроновский период разбивается на два традиционных этапа: федоровский и алакульский. Позднее они получили новые названия: нуринский и атасусский (по рекам Нура и Атасу, где сосредоточены наиболее характерные памятники Центрального Казахстана) [90, с. 61—68].

В 1958—1960 гг. была разработана периодизация древностей Северного и Восточного Казахстана. А. М. Оразбаев, систематизируя материалы эпохи бронзы Среднего ТТришимья, пришел к выводу об их сходстве с комплексами Зауралья. Вслед за Сальниковым он выделил три этапа в развитии андроновской эпохи. Однако в последнем, замараевском этапе он увидел самостоятельную, своеобразную культуру [100, с. 216—239]. Первая попытка классификации памятников, исследованных Восточно-Казахстанской экспедицией, была предпринята А. Г. Максимова [87]. Она предложила двучленную периодизацию, выделив ранний и поздний периоды. Ранний синхронен федоровскому

этапу, поздний — карасукской культуре.

Ховсем иначе подошел к изучению древностей Восточного Казахстана С. С. Черников. Всю эпоху бронзы он разбил на четыре этапа. Первый этап — Усть-буконский — занял промежуточное положение между афанасьевскими и андроновскими памятниками. Исследователь нашел аналогии посуде первого этапа в материалах неолитического слоя Усть-Нарыма и заявил о возможности генетической связи между энеолитом Восточного Казахстана и андроновской культурой. Усть-буконские памятники одновременны позднеямной и раннекатакомбной культурам, с одной стороны, и позднеафанасьевской и глазковской, — с другой. На основании сопоставления усть-буконских памятников с этими культурами С. С. Черников датирует первый этап XVIII—XV вв. до н. э. Второй этап — канайский — характеризуется керамикой с развитым геометрическим орнаментом, имеющей прямые аналогии с федоровской посудой Зауралья. К этому же периоду относится большая часть бронзовых орудий общепандроновских форм. Верхняя дата второго этапа обуславливается временем появления карасукской культуры на Енисее — XIII—XII вв. до н. э. На третьем, мало-красноярском этапе широко распространилась валиковая керамика. Одновременно с ней продолжала существовать и посуда с геометрической орнаментацией. Абсолютную дату этапа С. С. Черников определил в пределах XII—IX вв. до н. э. Последний, трушниковский этап) характеризуется сосудами с сильно раздутым туловом, отогнутой шейкой и грубой орнаментацией. Датируется он IX—V до н. э. — переходным периодом к культуре ранних кочевников [143, с. 92—104].

Выводы С. С. Черникова не были признаны большинством археологов. В течение ряда лет трехчленная периодизация андроновской культуры, которая была предложена К. В. Сальниковым, в основном удовлетворяла исследователей. Она сыграла большую роль в деле классификации и систематизации древностей одной из крупнейших археологических культур степной Евразии. Однако различные аспекты хронологии андроновских памятников оставались в центре внимания многих археологов. Значительное место уделено им в монографиях С. В. Киселева [71, с. 40—62], С. П. Толстова [132], В. Н. Чернецова [140]. Специальную обобщающую работу по относительной хронологии памятников андроновской культуры опубликовала М. Н. Комарова [75]. Опираясь прежде всего на керамические коллекции, она поставила перед собой задачу выявить общие и специфические черты отдельных районов.

С помощью материалов могильника Тасты-Бутак, раскопанного в Западном Казахстане, В. С. Сорокин попытался уточнить хронологию алакульского типа. Он составил корреляционную таблицу орнаментальных узоров на посуде из могильников Орской группы, Боровое, Алексеевский, Алакульский. Надежным

критерием при определении относительной хронологии этих памятников он считает количество архаичных (федоровских) черт на керамических комплексах [120]. Используя метод корреляции, Е. Е. Кузмина разработала периодизацию андроновских могильников Еленовского микрорайона [82].

Постоянным защитником своей схемы оставался К. В. Сальников. Принципиально отстаивая трехчленную периодизацию, он, однако, внес в нее важные изменения, касающиеся абсолютных дат [115, с. 32]. На пос. Береговое I им был обнаружен слой с совместным залеганием алакульской и раннесрубной керамики, дата которого определялась XVI—XV вв. до н. э. В последней своей работе К. В. Сальников удревнил до XVIII в. до н. э. федоровский этап, а время существования замараевских памятников отнес к XII—VIII вв. до н. э. [114, с. 309—325].

Первая попытка передатировать алакульский этап была принята в 1960 г. Э. А. Федоровой-Давыдовой [134]. В погребении у с. Кумак было обнаружено два сосуда (один определяется как алакульский, второй — как федоровский, впоследствии отнесенный к кожумбердынскому типу), копьей сейминского типа и нож. Бронзовые предметы дали основание датировать керамику и все погребение XV—XIII вв. до н. э., что, в свою очередь, удревнило алакульские памятники на четыре столетия по сравнению с первоначальной датой (XI—IX вв. до н. э.), предложенной К. В. Сальниковым. Присутствие же в одной могиле алакульской и федоровской керамики позволило автору раскопок считать их принадлежащими двум сосуществующим,

и След за Э. А. Федоровой-Давыдовой некоторые исследователи поставили под сомнен ровской и алакульской керамики.

В середине 60-х годов, когда был накоплен новый материал, трехчленная периодизация перестала удовлетворять археологов. Для пересмотра схемы К. В. Сальникова В. С. Стоколос использовал новые источники по эпохе бронзы Зауралья: группу памятников у сел Черняки и Спасское, поселения Ачликуль, Чернореченское I и Лужки, заново обратился к таким памятникам, как поселения Кипель, Замараево, Черкаскуль II. При этом он уделил особое внимание стратиграфическим напластованиям. Важное место в своей системе доказательств К. В. Сальников отводит селищу Кипель, материалы которого убедили его в последовательности двух хронологических этапов андроновской культуры — федоровского (раннего) и алакульского (позднего). В. С. Стоколос пересмотрел коллекции Кипели и, анализируя находки на" полах жилищ, попытался доказать, что это поселение со смешанным, разнородным материалом, который отложился одновременно [123]. Не менее критично отнесся В. С. Стоколос и к такому важному памятнику, как пос. Замараево. Он установил, что на всех горизонтах культурного слоя замараевские, алакульские и федоровские фрагменты посуды залегают

совместно. Это обстоятельство, по мнению В. С. Стоколоса, свидетельствует о тесных контактах различных групп населения и об одновременном существовании трех выделенных типов керамики [124, с. 72—80]. В конечном итоге исследователь пришел к выводу о наличии в Зауралье в эпоху бронзы двух периодов — алакульского и замараевского. По времени они соответствуют первому и второму этапам срубной культуры. Замараевский период начался с проникновения в алакульскую среду инокультурного федоровского (андроновского) населения с востока и срубных и абашевских племен с запада [124, с. 132].

Э. А. Федорова-Давыдова, во многом соглашаясь с В. С. Стоколосом, считает целесообразным сохранить термин «андроновская» за всей культурно-исторической областью, он должен иметь хронологический смысл. Памятники же федоровского типа следует относить к федоровской культуре, а алакульского — к алакульской культуре [135].

Последние полтора-два десятилетия характеризуются резким увеличением источниковой базы, позволяющей более глубоко и всесторонне реконструировать процесс исторического развития андроновских племен.

В 1975 г. автор настоящей работы предложил схему развития культуры бронзового века Петропавловского Приишимья, распространяющуюся на весь Северный Казахстан [48]. Наиболее ранние памятники средней бронзы были объединены в особый петровский этап, который на основании бронзового инвентаря датирован XVI—XV вв. до н. э. Генетическая преемственность алакульских и петровских комплексов позволила определить последние как раннеалакульские и считать Северный Казахстан одним из районов формирования алакульской культуры. Памятники алакульского этапа оформились и существовали в пределах XIV—XIII вв. до н. э. Федоровские (андроновские) комплексы появились на Северном Казахстане в последней четверти II тысячелетия до н. э. Автор рассматривает федоровское население как пришлое, а памятники амангельдинского и бишкульского типа считает результатом его взаимодействия с местными алакульскими племенами. Эпоху поздней бронзы он разделил на два этапа — замараевский (явленский) и ильинский, поместив их в пределах X—VII вв. до н. э. Ареал распространения и характеристики петровских и близких им синташтинских комплексов в дальнейшем были уточнены в работах В. Ф. Генинга [23], К. Ф. Смирнова и Е. Е. Кузьминой [118], Н. Б. Виноградова [15]. В связи с накоплением новых материалов как по территории Северного Казахстана, так и по всему обширному андроновскому региону, точка зрения автора на периодизацию и хронологию бронзового века урало-казахстанских степей уточнялась [53], что нашло отражение и в настоящей работе.

Характеристика заключительного этапа бронзового века Се-

верного Казахстана (саргаринской культуры) была развернута и всесторонне обоснована в ряде статей и кандидатской диссертации С. Я. Зданович [55, 58]. Большое значение для расстановки хронологических реперов имели широкомасштабные работы Е. Н. Черных по истории древней металлургии [146], а также исследование Н. А. Аванесовой, которая на основе анализа металлических изделий сделала попытку обосновать единство андроновского мира [2]. Петровские памятники она выделила в особый предалакульский этап (XVII—XVI вв. до н. э.), в развитии андроновского общества отметила три этапа: алакульский, кожумбердынский и федоровский (XVI—XIII вв. до н. э.). Заключительный этап бронзового века определен ею как замараево-бегазинская культура (XII—IX вв. до н. э.). Н. А. Аванесова еще раз отметила позднюю позицию федоровского металла и генетическую связь алакульских и федоровских комплексов. Принятое Н. А. Аванесовой хронологическое деление андроновских древностей сегодня признают многие исследователи.

Важное место в культурной интерпретации памятников урало-казахстанского региона заняла работа М. Ф. Косарева, посвященная бронзовому веку Западной Сибири [77]. Исследователь выделил три северных варианта андроновской культурной общности: нижнетобольский, верхнеобский, черноозерско-томский. Время существования андроновских комплексов он осторожно определил в пределах последних веков II тысячелетия до н. э. В андронидную культурную общность М. Ф. Косарев объединил черкаскую и еловскую культуры, а также группу памятников таежного Прииртышья типа Сузгуна II. Вслед за В. С. Стоколосом [124, с. 93—96] и Л. П. Хлобыстиным [139, с. 51] начало черкакульских комплексов он отнес ко времени не ранее XIII в. до н. э., хотя в целом исходит из Točs_

^рлесная ^зЗауралье ^фФедоровская орнаментальная традиция имела глубокие местные корни. Андроновские декоративные мотивы, определившие орнаментацию сузгунской и еловской посуды, М. Ф. Косарев считает привнесенными в таежное Обь-Иртышье в уже сложившемся виде [77, с. 141].

Идея о двух генетических стволах в андроне ярко выражена в последних работах Г. М. Потемкиной, которая включает лесостепное Притоболье в район формирования алакульской культуры, видя ее истоки в местных культурах энеолита и ранней бронзы [107]. Раннеалакульские комплексы (XVII—XVI вв.) уже на начальном этапе развития испытывали на себе влияние многочисленных разнокультурных привнесенных извне традиций: абашевских, петровских, раннесрубных, позднекатакомбных, федоровских (аятских, коптяковских) [107, с. 272]. Контакты классического алакуля (XV—XIV вв.) с федоровским населением определяются со стороны Федорова как инокультурное влияние. При этом предполагается, что алакульские и федоровские плё-

мена сосуществовали на одной территории. В позднеалакульское время (XIV—XIII вв.) в Тобольскую лесостепь проникло черкаскульское население. В алексеевско-саргаринской культуре Т. М. Потемкина выделила два этапа — ранний (XII—X вв.) и поздний (X—IX вв.).

Предложенная периодизация детально и четко выявляет ведущую линию развития алакульской культуры, однако позднеалакульский этап как культурное явление определен с нашей точки зрения неверно. Основная масса керамики, отнесенная Т. М. Потемкиной к этому этапу, хорошо известна как поселенческая федоровская (бишкульская) по памятникам Восточного [143, с. 27—31; 212—213] и Северного Казахстана [40]. Определив федоровские поселения как позднеалакульские, а одновременно и единокультурные с ними погребальными комплексами и поместив в раздел «Инокультурные влияния», исследовательница уклонилась от рассмотрения федоровской проблематики — самой сложной и запутанной в современном андроноведении. С точки зрения Т. М. Потемкиной на бронзовый век Среднего Притоболья во многом смыкается позиция В. В. Евдокимова [37].

Оригинальный взгляд на соотношение федоровских и алакульских комплексов Урало-Казахстанского региона содержится в одной из последних работ Е. Е. Кузьминой [85]. Основываясь прежде всего на технологических особенностях керамики, она пришла к выводу, что федоровские комплексы сложились в Центральном Казахстане, где она выделила раннефедоровские памятники XV—XIV вв. до н. э. Учитывая этнографическую значимость двух различных традиций гончарства и погребального обряда, исследовательница признала зафедоровской и алакульской две независимые линии развития. Однако, в отличие от В. Н. Чернецова и его последователей, Е. Е. Кузьмина видит в них не разноэтнические — иранскую и угорскую — группы населения, а родственные племена, принадлежащие единой этнической общности. Памятники кожумбердынского типа — собственно кожумбердынский, амангельдинский, атасуский, таутаринский и семиреченский варианты — она рассматривает как свидетельство процессов интеграции и ассимиляции, происходящих в разное время в среде двух родственных культур. Интересная с точки зрения подхода к этническим проблемам работа Е. Е. Кузьминой, к сожалению, страдает целым рядом неточностей при подборке археологических источников и этим в значительной степени обесценивает себя.

Из работ по казахстанской тематике необходимо отметить монографию А. Х. Маргулана под научной редакцией М. К. Кадырбаева, которая значительно расширила представление о бегазы-дандыбаевской культуре глубинного региона андроновского мира [91]. Важное значение для понимания исторических процессов, происходящих в эпоху бронзы в Центральном Казахстане, приобретают многолетние исследования М. К. Кадырбаева

и Ж. К. Курманкулова на поселении Агасу [69].

Несмотря на значительные успехи, достигнутые к середине 80-х годов в изучении ряда частных и общих вопросов андроноведения, важнейшая проблема — периодизация андроновского мира — остается нерешенной. К настоящему времени большинство исследователей признают самостоятельность федоровской и алакульской культур, а также правомерность выделения петровских комплексов и их генетическую связь с памятниками алакульского типа. В последнее десятилетие стала общепризнанной самобытность комплексов валиковой керамики и в целом саргаринско-алексеевской культуры.

Основные разногласия по проблеме периодизации и хронологии в андроноведении сводятся к нескольким пунктам:

1. Каково хронологическое соотношение федоровских и алакульских комплексов? Связаны ли они между собой генетически? Принадлежат двум различным, но родственным этносам, или резко отличаются по этническому происхождению?

2. Что такое ранние федоровские памятники? Насколько убедительны их хронологические и стратиграфические позиции?

3. Признание параллельности в развитии федоровской и алакульской культур неизбежно ставит вопрос о позднефедоровских и позднеалакульских комплексах. Каково их содержание и как на них отразились взаимодействия?

4. Какова роль федоровских и алакульских традиций в формировании саргаринско-алексеевской культуры?

Поставленные вопросы могут быть решены только коллективными усилиями как в полевых исследованиях, так и в разработке теоретических проблем, связанных с оценкой и анализом массовых археологических источников.

Глава II

ОПОРНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Материалы поселений играют определяющую роль в разработке вопросов периодизации андроновских древностей. Поселения андроновской культурно-исторической общности, как правило, многослойны. Неоднократность и долговременность обитания на одних и тех же площадках связана с устойчивыми традициями, а также, вероятно, с какими-то демографическими процессами, которые приводили к заселению всех удобных мест. Однако специфика слоев на андроновских памятниках такова, что расчленение их вызывает большие затруднения. Обычно это мощные слои рыхлых зольников, цветовой оттенок которых не могут служить руководящим признаком выделения слоя. Зольники легко перемещаются водой и ветром, перемещаются и материальные остатки, содержащиеся в различных напластованиях. При этом условия засушливого климата не способствовали отложению стерильных слоев в периоды временного прекращения

жизни на поселениях. Отсутствие стратиграфических наблюдений объясняется не только сложностью процесса формирования и плохой сохранностью культурных слоев, но также, вероятно, и относительно малой площадью вскрываемого культурного слоя и несовершенством методики исследований.

В полевой работе на поселениях мы стремились раскапывать максимально большие площади. Так, на поселениях Новоникольское I было вскрыто 4952 кв. м. культурного слоя, Петровка II — 3665 кв. м. Значительный объем земляных работ выполнен и на других памятниках (табл. 1). Небольшие однослойные поселения Вишневка и Бишкуль IV исследованы полностью. Раскопы накладывались не только на жилищные впадины, но и на всю территорию, заключенную между жилищами. При этом грунт полностью удалялся за пределы памятника. Исследования велись участками 3X3 м. В случае обнаружения четких контуров жилищных котлованов бровки частично убирались и вскрытие культурного слоя в пределах помещений производилось квадратами 6X6 м, что позволяло делать более тщательные наблюдения в плане.

Работа большими площадями на многослойных поселениях позволила широко использовать статистико-стратиграфический метод. Его применение дает эффективные результаты при наличии массовых источников информации. Поэтому относительно немногочисленные предметы из бронзы, камня, кости использованы нами только для критического анализа предлагаемых решений и для развернутой характеристики выделенных по керамике этапов бронзового века урало-казахстанских степей. Опорным материалом для хронологических построений послужили тысячи фрагментов посуды, обнаруженные при раскопках.

Ряд поселенческих комплексов, исследованных СКАЭ-УКАЭ в урало-казахстанском регионе, уже нашел отражение в научной литературе [40; 42; 43; 44; 46]. Однако эти публикации носят тезисный характер и содержат очень ограниченный объем информации. В настоящей главе мы остановимся подробно на материалах четырех поселений, раскопанных в Петропавловском микрорайоне: Бишкуль IV, Боголюбово I, Новоникольское I, Петровка II, IV. Эти памятники достаточно ярко отражают культурно-хронологическую ситуацию, сложившуюся в эпоху бронзы в степной полосе Урало-Иртышского междуречья. Поселения Бишкуль IV, Боголюбово I, Петровка IV, несмотря на небольшие размеры, дают представление о «чистых» комплексах трех культур — петровской, федоровской, саргаринско-алексеевской. Многослойные памятники Новоникольское I и Петровка II предоставляют данные о последовательности культурных напластований и о динамике развития культур бронзового века.

Бишкуль IV

Памятник расположен в 17 км к ЮЗ от города Петропавловска на второй террасе правого берега реки Ишим. Он занимает мыс с крутыми склонами, который поднимается на 16 м над уровнем поймы (рис. 1; 2)*. Поселение сильно разрушено в XVIII веке при строительстве оборонительного укрепления Новоишимской линии. Заложенные шурфы позволили выявить сохранившийся участок древнего культурного слоя мощностью до 0,5 м у южного склона мыса. Здесь был разбит раскоп площадью 420 кв. м., которым проведено исчерпывающее исследование памятника. На территории раскопа обнаружены несколько незначительных хозяйственных углублений и остатки

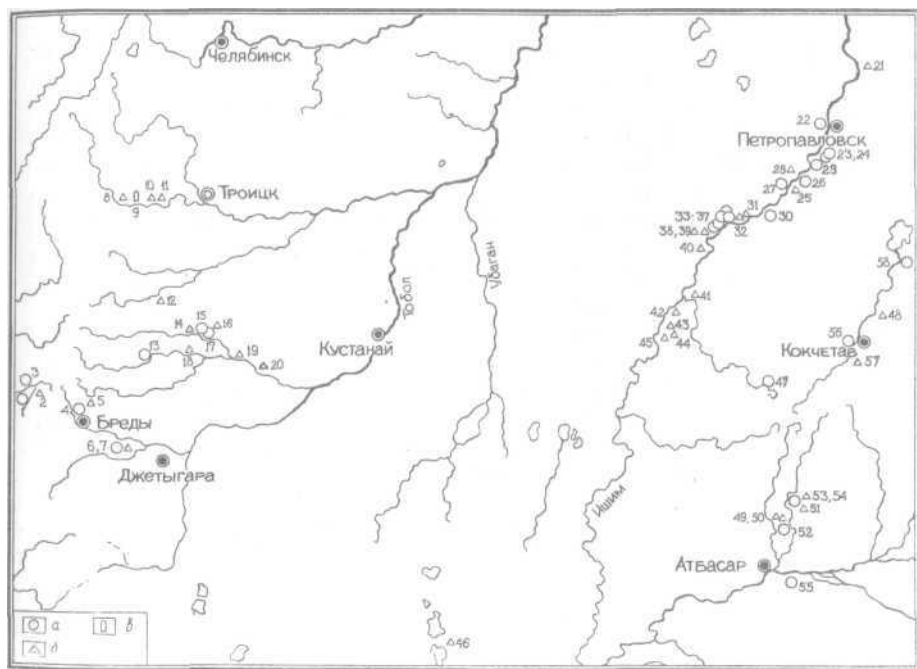

Рис. 1. Карта памятников эпохи бронзы исследованных СКАЭ-УКАЭ в 1966-1987 гг.

а — поселение; б — могильник; в — менгир; 1 — Аркаим, 2 — Александровка; 3 — Черкасы; 4, 5 — Синташты; 6, 7 — Берсуат; 8 — Путиловская Займка II; 9 — Степное; 10 — Прилодный Лог; 11 — Каменка; 12 — Кенес; 13 — Городищенское III; 14 — Кара-Оба; 15 — Кулевчи III; 16 — Кулевчи IV; 17 — Кулевчи VI; 18 — Змеиная Горка; 19 — Соколок; 20 — Николаевка; 21 — Соколовка; 22 — Вишневка I; 23 — Бишкуль I; 24 — Бишкуль IV; 25 — Семипалатное; 26 — Боголобове I; 27 — Ново-никольское I; 28 — Ново尼кольское; 29 — Карлуга II; 30 — Явленка I; 31 — Амангелды I; 32 — Петровка; 33 — Петровка I; 34 — Петровка II; 35 — Петровка III; 36 — Петровка IV; 37 — Петровка V; 38 — Кенес; 39 — Берлик II; 40 — Аксайман; 41 — Бурлук I; 42 — Алыпкаш; 43 — Графские Развалины; 44 — Бектениз; 45 — Улубай; 46 — Аксуат; 47 — Якши-Янгизтау; 48 — Куропаткино II; 49, 50, 51 — Жабай-Покровка; 52 — Жабай-Покровка II; 53 — Саргары; 54 — Саргары II; 55 — Родионовка; 56, 57 — Павловка; 58 — Виноградовка VI; 59 — Баландино

См. Приложение.

жилища эпохи бронзы. Последнее частично разрушено из-за оползания склона террасы. Площадь сохранившегося помещения составляет 140 кв. м. Котлован жилища прорезает только погребенную почву и почти не углубляется в материк, однако контуры его хорошо фиксируются по темному слою, отложившемуся на полу помещения. В северной стенке котлована имеется коридорообразный выход шириной более 2 м. На полу жилища в углублениях до 0,2—0,3 м зафиксировано шесть очагов с каменными выкладками. Центральные очаги 2, 3 отличаются значительными размерами — их диаметры составляют до 1,5 м, мощность прокала 15 см. Над очагом 3 найдены остатки сгоревшей бревенчатой четырехугольной рамы размером 1,3X X 1,8 м, которая является, видимо, частью рухнувшей кровли. При зачистке пола обнаружено около 60 ямок от столбов.

В результате раскопок получен небольшой набор бронзовых предметов (желобчатый браслет, проколка, скрепки для ремонта посуды) и несколько довольно грубо обработанных каменных орудий. Керамика поселения Бишкуль IV представлена тщательно изготовленной посудой, иногда со следами лощения (рис. 2, 1—13). В качестве примесей использован шамот и мелкий песок. Около 60% комплекса составляют сосуды с широким дном, с прямыми и несколько расходящимися вверх стенками, горловины сужаются, образуя едва выделяющуюся шейку. Слабая раздутость тулова, отсутствие прогиба стенок у дна сближают эту категорию сосудов с баночными. Немногочисленную группу составляют ярко выраженные банки с прямыми или слегка вогнутыми горловинами. Только 20% сосудов относятся к горшечному типу. Они имеют дугообразные или прямые, часто высокие шейки, плавно профилированное и слабо раздутое тулово. Плечевые уступчики встречаются только на единичных экземплярах и выделяются обычно за счет каннелюр. Орнамент покрывает шейку и верхнюю часть тулова. Среди элементов узора преобладают горизонтальные зигзаги, каннелюры, пояски наклонных линий, «шагающий» штамп. Описанный комплекс, несомненно, однороден и относится к короткому хронологическому периоду функционирования памятника.

Боголюбове I

Поселение расположено на прямоугольном мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Ишим в 4 кмк ЮВ от с. Боголюбове Бишкульского района Северо-Казахстанской области (рис. 3). Значительный участок мыса уничтожен карьером, песок которого используется в течение многих лет. Западный склон террасы срезан при сооружении дороги. Длительная разработка карьера привела к образованию искусственного водоема, вызвала многочисленные оползни и проседание грунта.

В 1970 году на памятнике были предприняты раскопки с

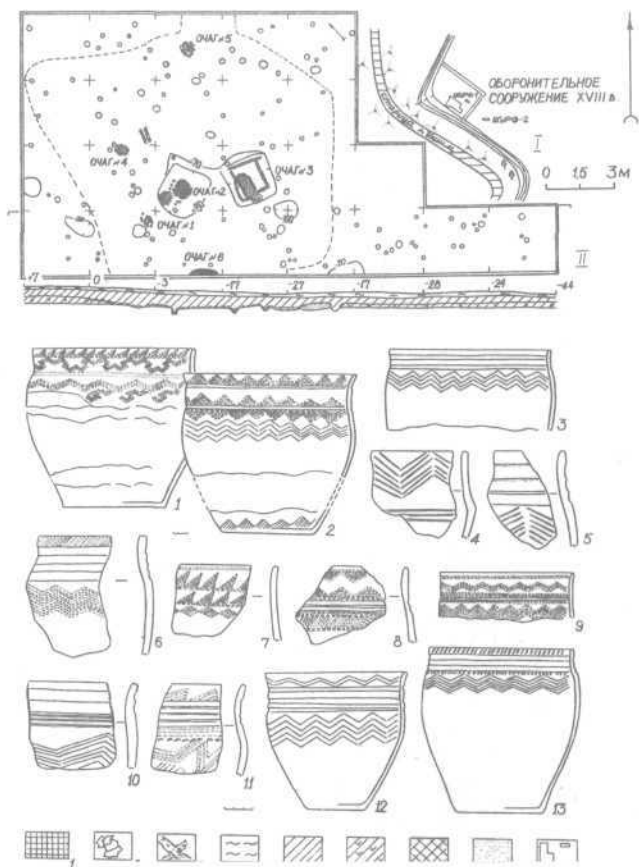

Рис. 2. Поселение Бишкуль IV. План раскопа. Керамика.
 I — план памятника, II — план и разрез раскопа, 1—13 — керамика;
 1 — провал; 2 — каменная выкладка. 3 — древесный уголь, 4 — слой
 речного наноса, 5 — чернозем культурного слоя; 6 — погребенная почва,
 7 — темный гумус, пол жилища, 8 — зольник, 9 — границы раскопа

целью выявления остатков культурного слоя и определения его границ. Раскоп площадью 154 кв. м заложен у северной кромки карьера. Вскрытые участки являются, безусловно, периферией существовавшего здесь поселения — культурный слой крайне беден. Остатки какой-то наземной конструкции зафиксированы в квадратах 6—8/А. Здесь обнаружено около 20 ямок от столбов глубиной до 20 см и несколько более крупных ямок, одна из которых имеет диаметр 2,2 м и глубину 1,3 м. Очаги (всего их три) располагались в небольших углублениях, обложенных камнями. Возле очага 2 — скопление мергеля и дополнительное углубление шириной 1,2 м и длиной 1,7 м.

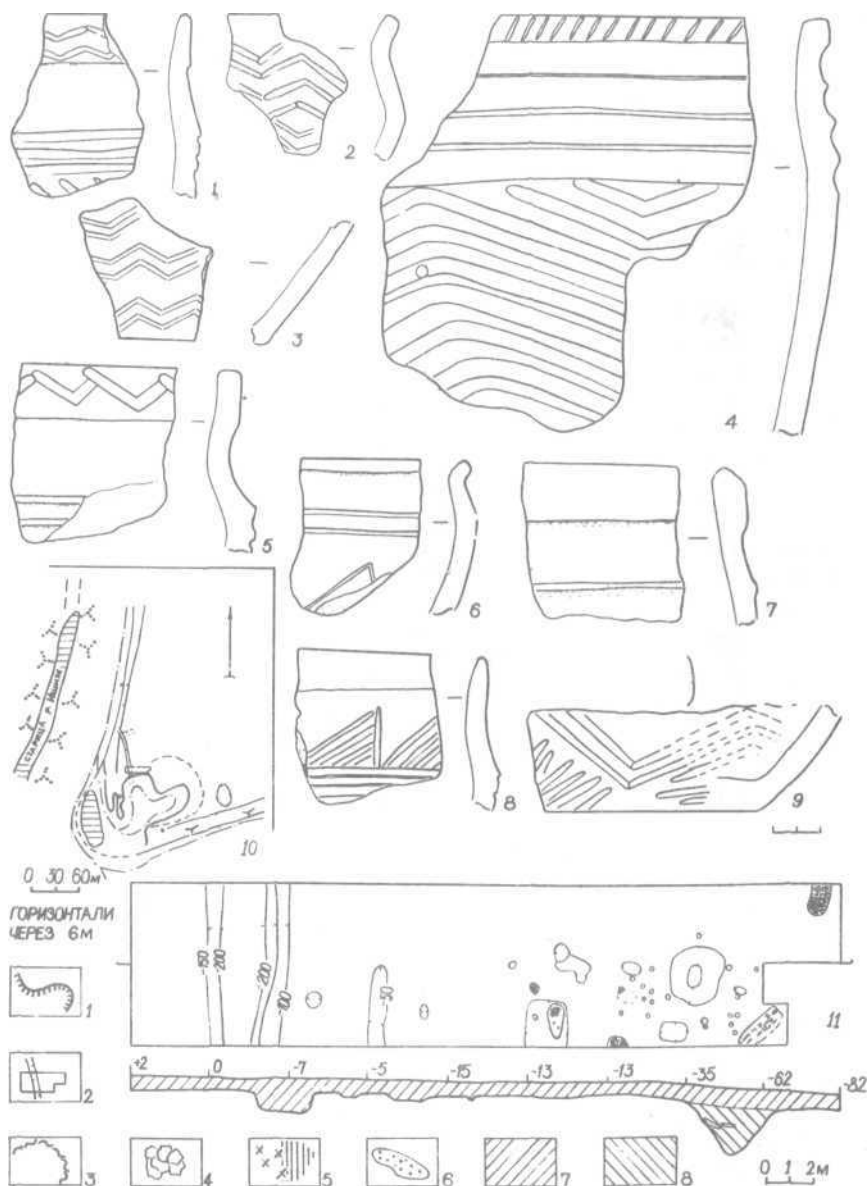

Рис. 3. Поселение Боголюбово I. План раскопа. Керамика.

1—9—керамика. 10—общий план поселения; 11—план и разрез раскопа, 1—граница карьера, 2—граница раскопа, 3—отвалы карьера, 4—выкладка из камня и мергеля, 5—прокат и древесный уголь. 6—золяник, 7—гумусированная супесь культурного слоя, 8—песчаный грунт, заполнение рва

В западной части раскопа вскрыта канавообразная конструкция, разрез которой хорошо виден в стенке карьера. Глубина конструкции 2,25—2,5 м от современной поверхности, ширина на уровне материка 3,5 м. Заполнение состоит из коричневатого песчаного грунта с прослойками золы. Для выяснения назначения и плана конструкции было пробито несколько шурфов, которые закладывались через каждые 10 м. В результате было установлено, что канавообразное углубление представляет собой участок рва протяженностью около 50 м. По всей длине рва очертания и глубина его меняются незначительно. Ориентирован он по линии С—Ю и идет перпендикулярно юго-восточному склону мыса. На последних участках ров делает легкий поворот и смыкается с западной кромкой террасы. Несомненно, что он является фрагментом оборонительной системы. Какова была площадь укрепленного поселения, говорить трудно. Как указывалось выше, мыс сильно разрушен и лишен первоначальной формы.

В результате раскопок и сборов на отвалах карьера собрана коллекция из 624 предметов. Среди них два изделия из бронзы хорошей сохранности: серп с сильно выгнутой спинкой и брашлет из тонкой пластины. В коллекции 30 предметов из камня. В большинстве это орудия труда, выполненные на отщепах. На них оформлены ножи, скребки, скобели. Наиболее выразительными находками являются обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы из кремнистого сланца и наконечник дротика листовидной формы с обломанным основанием.

Около 400 находок являются фрагментами керамики. Среди них выделяются несколько обломков архаичного облика, которые могут быть связаны с каменным инвентарем. Остальная керамика отличается единообразием и может быть отнесена к посуде петровской группы. Сосуды толстостенные, в тесте — примесь шамота, слюды и раковины. Керамика разнообразна по форме, но обобщенно ее можно разделить на две группы: остросереберные сосуды и банки. Орнамент, за редким исключением, нанесен резной техникой. Сосуды украшены в верхней части и у дна вариациями из 10 видов элементов. По большому количеству орнаментированных стенок можно заключить, что значительная часть сосудов была полностью или почти полностью покрыта орнаментом. Преобладают желобки, зигзаги, заштрихованные равнобедренные треугольники, ямочные вдавления (рис. 3, 1—9). В коллекции есть несколько фрагментов посуды, украшенных валиками и относящихся к заключительному этапу бронзового века.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что площадка памятника была заселена в эпоху камня и бронзы. Не исключено, что в каменном веке заселение было неоднократным. Наибольший культурный слой возник в эпоху средней бронзы во время существования здесь довольно крупного укрепленного

поселения. За пределами поселения у южной кромки мыса обнаружена жилищная впадина, которая, судя по конфигурации и керамическому материалу, относится к финальной бронзе.

Новоникольское I

Поселение (площадью около 12000 кв. м) расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Ишим в 56 км к ЮЗ от г. Петропавловска. Оно занимает прямоугольный мыс, у основания которого сохранилось несколько озер, связанных с древним руслом реки. Площадка мыса на 12,5 м возвышается над современным урезом реки и на 5 м над уровнем поймы. В настоящее время даже в самые высокие паводки территорию поселения вода не заливают. Поверхность мыса хорошо задернована, на ней выделяются десяток крупных жилищных впадин глубиной до 0,6 м и несколько более легких овальных понижений.

В течение четырех полевых сезонов (1969—1971, 1977 гг.) на памятнике вскрыто 4951 кв. м. культурного слоя (рис. 4). Общая толщина культурных напластований — от 0,6 до 2 м. Под тонким гумусным горизонтом залегают мощные слои зольников различных цветовых оттенков. Черноземное заполнение имеют только котлованы поздних жилищ, которые фиксируются на поверхности глубокими впадинами. Полы помещений иногда отличаются более темным цветом, в некоторых случаях сохранились слои обмазки, состоящие из крупного песка и глины. На отдельных участках фиксируется погребенная почва, она отличается цветом, значительной плотностью и не содержит материальных остатков. Раскопами были вскрыты остатки 19 жилищ и оборонительные конструкции.

Жилище 1 (рис. 5) имеет форму вытянутого прямоугольника длиной около 22 м и шириной около 12 м, ориентировано с 3 на В вдоль склона террасы. Котлован углублен на 1—1,5 м*, стенки его почти отвесные, только у выхода прослеживаются пологости. Пол восточной половины жилища углублен относительно западной на 20—30 см. На полу обнаружены остатки трех очагов — одного в центре, двух в северо-восточном углу помещения. Центральный очаг находился в небольшом овальном углублении, сделанном в материковом грунте. Два других располагались на зольниках, на 20—30 см выше материкового дна жилища. Все очаги отличаются очень незначительными размерами и тонким слоем прокала. В северо-восточном и юго-западном углах помещения зафиксированы коридорообразные выходы длиной 3—5 м при ширине 1,5—2 м. Еще один проход шириной до 1,5 м связывал жилище с хозяйственной пристройкой, примыкающей к его восточной стенке. Пристрой имел кот-

* Здесь и далее, если специально не оговорено, от уровня какой поверхности идет отсчет, отсчеты сделаны от уровня древней поверхности.

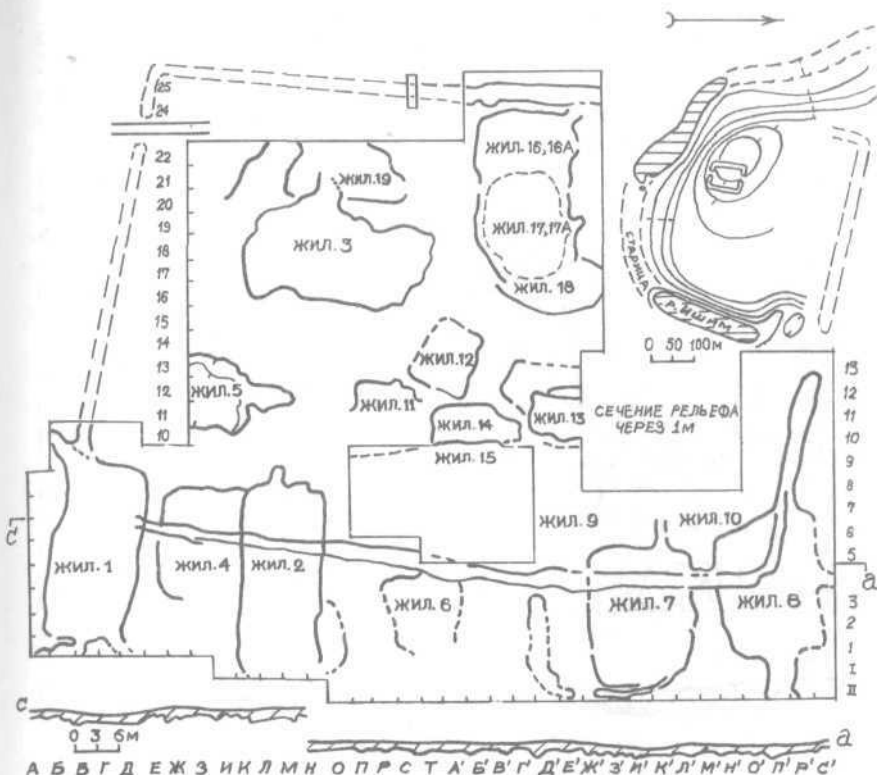

Рис. 4 Поселение Новоникольское I. Общий план поселения. План и разрез раскопа

лован, на 15—20 см углубленный в материк. Выявить полностью его очертания не представляется возможным, так как большая его часть разрушена склоном террасы. На дне жилища и вдоль стен котлована обнаружено около 600 ямок, большинство которых имеет глубину от 10 до 40 см и диаметр от 15 до 50 см и принадлежит остаткам столбовых конструкций. Несколько неглубоких ям имеют значительно большие размеры и использовались, вероятно, для хозяйственных нужд. У северо-восточного входа обнаружена ямка с черепом лошади, а под ним костяной тупик со значительными следами сработанности.

Жилище 2 (рис. 5) расположено в 12 м к северу от жилища 1 и ориентировано с В на З. Его длина 25 м, ширина 10—12 м. Котлован имеет глубину до 1 ж. В жилище обнаружено два выхода. Один — в юго-восточном углу (ширина 1,5 м, длина 2 м), другой — в средней части западной стенки жилища (ширина 1 м, длина 2 м). Пол восточной половины помещения углублен относительно западной на 20—40 см. В жилище зафиксировано пять очагов. Два из них, несомненно основные, рас-

Рис. 5. Поселение Новоникольское I. План и разрез раскопа.

Жилища 1, 2, 4; 1 — прокал, 2 — каменная выкладка; 3 — остатки столбовых ям. 4 — темный гумус, пол жилища; 5 — гумусированный суглинок культурного слоя

положены в западной половине жилища. Очаг 1 находился на материковом полу, отличается слоем прокала мощностью до 35—40 см. Его, вероятно, несколько раз перемещали, поскольку прокаленный слой занимает почти всю площадь квадрата Л/6. В центре квадрата выделяется пятно глины диаметром около 1,5 м, возвышающееся на 20 см над полом жилища. Часть глины имеет следы прокала. Вероятно, это остатки какого-то сооружения, связанного с очагом. На этом же участке в легком углублении в материке зафиксирована круглая выкладка (диаметром 60 см) из местного камня (железистого кварцита). Очаг 2 имеет слой прокала диаметром 1 м и мощностью до 20 см, он располагался над круглой ямкой глубиной около 60 см с уплощенным дном. Остальные очаги тоже находились на полу жилища в небольших углублениях. На дне котлована обнаружено большое количество ям от столбовых конструкций, аналогичных ямам жилища 1, а также около 10 неглубоких хозяй-

стенных ям. Своими размерами выделяется яма на участке Л/5, расположенная недалеко от очага 1. Ее диаметр 1,3—1,1 м, глубина 2 м от уровня пола. Стенки имеют небольшой ступенчатый уступ на глубине 0,6—0,8 м, только северо-западная сторона ямы отвесная. Разрез дает сложную картину напластований древесного угля, мощных прокалов, прослоек глинистого грунта и густого чернозема, жирного на ощупь. В заполнении — фрагменты керамики, кости животных, на некоторых находках — следы огня. На участке Н/2 в углублении пола обнаружены остатки скелетов трех баранов. В анатомическом порядке лежали только позвонки животных, черепа были расположены по кругу.

Жилище 3. Длина котлована 19 м, ширина 10—12 м, глубина 0,6—0,8 м, ориентировано по линии С — Ю. В западной стенке зафиксирован коридорообразный выход, размеры которого точно не определяются. Пол жилища довольно ровный, средняя часть помещения углублена на 20—30 см. На полу в незначительных углублениях (20—25 см) находились три очага. У центрального очага обнаружена каменная выкладка и хозяйственная яма. На полу жилища и вдоль стен котлована зафиксировано около 240 столбовых ямок. Большинство из них расположено в южной и северной частях помещения. В средней, углубленной, насчитывается только два десятка ямок.

Жилище 4 (рис. 5) сохранилось очень плохо. Северная его сторона разрушена жилищем 2, восточная размыта паводковыми водами. Площадь сохранившейся части около 145 кв. м. Длинными сторонами жилище было ориентировано по линии 3 — В. Котлован очень мелкий, углублен в материк всего на 20—30 см. На полу помещения обнаружено два очага с толщиной прокала до 20 см. Никаких дополнительных конструкций у очагов нет. В жилище зафиксировано около 150 ямок от столбов.

Жилище 5 исследовано частично. Длинными сторонами оно ориентировано по линии С — Ю и расположено параллельно жилищу 3. Ширина помещения около 9 м, выход коридорообразный, обращен на север, длина его 6 м, ширина 2 м. Котлован углублен в материковый грунт на 40—50 см. На полу помещения фиксируются ямки от столбов, следов очага не обнаружено.

Жилище 6 представляет собой конструкцию наземного типа. Очертания в плане фиксировались по темному гумусированному слою, который залегал на материковом грунте. Площадь помещения около 90 кв. м. В центральной части жилища — три пятна прокаленного грунта (диаметром 30—50 см, толщиной 10—15 см) и четыре выкладки из мергеля и местного камня. На полу — несколько углублений хозяйственного назначения и более 50 ямок от столбовых конструкций.

Жилище 7 ориентировано длинными сторонами по линии В — 3. Его ширина около 13 м, длина 18 м. У западной стенки, ближе к северо-западному углу обнаружен коридорообразный

выход шириной 0,8—1 м, длиной 3 м. Стенки котлована довольно крутые, двумя уступами резко опускаются ко дну, глубина котлована 1—1,2 м. Заполнение жилища отличается вязким плотным черноземом, керамический и особенно костный материалы имеют плохую сохранность. Все говорит о том, что в течение длительного времени здесь стояла вода и жилищная впадина была заболочена. Как уже отмечалось, в настоящее время даже при сильных разливах Ишима вода едва достигает кромки мыса, на котором расположено поселение. Однако при снятии гумуса на западных участках четко выделяется слой речного наноса, который может относиться к совсем недавнему времени. Древние слои наносов зафиксированы на глубине 0,6—0,9 м, они выделяются в виде равномерных тонких прослоек речного песка и глины, залегающих на темном гумусированном слое пола жилища. Зольники в заполнении встречаются только у края котлована. Пол жилища неровный, особенно в углубленной восточной части сооружения. Последняя выделяется мощностью гумусированного слоя, ямок от столбов в ней значительно меньше, чем в западной части. В западной половине на полу жилища обнаружено пять пятен прокала. Все они расположены недалеко друг от друга и являются составными частями, образующими центральный очаг. В двух случаях прокалы сочетаются с выкладками камня. На полу котлована обнаружено несколько незначительно углубленных ям хозяйственного назначения и около 170 ямок от столбовых конструкций. Кроме того, сооружению принадлежат еще около 4-х десятков ямок, расположенных по границам котлована. В целом в расположении ямок имеется определенная закономерность: два ряда столбов были установлены параллельно длинным стенам жилища и разделяли помещение на три примерно равные части. В квадратах Л/2 и К/2 в стенках котлована обнаружены сосуды в развалах. В квадрате К/6 на глубине 50 см от поверхности встречены остатки двух неполных скелетов коров. Расположение костей полностью совпадает с границами коридорообразного выхода. Несомненно, что перед нами остатки жертвенных животных.

Жилище 8 имеет длину 13 м, ширину около 17 м. Котлован сооружен на 3—4 м севернее жилища 7 на краю террасы. Жилище ориентировано длинными сторонами с 3 на В. У восточной его стены был сделан пристрой (шириной 4 м, длиной 6 м), который, возможно, служил и выходом. Второй выход, вероятно, был в северо-западном углу, но он совпадает с очертаниями более древнего сооружения (рва) и четко не фиксируется. Еще один выход прослеживается в центральной части северной стенки (шириной около 1,5 м, длиной 2 м). Глубина котлована жилища около 1 м, западная, наиболее хорошо сохранившаяся стенка, почти отвесная. Дно неровное, особенно в восточной углубленной половине жилища. На полу помещения в западной части обнаружены остатки двух очагов. Недалеко от них —

выкладки из мергеля и камня. Мергель имеет красный цвет — следы прокала. Одна из каменных выкладок расположена над очертаниями раннего оборонительного сооружения. На полу жилища кроме нескольких незначительных углублений хозяйственного назначения зафиксировано более 300 ямок от столбов глубиной до 40 см. Расположение их довольно хаотичное. Здесь наблюдаются только общие закономерности, отмеченные при описании жилища 7. В заполнении котлована почти отсутствуют зольники, они фиксируются только по краям помещения в виде затеков. Мощный слой чернозема отличается вязкостью, составом и плотностью напоминая торфяник.

Жилища 9, 10. Это остатки двух жилищ, вскрытых на западных участках и примыкающих к жилищам 7, 8. Помещения не имели глубоких котлованов, при их сооружении потревожена только погребенная почва. Пол зафиксирован на глубине 60—80 см от уровня современной поверхности. Он покрыт толстым плотным слоем обмазки, состоящей из смеси глины и довольно крупного речного песка. Особенно хорошо обмазка сохранилась на участках жилища 9. Здесь же вскрыты три очага. Они имеют округлую форму диаметром 0,5—1 м, расположены в незначительных углублениях, обложенных мергелем, толщина прокала до 20 см. Очаг в квадрате Д/7 имел дополнительное углубление в средней части, которое выходило за пределы прокаленного пятна. На линиях 5—7 обнаружено еще несколько пятен прокала. Очень похоже, что здесь фиксируются следы пожара; повсюду можно найти остатки древесного угля, на участке Ж, 3/7 — куски обожженных плах, ориентированных по линии 3 — В с небольшими отклонениями.

С жилищем 10 следует связывать очаги и каменную выкладку на участках М/5, 6. Круглая очажная выкладка имеет диаметр около 0,6 м, она сложена из сланцевого камня, выходы которого расположены не менее чем в 80—100 см к югу от поселения. Один из очагов имел длину 1,4 м, ширину около 0,7 м и был углублен на 0,5 м. Стенки углубления и его дно выложены крупными кусками мергеля, в заполнении — прокаленный грунт, зола, здесь же слой глины, вероятно, развал какого-то дополнительного очажного сооружения. Мергелем выложена небольшая площадка, примыкающая к углублению. Рядом, на уровне пола — два пятна прокала мощностью от 5 до 15 см. На полу помещений зафиксировано несколько ямок от столбов.

Жилище 11 почти квадратной формы. Площадь его в пределах 70 кв. м. Помещение является конструкцией наземного типа. При его сооружении потревожена только погребенная почва. Пол ровный, почти горизонтальный. Хорошо фиксируется обмазка пола толщиной 5—10 см, которая состоит из глины и крупного речного песка и отличается высокой плотностью. На полу обнаружено шесть ямок от столбов, а в юго-восточном

углу помещения — очаг (прокаленное пятно грунта диаметром около 0,8 м и мощностью до 15 см). Выход угловой коридорообразный, но очень короткий. Северная стенка жилища повреждена при сооружении более позднего помещения 14.

Жилище 12 наземной конструкции прямоугольной формы, ориентировано по линии СЗ — ЮВ. Его длина 10—12 м, ширина до 8 ж. У северо-восточного угла помещения зафиксирован участок обмазки пола, рядом находится наземный очаг с прокаленным грунтом толщиной до 0,2 м. На территории постройки зафиксировано около 40 ямок от столбов. Большая их часть не связана с жилищем и относится к поздним периодам функционирования памятника.

Жилище 13 исследовано неполностью, северная часть помещения осталась за пределами раскопа. Жилище имело прямоугольную форму, ориентировано длинными сторонами по линии С — Ю. Ширина помещения 5 м, длина исследованной части около 7,5 м. Пол относительно ровный, на северных участках обнаружена обмазка пола, ближе к западной стенке — очаг наземного типа. Рядом с очагом находятся пять ямок от столбов, напротив, у восточной стенки — остатки еще двух столбовых ям. Вдоль восточной стороны помещения четко прослеживается древесный уголь и незначительный прокал. Вероятно, жилище погибло во время пожара, и уголь представляет собой остатки горизонтальных бревен сруба.

Жилище 14 прорезает пол жилища 11 и, в свою очередь, прорезается западной стенкой жилища 15. Помещение имело прямоугольную форму, в северной его части имеется небольшой прямоугольный выступ. Длина исследованной стенки около 11 м. Глубина котлована до 1 м. По углам северного выступа зафиксированы ямки от столбов. Очаги не обнаружены.

Жилище 15. Вскрыт фрагмент западной стенки. Котлован имеет глубину более 1 м, его заполнение отличается насыщенностью гумуса. Стенка принадлежит крупному помещению, которое хорошо заметно на поверхности по впадине глубиной до 0,5 м.

Жилище 16 (рис. 6) зафиксировано в северо-западной части раскопа. Длина его около 14 м, ширина 6—8 м, общая площадь около 100 кв. м. Ориентировано жилище по линии С — Ю. Восточная стенка постройки разрушена более поздними сооружениями. Котлован имеет глубину 0,5—0,6 м от уровня материка. Стенки его довольно крутые, почти вертикальные, дно ровное. Вход располагается в северо-западном углу помещения, ширина его 1 м, длина 1,5 м. Очаг размещался в центральной части жилища в неглубокой канавке овальной формы длиной 1,4 м. Мощность очажного прокала до 10 см. Интересной особенностью жилища 16 являются жертвенные комплексы, состоящие из частей туш животных, иногда сопровождаемых каким-либо орудием труда или керамикой. Всего в помещении обна-

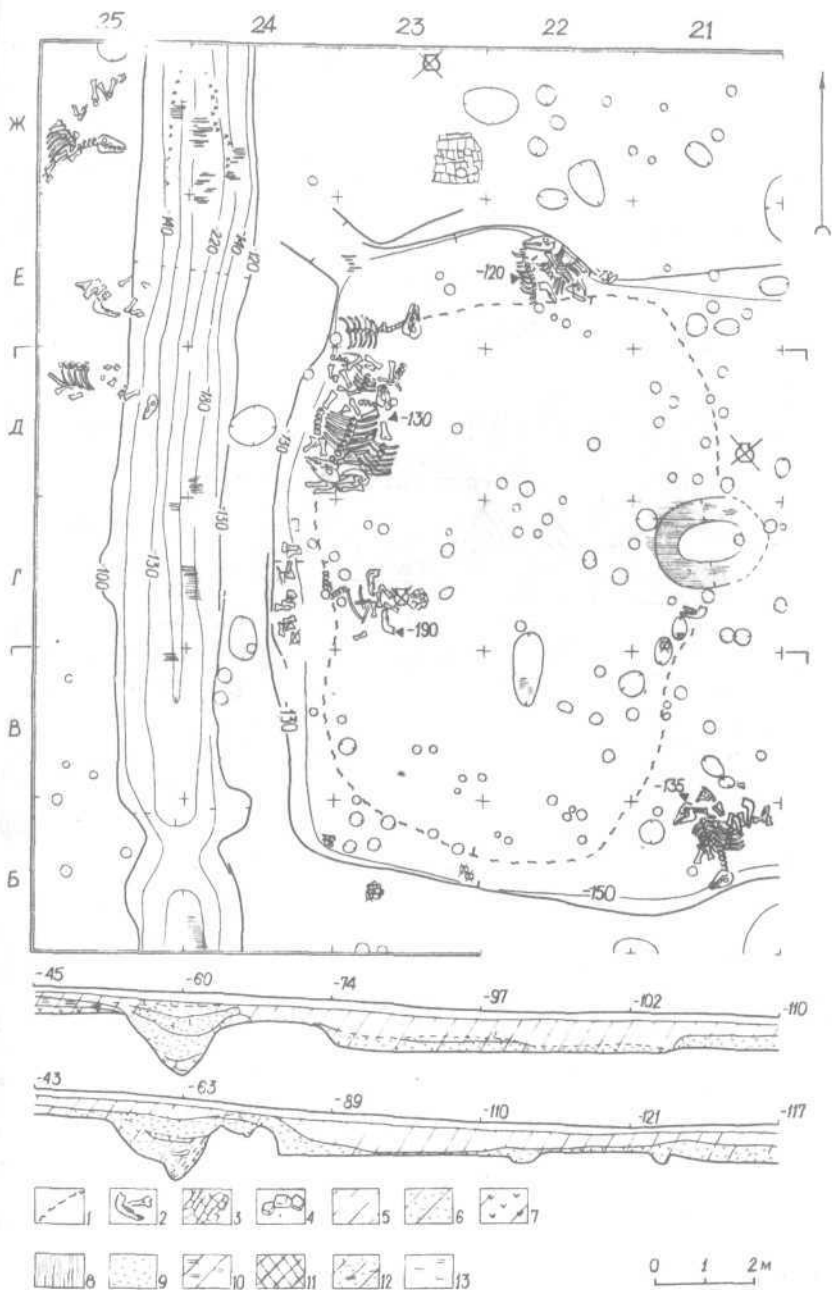

Рис. 6. Поселение Новоникольское I. План и разрез раскопа.
Жилища 16, 16-а:

1 — контуры жилища 16-а; 2 — скопление костей животных; 3 — прокаленная глиняная обкладка, 4 — выкладка из мергеля, 5 — гумусированный темный суглинок, 6 — зольник серый, 7 — гумусированный светлый суглинок, погребенная почва, 8 — прокаленный грунт, 9 — зола светлая; 10 — песок темный; 11 — гумус темнокоричневый; 12 — песок темный с включением золы, 13 — песок светлый

Рис. 7. Керамика петровской группы:

1, 3, 8, 10 — поселение Новоникольское; 2, 4—7, 9 — могильник Петровка; 11, 12 — поселение Боголюбове I

ружено четыре жертвенных места. Одно из них располагалось справа от входа. Здесь был расчищен скелет коровы, туша которой в древности была разрублена на две части. Рядом лежали черепа и кости различных частей скелетов еще двух коров. У затылочной части одного из черепов обнаружена костяная проколка. На костях крупного рогатого скота лежали кости барана.

На жертвенном месте в северо-восточном углу жилища находились скелеты двух коров и лошади. Вдоль стены были уложены кости конечностей барана. В юго-восточном углу жилища расположен еще один жертвенник, в котором сохранились скелеты двух коров. С восточной стороны одного из скелетов обна-

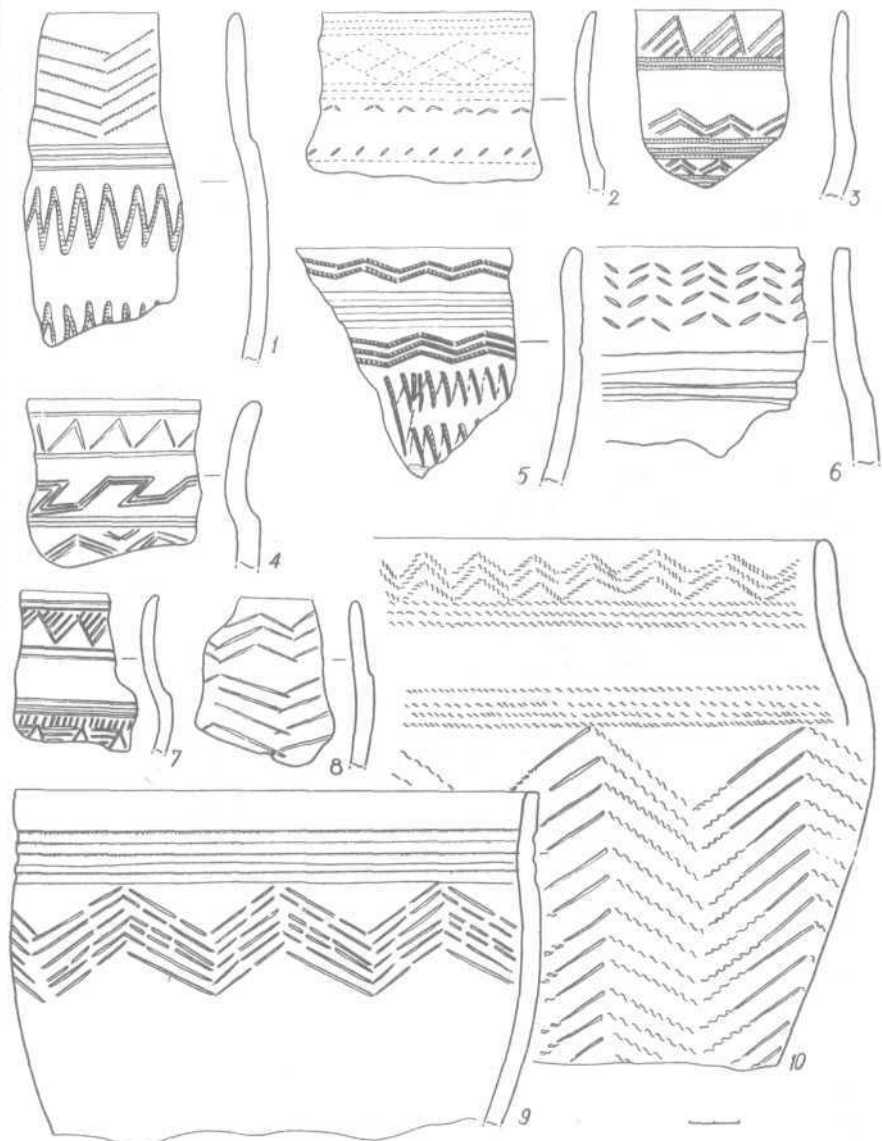

Рис. 8. Поселение Новоникольское I. Керамика алакульской группы

ружены кости ног барана и сильно залощенный тупик, изготовленный из челюсти крупного животного. Четвертый жертвенник находился у средней части западной стены. Он сильно разрушен, кости сдвинуты. Здесь обнаружены обломки черепа лошади, части скелетов коров и баранов. С восточной и южной сторон найдены придонные части двух сосудов. На полу жилища расчищено около 70 ямок от столбов. В расположении их можно уловить некоторые закономерности. Выделяются скопления ямок в центре жилища и в районах жертвенных комплексов. Вдоль стен ямок почти нет — линии столбов проходят в 1,0—1,5 м от границ котлована.

Сверху в углубление жилища вписан котлован более поздней постройки 16-а с темным гумусированным заполнением. Он имеет овальную форму размером 10×6—7 м, стенки его пологие, дно неровное, только в центре он достигает уровня пола жилища 16. Время существования постройки 16-а определяется сосудами саргаринского типа, найденными у южной стенки около жилища и на полу котлована.

Жилище 17 имеет неправильную овальную форму, ориентировано по линии 3 — В. Его длина 13 м, ширина около 10 м. Границы жилища определены условно, так как при его строительстве использован более ранний котлован, который назовем сооружением 17-а. Заполнение жилища 17-а состоит из темно-коричневого гумуса, дно отличается темным цветом. Стенки котлована пологие, их глубина 1,2—1,4 м относительно уровня материка. На полу обнаружено около 100 ямок от столбов. Необходимо учесть, что часть из них должна принадлежать более раннему котловану. Остатки столбовых конструкций сосредоточены в основном в западной и восточной частях сооружения. К жилищу 17 с большой долей вероятности можно отнести очаг 3. Фиксируется он как пятно прокала диаметром 0,5—0,6 м, мощностью 10—15 см. Рядом с очагом обнаружена кольцевая каменная выкладка диаметром 0,4 м. Недалеко от очага находится скопление костных остатков. С конструкцией жилища 17 следует связывать три канавообразных углубления в восточной половине помещения, длина их 1,5—2 м, ширина 0,4—0,8 м. В заполнении двух углублений — каменные выкладки из плоских плит местного сланца.

Жилище 17-а почти полностью разрушено сооружением 17. Сохранились только южная и северная границы раннего котлована, по которым можно судить, что глубина жилища не превышала 0,6—0,8 м, а ширина составляла 11,5 м. Сооружение имело один выход, обращенный на СЗ. Он был ступенчатым и имел вид коридора длиной 2 м, шириной 1,2 м. У западной стенки расчищен очаг. Он представлял собой кольцевую канавку с наружным диаметром около 2 м, которая окружала возвышение из материковой глины.

Жилище 18 почти полностью разрушено сооружением 17,

а также поздними ямками и вкопами. Оно имело очень мелкий котлован, углубленный только до уровня материка. Длина помещения 18 м, ширина 6 м, форма близка прямоугольной. Жилище ориентировано по линии С — Ю.

Жилище 19 исследовано неполностью, западный угол остался за пределами раскопа. Оно имеет неправильную подпрямоугольную форму (14X8 м). Котлован углублен в материк на 10—15 см. В центральной его части фиксируется линзообразное понижение пола на 10—15 см. Выходы расположены в северной и южной стенках постройки. Они представляют собой коридоры шириной 1,5—2 м и длиной около 1,5 м. Около входа у северной стенки жилища располагался очаг. Это небольшое округлое углубление диаметром около 1 м, глубиной 15 см, заполненное прокалом и золой. В юго-восточной части постройки стенки и пол котлована нарушают пять небольших ям и выход из более позднего жилища 3. На полу насчитывается около 100 ямок от столбов. В западной части помещения они располагаются в 0,5—1 м от стенок котлована и, возможно, связаны с несущими конструкциями жилища.

Таким образом, на поселении Новоникольское I вскрыты остатки 19 жилищ, большая часть которых исследована полностью. На межжилищных территориях фиксируется значительное количество столбовых ямок и углублений. Несомненно, что вся площадка памятника длительное время интенсивно использовалась. Кроме описанных конструкций на поселении обнаружена оборонительная система. Основу ее составляет ров глубиной до 1,5—1,7 м при ширине на уровне материка 2—2,5 м. Стенки уступами или наклонно спускаются к уплощенному дну. Иногда дно приострено, особенно на северных участках раскопа. В ряде случаев очертания нижней части рва раздваиваются. Это обстоятельство может быть связано либо с конструктивными особенностями рва, либо с ремонтными работами. Со стороны поселка вдоль рва сохранились участки глиняного вала мощностью 20—40 см при ширине основания 1,5—1,7 м. В районе жилища 9 на глине вала зафиксированы ямки от столбов. Возможно это остатки частокола, который являлся составной частью оборонительной системы. С внешней стороны рва на отдельных участках также сохранились глиняные развалы. Однако, судя по направлению глиняных затеков, внешний вал был небольшим по высоте и имел вспомогательное значение.

Раскопы и контрольные траншеи позволили выявить план укрепленного поселка. Ров опоясывает территорию в виде неправильного прямоугольника со сторонами 95X60 м площадью около 5700 кв. м. В средней части северной стороны и в юго-западном углу обнаружены проходы. К восточной стороне городища примыкает дополнительное сооружение, которое представляет собой прерывающийся в нескольких местах кольцевой ров диаметром 14 м. Северная половина его разрушена котлованом

Рис. 9. Поселение Новоникольское I. Керамика федоровско-бишкульской группы

жилища 7, но незначительный участок рва хорошо прослеживается при зачистке пола помещения. В заполнении кольцевого сооружения — зольники различных оттенков. В наиболее углубленной северной части встречаются следы глиняной обмазки. На дне кольцевого рва фиксируются мощные слои прокала. В южной части сооружения обнаружены черепа барана и лошади, остатки коровы. С внутренней стороны кольца прослеживается развал глиняного вала шириной около 1,5 м и толщиной до 0,4 м.

На дне основного рва зафиксированы несколько ямок от столбов и участки прокаленного грунта. Рядом с прокалами

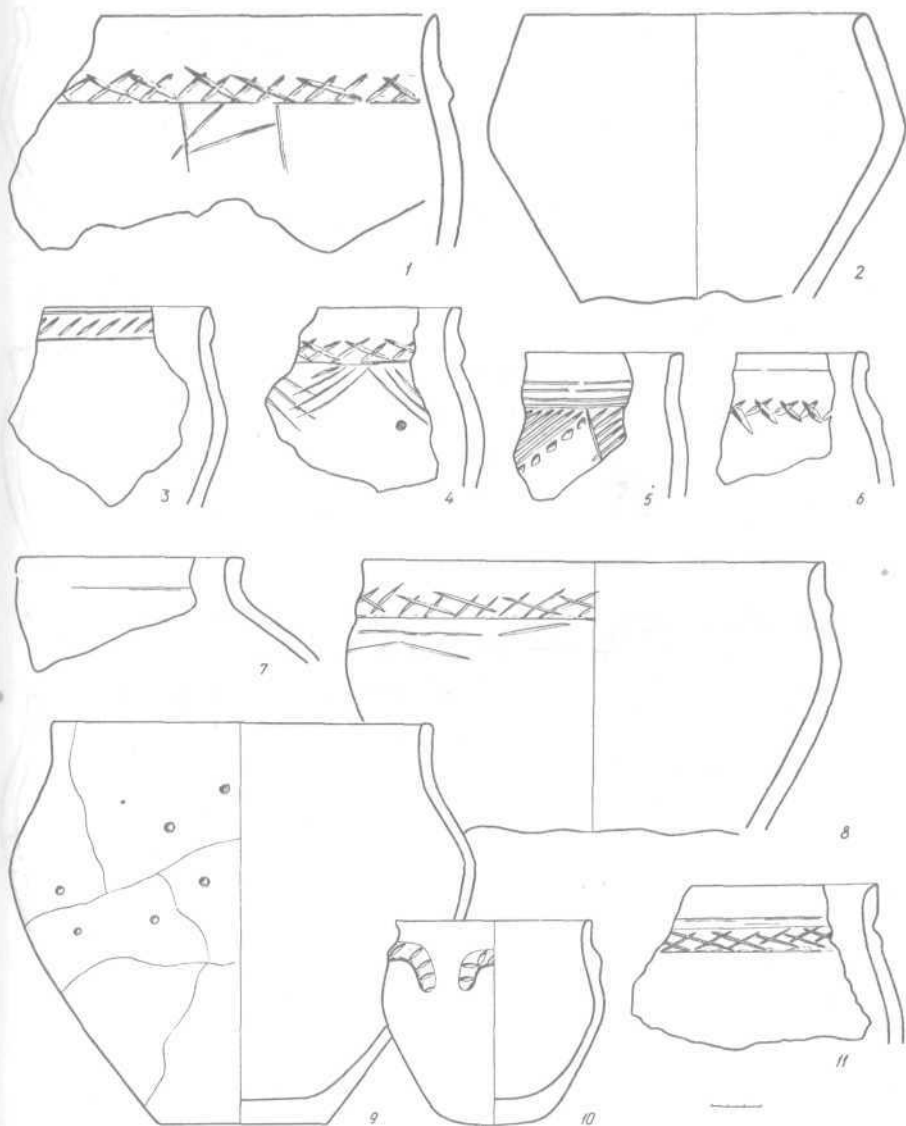

Рис. 10. Поселение Новоникольское I. Керамика саргаринско-алексеевской группы

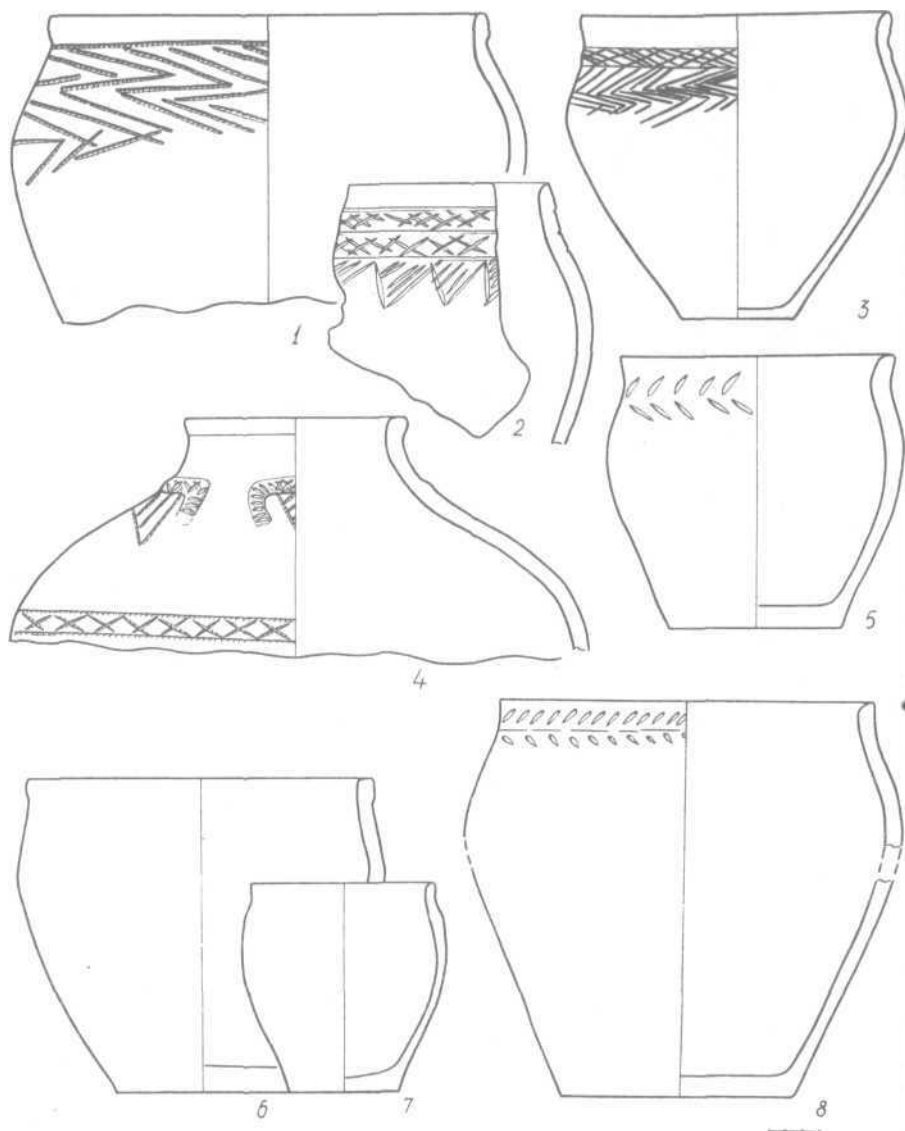

Рис. 11. Поселение Новоникольское I. Керамика саргариско-алексеевской группы

иногда встречаются кости жертвенных животных. На одном из юго-восточных участков поселения на дне рва обнаружена круглая выкладка из мергеля, густо покрытая красной охрой, и углубление, в котором находились кости барана. В северо-западной части раскопа на валу, расположенном с внешней стороны рва, обнаружен жертвенный комплекс, состоящий из передних частей скелетов крупного рогатого скота и отдельных сочленений скелетов баранов. Черепа крупного рогатого скота ориентированы на В и ЮВ в сторону поселка. На этих же участках у границы внутреннего вала обнаружены четыре сосуда петровской и алакульской группы (рис. 8, 4).

В коллекционной описи пос. Новоникольское зафиксировано 27600 предметов. Большую группу составляют находки, связанные с металлургическим производством: слитки металла, шлаки, льячки, сопла, тигли, обломки глиняных и каменных литейных форм. Среди орудий из бронзы 11 ножей различных типов, кинжал, 4 серпа, наконечники дротика и стрел, втульчатые долота, тесло, предмет гарпунообразной формы, пробойники, долотца, шилья, иглы. Разнообразна коллекция предметов из камня и кости. Из камня выполнены черешковые наконечники стрел и наконечники с ровным приостренным основанием, булава, песты и терочки. Среди находок — лошила, целая серия брусочков различных форм, обломки каменных топоров и мотыг. Кость шла на изготовление наконечников стрел, черешковых, обычно четырехгранных с более или менее низким ромбическим сечением. Наиболее яркий предмет — мотыга из рога лося. Конец ее долотовидный, тщательно приострен и отполирован, в верхней ее части имеется паз для крепления. Обычными находками являются тупики с сильными следами сработанности, проколки, пряжки, пронизки.

Керамические изделия представлены обломками литейных форм, льячками, рыболовными грузилами, пряслицами. Глиняная посуда отличается значительным многообразием. В коллекции — банки с расширяющимися или с сужающимися горловинами, остросереберные сосуды, сосуды с уступом, крупные горшки с сильно раздутым туловом и плавной профилировкой. Орнаментация тоже разнообразна. Преобладают зигзаги, различные треугольники, желобки, «шагающий» штамп. Анализ массового керамического материала позволил выделить четыре группы посуды: петровскую, алакульскую, федоровско-бишкульскую и саргаринско-алексеевскую (рис. 7, 1, 3, 8, 10; 8, 11). Разнообразие керамики свидетельствует о длительном периоде функционирования памятника, который охватывал среднюю и позднюю бронзу.

Петровка II

Памятник расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Ишим в 5 км ЮВ от с. Петровка Ленинского

района Северо-Казахстанской области (рис. 12). Работы велись двумя раскопами на протяжении четырех полевых сезонов (1971, 1976, 1981, 1982 гг.). Общая вскрытая площадь составила 3665 кв. м. Культурный слой состоит из зольников различных оттенков. Фрагменты поздних жилищ выделяются черноземным заполнением. На некоторых квадратах хорошо фиксируется погребенная почва. Она отличается равномерным серым цветом и не содержит культурных остатков. Всего на территории обоих

Рис. 12. Поселение Петровка II. Общий план

раскопов вскрыты полностью или частично остатки 24 жилищ и оборонительное сооружение.

Раскоп 1 (рис. 13, II). **Жилище 1.** Длина 24 м, ширина 8,5 м, площадь около 204 кв. м. В юго-западном углу обнаружен выход шириной около 2,5 м. Возможно, еще один угловой выход имелся с северо-восточной стороны, однако фиксируется он очень нечетко. Глубина котлована до 1—1,3 м, он ориентирован по линии С—Ю. Стенки его относительно крутые за исключением пологостей у выходов и хорошо выраженного уступа, примыкающего к северо-восточному углу. Пол неровный, южная часть помещения углублена на 0,3 м. Два крупных наземных очага обнаружены в северной половине жилища. Здесь же располагалась круглая выкладка из камня диаметром 0,3 м. При выборке заполнения часто встречались пятна прокаленного грунта,

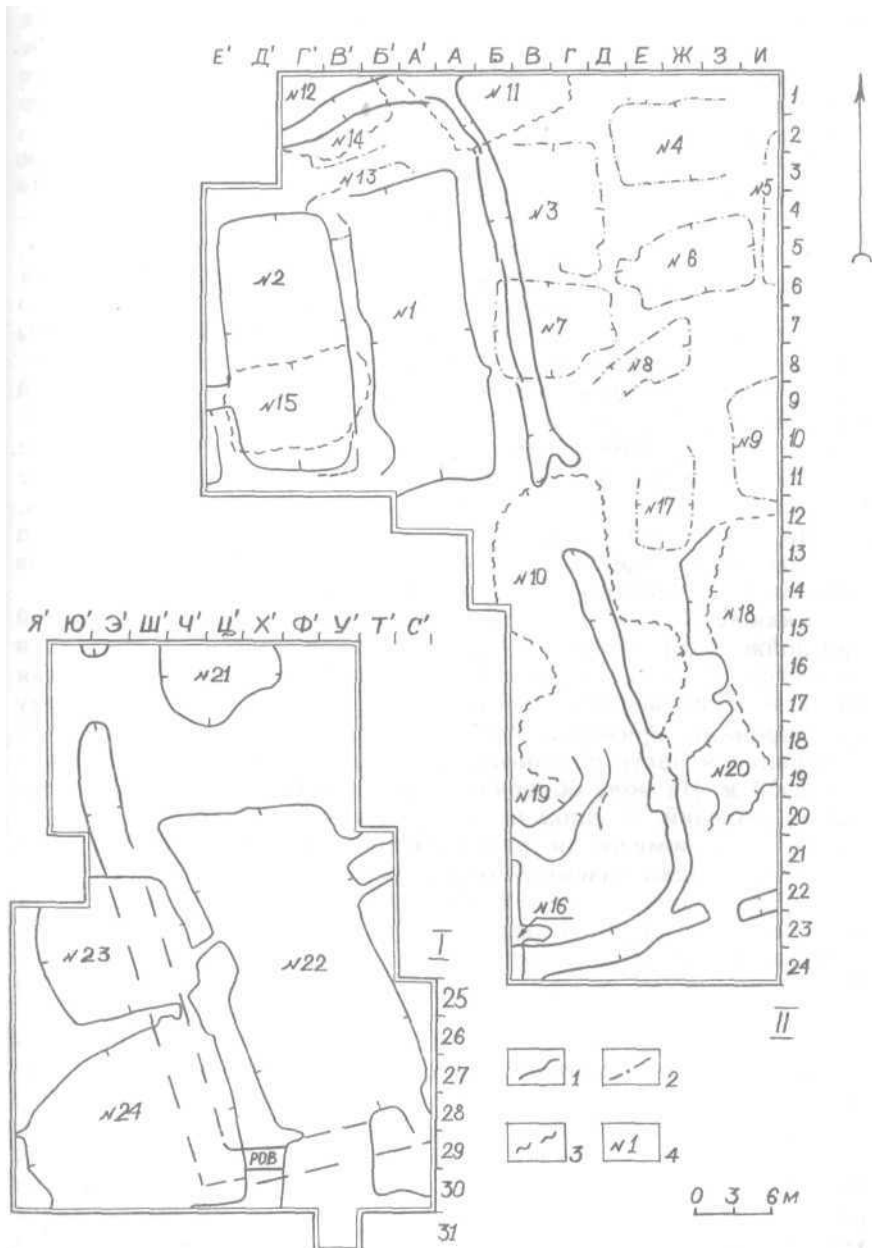

Рис. 13. Поселение Петровка II:

раскопы 1976, 1981, 1982 гг; II — раскопы 1971, 1976 гг. 1, 3 — очертания котлованов жилищ и рва; 2 — очертания петровских жилищ; 4 — номера жилищ

вероятно, это следы пожара. В центральной части жилища в ямке размером $0,4 \times 0,7$ м найден сосуд (рис. 18, 12). На полу помещения зафиксировано около 140 ямок от столбовых конструкций, более 50 ямок обнаружено на материковом грунте вдоль стен котлована.

Жилище 2 длиной 20 м, шириной 9 м, площадью 180 кв. м ориентировано по линии С—Ю. Очертание помещения подпрямоугольное, углы несколько сглажены, глубина котлована до 1,2—1,3 м. Стенки относительно круто опускаются к полу жилища, южная часть которого (около трети всего помещения) углублена на 0,4—0,5 м. Очаг в виде каменной выкладки и прокаленного грунта обнаружен в центральной части северной половины жилища. Рядом находится овальное углубление, вероятно, хозяйственного назначения. Жилище имело один коридорообразный выход шириной около 1,5—2 м. Более 80 ямок от столбов зафиксировано на полу помещения и 30 ямок — на материковом грунте вдоль стен котлована. В южной половине жилища, в наиболее углубленной его части, обнаружены мощные слои прокала, черепа, трубчатые кости ног барана, неповрежденные череп и позвоночник коровы. Условия залегания костных остатков позволяют связывать их с жертвенным комплексом.

Жилище 3 наземного типа, фиксируется только по темной прослойке пола. Основным критерием при нанесении очертания являются разрезы, на которых хорошо выделяется погребенная почва и прослойка пола. Жилище имело прямоугольную форму со сторонами примерно 9×7 м, площадью около 60 кв. м. Центральная часть помещения разрушена поздней ямой размером 2×3 м. На полу обнаружено 30 ямок от столбов и 5 овальных углублений, в одном из которых найден сосуд (рис. 18, 9). Вдоль стен помещения расположены две каменные очажные выкладки и один наземный очаг, представляющий собой прокаленный участок $1 \times 0,7$ м мощностью до 0,2 м. Выход из жилища был, вероятно, обращен на юг.

Жилище 4 наземного типа, ориентировано по сторонам света. Форма примерно квадратная (6×6 м). На полу — более 30 ямок от столбов. Очаг расположен в восточной части помещения, фиксируется в виде прокаленного пятна неправильной овальной формы $1 \times 0,7$ м. Возможно, к этому же помещению относится прокал на участках Ж, 3/3.

Жилище 5 наземного типа. При его сооружении потревожена только погребенная почва. Помещение исследовано частично. Основная площадь осталась за пределами восточной границы раскопа. Длина исследованной стенки около 12 ж. В северном углу обнаружен мощный слой прокала, рядом находится ямка с сосудом (рис. 18, 11).

Жилище 6 наземного типа. При сооружении помещения потревожена погребенная почва и иногда снят незначительный слой материкового грунта. Длина помещения 9 м, ширина 5 м,

площадь около 45 кв. м. Длинными сторонами помещение ориентировано по направлению ЮЗ—СВ. В западной стенке зафиксирован коридорообразный выход (1,5×1,5 м). В центральной части жилища находится очаг в виде пятна прокаленного грунта. У северо-западного угла помещения обнаружена углистая прослойка, вероятно, сожженная плаха. На полу вдоль стен жилища зафиксировано около 30 столбовых ямок.

Рис. 14. Поселение Петровка II. План и разрез раскопа 1971 г. Жилища 1-15:

1 — очертания ранних (петровских) жилищ, 2 — очаг, провал, 3 — каменная выкладка; 4 — скопление костей животных, 5 — темный гумусированный слой, полы помещений; 6 — серая гумусированная супесь, погребенная почва, 7 — темно-серая гумусированная супесь, 8 — серый зольник, 9 — светлый зольник, 10 — очертания поздних (саргаринско-алексеевских) построек, 11 — контуры глиняного вала

Жилище 7 наземного типа. Форма его прямоугольная (9,5×7,5 м), общая площадь не превышает 60 кв. м. В юго-восточной части помещения имеется выступ, выход из помещения не фиксируется. На полу имеется около 30 ямок от столбов, очаг не обнаружен. Возможно, это объясняется плохой сохранностью постройки. Жилище перекрывает ров, который заполнен зольниками различных цветов, а с южной стороны в него вторгается канава длиной 4 м и шириной 0,5—0,7 м, имеющая позднее происхождение.

Жилище 8 — наземное помещение неправильной удлиненой овальной формы площадью 22 кв. м. Фиксировалось оно очень плохо, и говорить что-либо об особенностях его конструкции

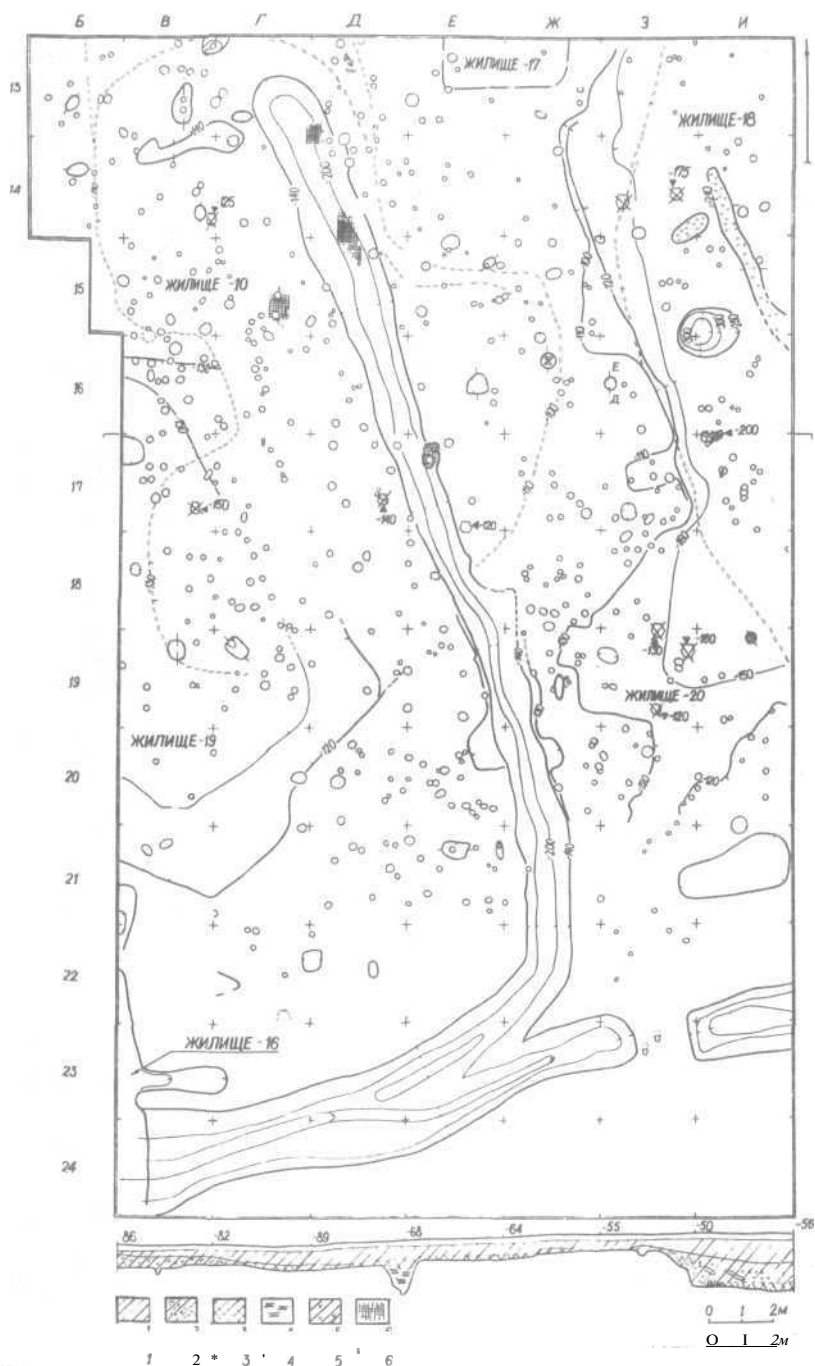

Рис. 15. Поселение Петровка II. План и разрез раскопов 1971, 1976 гг.

Жилища 10, 16-20

- 1 - гумусированная сугесь, 2 - серый зольник, 3 - темный гумусированный слой, полы помещений, 4 - светлый суглинок; 5 - серая сугесь, погребенная почва, 6 - прокаленный грунт

нельзя. Длинной осью жилище ориентировано по линии СВ—ЮЗ. Очаг наземный, расположен в северо-восточной части помещения, частично разрушен более поздним овальным углублением.

Жилище 9 наземное. Раскопом исследован его небольшой прямоугольный фрагмент. На ровном полу обнаружено более 30 ямок от столбов. В канавообразном углублении (0,2—0,3 м) находится очаг.

Жилище 10 имеет условные границы, выделено по мощному черноземному пласту, залегающему на алакульских зольниках. В составе слоя и в его основании имеются фрагменты и развалы керамики саргаринского-алексеевской группы. Остеологический материал в густом торфообразном перегное имеет плохую сохранность. Когда-то на месте жилища была впадина, в течение длительного времени заполненная водой. Длина черноземного пласта 19 м, ширина 9—11 м. Он состоит в плане из двух частей, ориентированных под углом друг к другу. Не исключено, что это остатки двухкамерного наземного жилища. Площадь помещений примерно одинакова — по 100 кв. м. На полах жилища обнаружено несколько прокаленных участков — следов наземных очагов, а также большое количество ям и хозяйственных углублений.

Жилище 11 исследовано частично. Раскопом захвачен угол, вероятно, крупного прямоугольного помещения, котлован которого углублен на 1 м от уровня современной поверхности. Заполнение котлована черноземное, на полу имеется темный, насыщенный гумусом слой мощностью до 0,2 м. На территории жилища обнаружено около 30 ямок от столбов.

Жилище 12 исследовано частично. Конструкция наземная. Помещение имеет, вероятно, подпрямоугольную форму с сильно сглаженными углами. Очагов не обнаружено. На полу — около 10 ямок от столбов.

Жилище 13 наземное, частично разрушено помещениями 1 и 2. По сохранившейся части можно сделать вывод, что оно было подпрямоугольной формы и площадью около 40 кв. м. Длинными сторонами ориентировано по линии СВ—ЮЗ.

Жилище 14 наземное, в значительной мере уничтожено более поздним помещением 12. Сохранившаяся сторона длиной 6 м позволяет говорить о том, что это было небольшое жилище прямоугольной формы.

Жилище 15 наземное, имеет подпрямоугольную форму с сильно округлыми углами. Площадь около 70 кв. м. Перекрывает жилище 2, фиксируется благодаря черноземно-зольному заполнению котлована, которое сравнительно хорошо выделяется и в плане, и в разрезе среди зольного заполнения жилища 2. Какие-либо детали конструкции зафиксировать не удалось.

Жилище 16. Исследована его восточная стенка длиной 10 м. Глубина котлована 0,9 м, заполнение черноземное. Зафиксирован коридорообразный выход шириной до 1 м и длиной около 3 м.

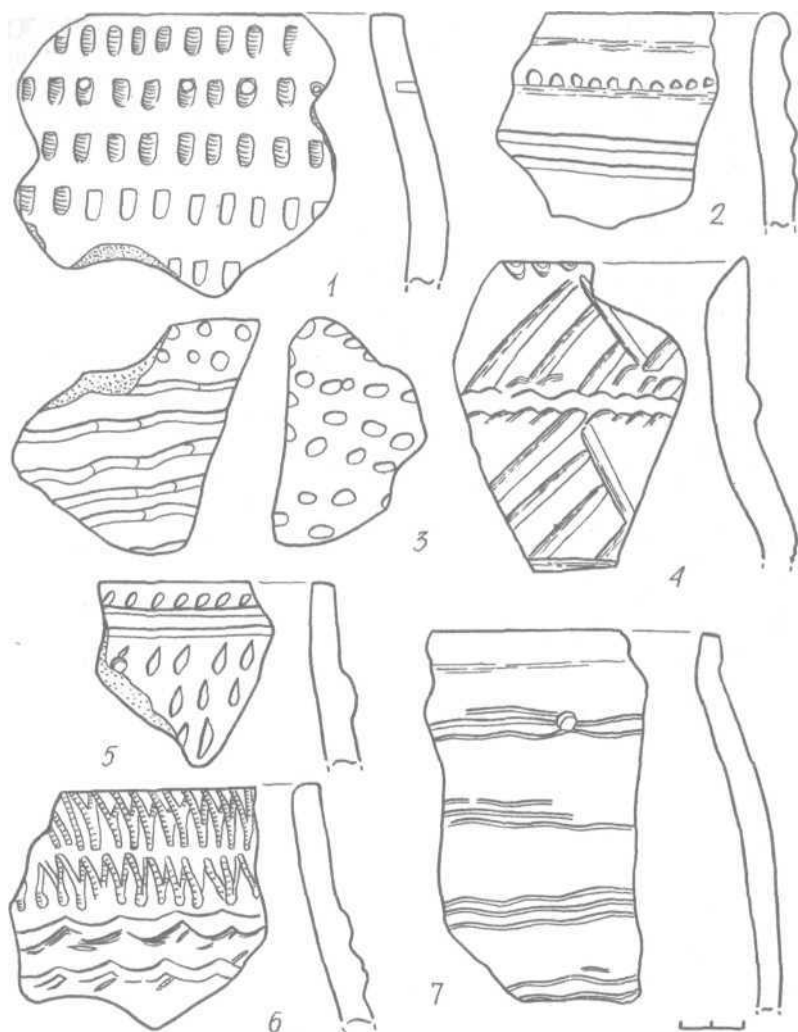

Рис. 16. Поселение Петровка II. Раннепетровская керамика

Предположительно жилище ориентировано по линии 3—В.

Помещение 17 выделено условно по участку снятой погребенной почвы (4X4,5 м) и зольникам, содержащим петровскую керамику. Вероятно, это фрагмент сооружения петровского времени.

Жилище 18 исследовано частично. Котлован опускается вниз двумя-тремя довольно крутыми уступами на глубину до 1,6 м от уровня современной поверхности. Длина зафиксированной стенки 18 м. В заполнении котлована верхний слой мощностью 0,7—1 м представляет собой гумус, содержащий кости домашних животных и фрагменты саргаринско-алексеевской посуды. Под

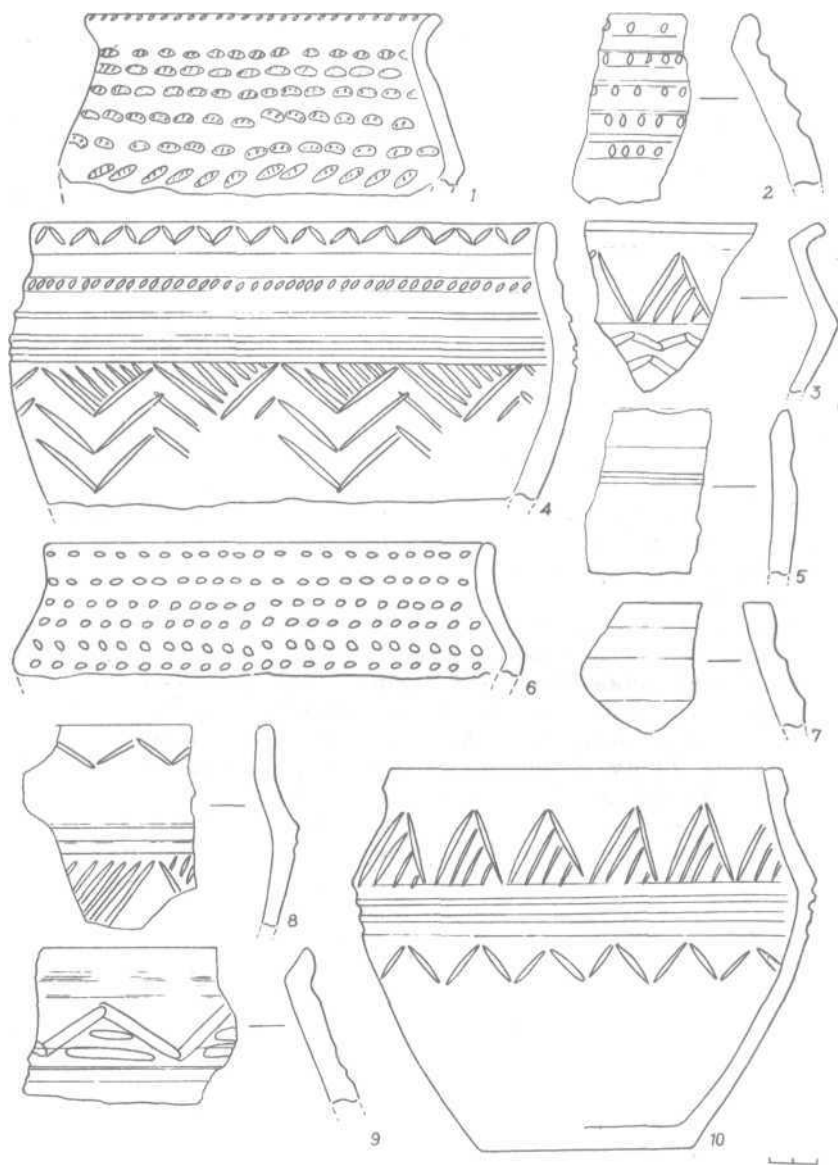

Рис. 17. Поселение Петровка II. Керамика петровской группы

слоем гумуса залегают серые и светло-серые зольники. У дна котлована четко фиксируется темная гумусированная прослойка с вкраплениями древесного угля. На дне котлована обнаружено около 70 ямок от столбовых конструкций. Глубина ямок от 20 до 40 см, диаметр 15—30 см. У западной стены котлована расположен колодец. На уровне пола он имел овальную форму (1,5X2 м). На глубине 2 м с восточной стороны прослежен уступ шириной 0,5 м. Дно округлой формы диаметром 0,7—0,8 м зафиксировано на глубине 5,5 м. На полу жилища расчищена канавка, которая шла параллельно длинной стенке котлована в 4 м от нее. Зафиксированная длина канавки 6 м, ширина 0,4—0,5 м, глубина 20 см. В ее заполнении — темный зольник с примесью древесного угля. У западной стенки жилища в 2,5 м к югу от колодца на самом дне котлована обнаружены остатки туши ягненка. На полу жилища — несколько сосудов в крупных развалах, в одной из хозяйственных ям — целый сосуд бишкульского типа.

В границах жилища находятся фактически три одновременные сооружения. Об этом свидетельствуют ответвления очертаний западной стенки и характер заполнения котлована. Наиболее полно прослеживаются очертания поздней постройки саргаринского времени, опущенной в понижение раннего котлована (жилище 18-а).

Жилище 19 исследовано частично. Оно имеет подпрямоугольную форму с округлыми углами и ориентировано длинными сторонами по линии ЮВ — СЗ. Ширина сооружения около 10 м, глубина котлована 0,3—0,4 м от уровня материка, северо-западная стенка разрушена более поздним жилищем 10.

Жилище 20 имеет прямоугольную форму. Его ширина 6 м, глубина 0,4—0,5 м. В коридорообразном выходе (длина 3 м, ширина 1,2 м) была дверная конструкция, от которой сохранились три столбовые ямки. На ровном полу помещения расчищено около полутора десятков ямок от столбов. Северо-восточная половина жилища разрушена котлованом постройки 18.

Раскоп II (рис. 13, 1). **Жилище 21** исследовано фрагментарно у северной границы раскопа. Постройка имела овальную форму. Ширина конструкции 9 м, глубина до 1,1 м. Стенки сооружения тремя уступами спускаются к неровному полу, на котором зафиксировано около 50 столбовых ямок. Заполнение котлована состоит из серого зольника.

Жилище 22 имеет подпрямоугольную форму, длина помещения 26,5 м, ширина 10,5—12,5 м, глубина до 1,8 м. Постройка ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ. Жилище делится на две камеры. Особенно четко это деление подчеркнуто выступом северо-западного угла южной камеры. Северная камера имеет длину 14 м и ширину 10,5—12 м. Два выхода коридорообразной формы расположены в восточной стенке жилища. Один из них, основной, имел ширину около 1,5 м, другой — 1 м. Еще один

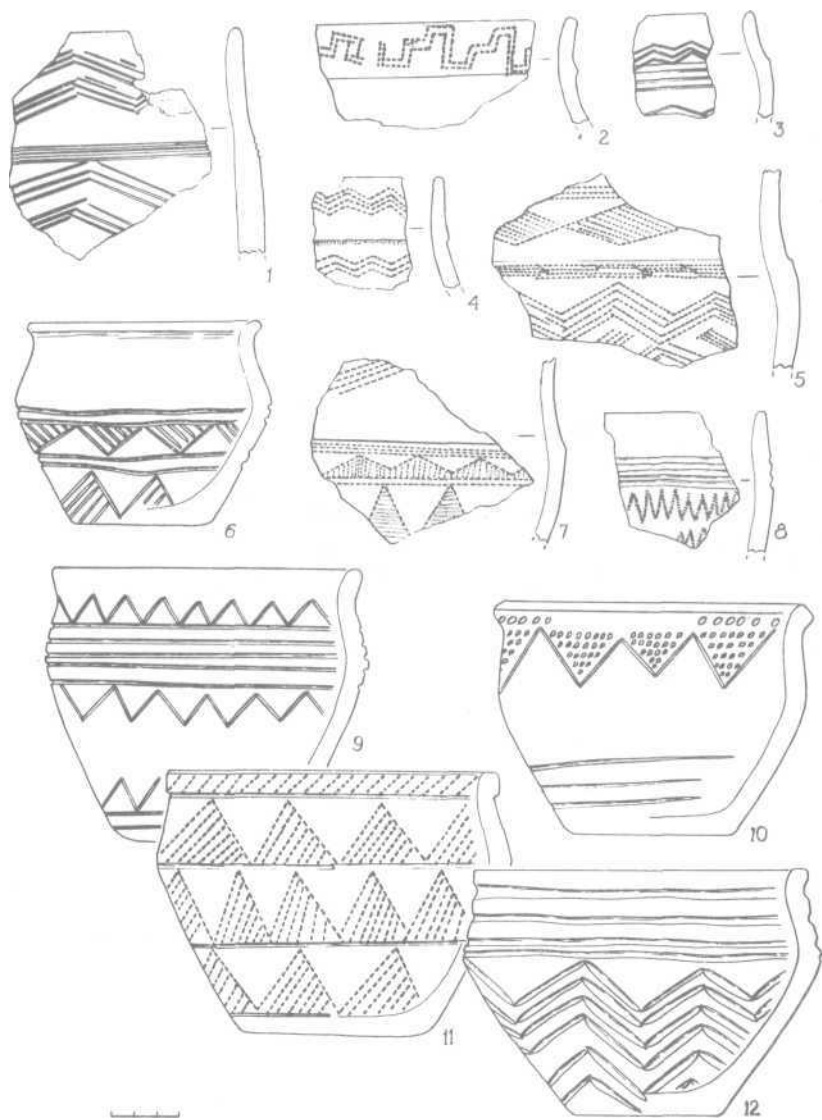

Рис. 18. Поселение Петровка II. Керамика петровской и алакульской групп

выход шириной 1 м расположен в западной стенке и ведет в жилище 23. Стены котлована отвесные, пол блюдцеобразно понижается к центральной наиболее углубленной части сооружения. На полу обнаружено более 600 столбовых ямок которые в большинстве своем расположены вдоль длинных стен жилища и на границе камер. Два пятна прокала очажного происхождения находятся в центральной части постройки. Они имеют аморфную форму и размеры до 1,5 м в длину и до 1 м в ширину. Южная камера подквадратной формы со сторонами 12—12,5 м. Единственный угловой выход обращен на ЮВ. Он имеет ширину около 2 м и длину 2,5 м, В южной стенке котлована хорошо фиксируются ниши шириной до 1 м и глубиной 0,5 м. В средней части западной стенки найден крупный сосуд хозяйственного назначения. Очагов не обнаружено. С юга к жилищу примыкает пристрой, вероятно, прямоугольных очертаний. Ширина постройки 7 м, длина исследованной части 6 м. На полу зафиксировано около 50 ямок от столбовых конструкций. Ямки расположены тремя рядами: вдоль стен и по центру жилища. Заполнение котлована состоит из темных гумусированных слоев, разделенных прослойками наносного речного песка. Вдоль стен котлована — зольные затеки.

Жилище 23 ориентировано параллельно жилищу 22 и образует вместе с ним и жилищем 24 единый блок. Сооружение имеет подквадратную форму, длина стен около 12 м. Стенки котлована отвесные, глубиной 1,2 м. Два узких выхода шириной менее 1 м в южной стенке соединяют его с жилищем 24 и такой же выход с восточной стороны — с жилищем 22. На полу обнаружено около 200 ямок от столбов, пятно прокала диаметром 0,5 м, углистое пятно размером 1,5×1 м и несколько неглубоких ям диаметром 0,5—0,75 м, заполненных костями животных.

Жилище 24 имеет подпрямоугольную форму, его размер 16×13 (?) м. Два выхода обращены к реке: один (шириной около 2 м) — в южной стенке, другой (шириной менее 1 м) — в западной. Пол жилища неровный, понижается к центру. Стенки котлована отвесные, глубиной 1,1 м. На полу котлована обнаружено 90 столбовых ямок. Следы очажных конструкций не обнаружены.

Оборонительное сооружение. Раскопами I и II были обнаружены рвы и отдельные сохранившиеся участки валов, которые входили в единую оборонительную систему (рис. 12). Исследования 1981—82 гг. позволили уточнить планиграфию и размеры древнего укрепленного поселения. Ров опоясывал площадку, по форме близкую к прямоугольнику со сторонами 122×69 м. В углах городища, примыкающих к старицам, были дополнительные рвы, защищающие подход к воде. Кроме внешнего имелся внутренний ров, который разделял городище на две части площадью 6000 и 2500 кв. м. Внутренний ров, вероятно, являлся ранней границей поселка, позднее перенесенной на 38—40 м

к востоку. Стратиграфические данные свидетельствуют, что в течение какого-то времени функционировали оба рва — и внешний, и внутренний. Ширина рвов на уровне материковой поверхности равна 1,5—2,5 м, глубина 1,5—1,8 м. В заполнении — серые и светлые зольники, внизу — светлый суглинок. Стенки рва в верхней части имеют по одному — два уступа, ниже — слегка наклонно спускаются ко дну. С внутренней стороны стенки рва обычно более пологие, чем с внешней. Дно углубления округлое или плоское, ширина плоского дна 0,5—0,6 м. Тщательная зачистка рва показала, что плоские его участки чередуются с округлыми или приостренными. Так, на протяжении 7—7,5 м от внутреннего прохода профиль нижней части рва приострен, далее на протяжении 10 м — уплощен. Затем идет участок округлого рва. Ближе к южной линии укрепления дно рва опять становится плоским.

На исследованной части городища зафиксировано три прохода. Один (шириной 4,5—5 м) обнаружен в средней части западной линии укреплений. Второй, расположенный напротив первого и имеющий такие же размеры, размыкал внутренний ров и вал. Третий проход (шириной около 2,5 м) находился в южной части поселка у стыка внешнего и внутреннего рвов. У внутреннего прохода зафиксировано ответвление рва, в котором обнаружено три петровских сосуда, стоящих один под другим (рис. 18, 6, 10). На сосудах, также в три слоя, располагались черепа и кости ног мелкого рогатого скота, челюсти коровы. Второй жертвенный комплекс найден у южного прохода. Здесь в незначительном углублении обнаружены черепа ног барана и несколько других крупных костей животных.

В коллекционной описи зафиксировано 20000 предметов, среди которых более 50 поделок из бронзы: шесть серпов, секач, девять ножей, втульчатое долото, тесло с уступом, наконечники стрел, рыболовные крючки, украшения. Особенный интерес представляют предметы, связанные с металлургическим производством: слитки металла, куски руды и шлака, обломки каменных и глиняных литейных форм. На ранних этапах существования поселения довольно широко использовались каменные предметы. Обнаружено девять наконечников стрел, выполненных из черных и темнокоричневых пород плохого качества. Среди находок — один наконечник стрелы кельтеминарского типа, скребки, ножи, топоры, пряслица. В коллекции много обломков пестов, терочек, шлифовальных камней.

Среди изделий из кости многочисленную группу составляют колющие орудия. Одна их часть, вероятно, использовалась в качестве кинжалов, наконечников копий и дротиков, другая — как шилья. Наконечники стрел — черешковые с ромбическим или овальным сечением. Сохранилось несколько костяных рукоятей и предметов, напоминающих стамески. На поселении найдена коллекция трепал, изготовленных из челюстей лошадей и коров.

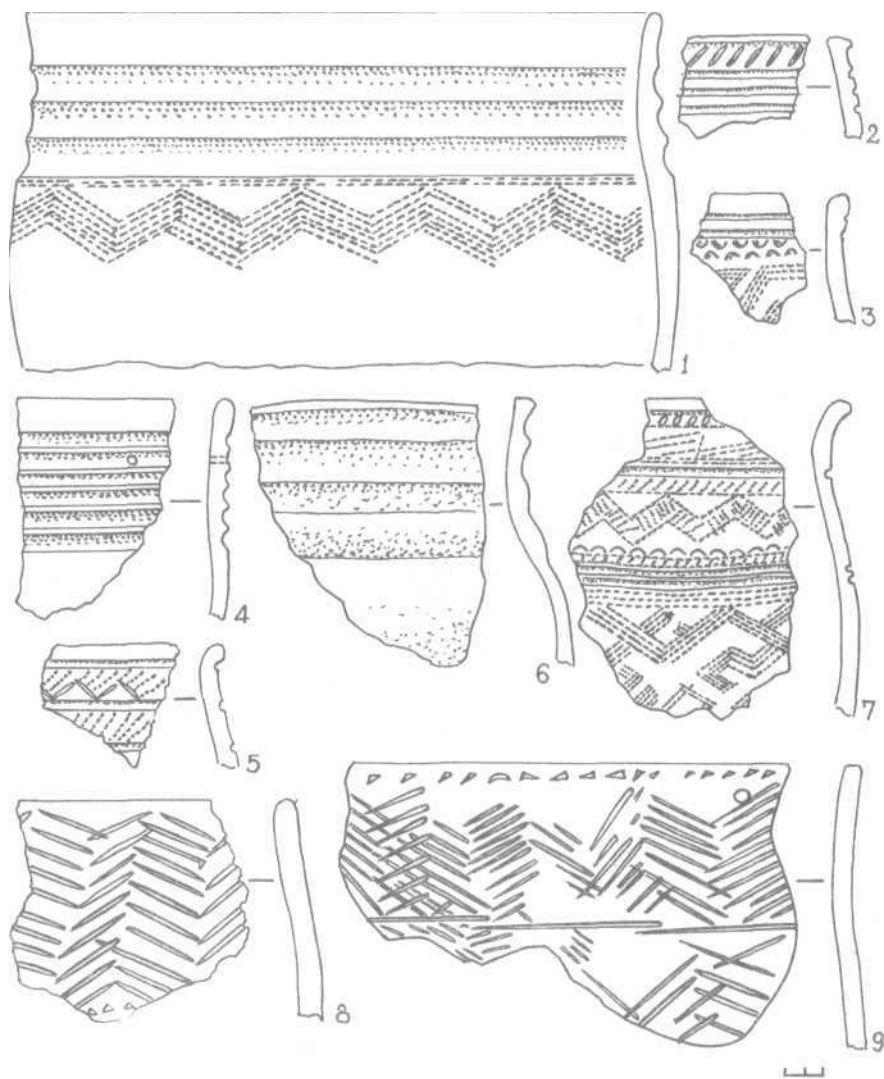

Рис. 19 Поселение Петровка II. Керамика бишкульской группы

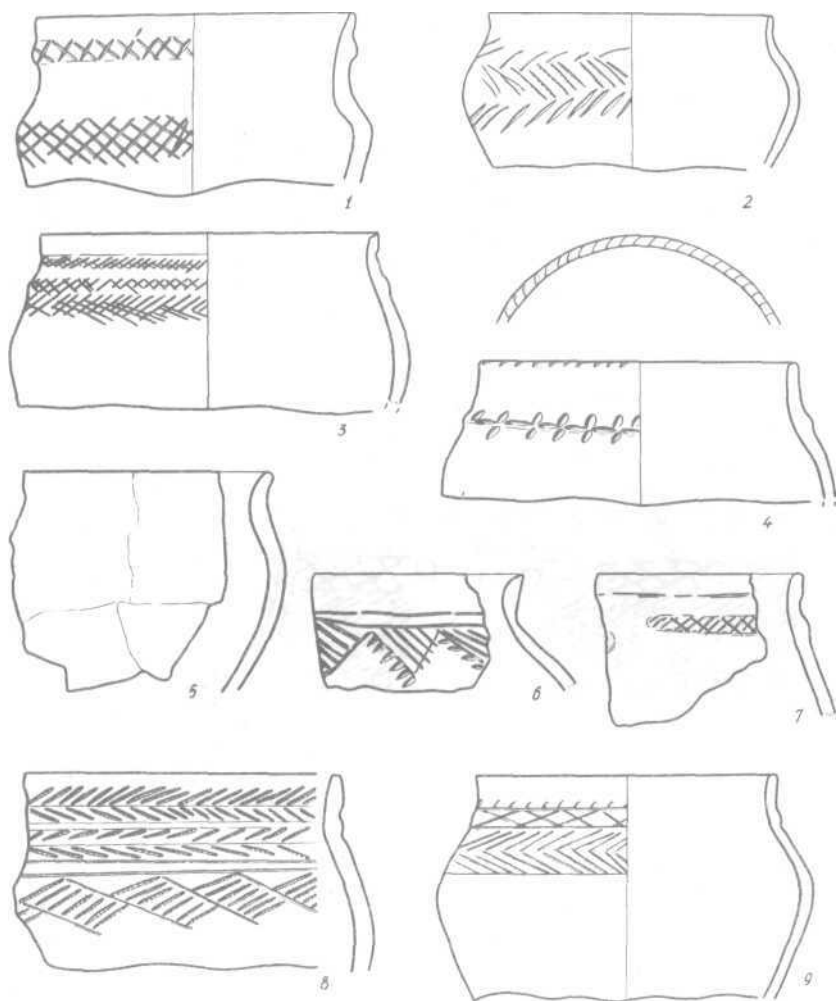

Рис. 20. Поселение Петровка II. Керамика саргаринско-алексеевской группы

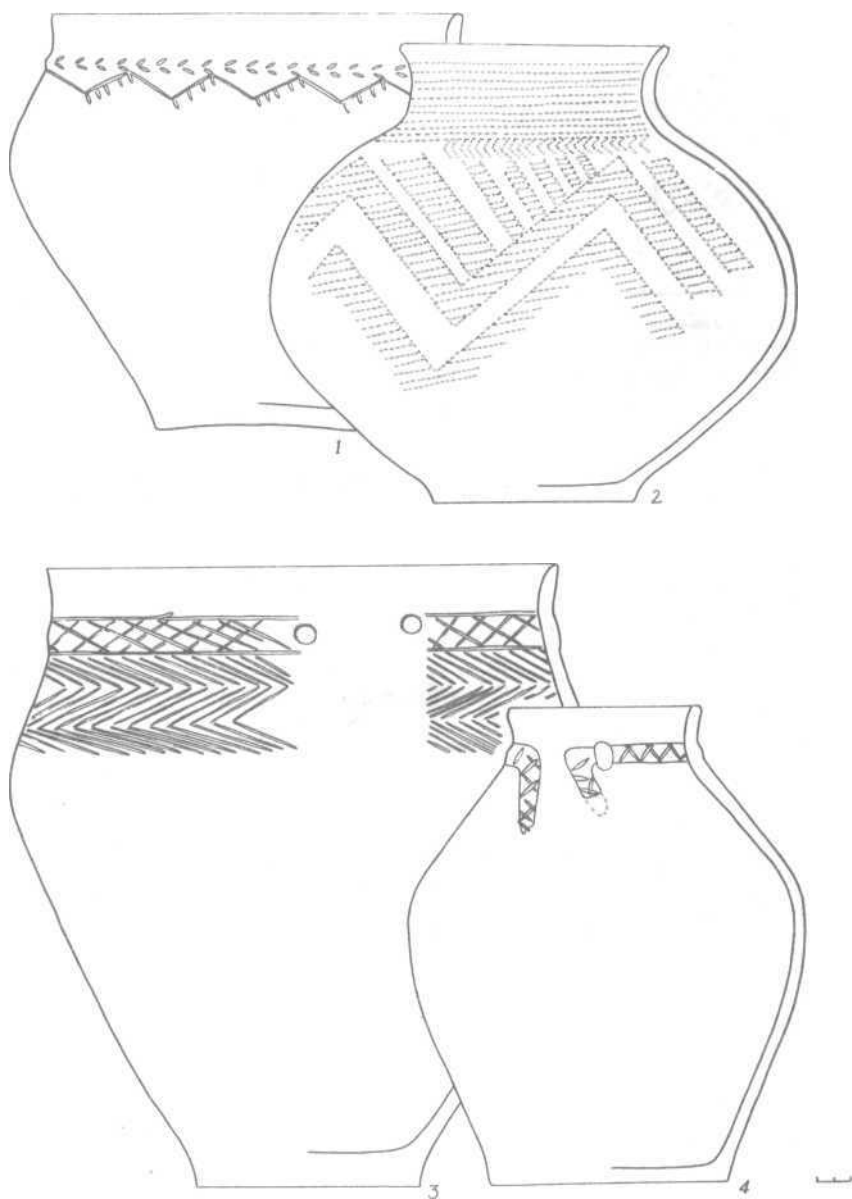

Рис. 21. Поселение Петровка II. Керамика саргаринско-алексеевской группы

Керамика на поселении представлена различными типами. В раскопе 1971 г. наиболее архаичную группу составили толсто-стенные сосуды темного пепельного цвета баночной формы. Они полностью орнаментированы ямочными вдавлениями, линиями коротких насечек, волнистыми узорами и архаичным «шагающим» штампом. Это комплекс керамики, связанный с традициями ранней бронзы (рис. 16). Вторая группа, самая многочисленная — посуда острореберной формы, украшенная в основном резным геометрическим орнаментом (рис. 17, 1, 3, 6—10). Третья группа — сосуды алакульского облика (рис. 18). Раскоп 1976 г. дал представительную коллекцию бишкульской керамики. В большинстве своем это крупные изделия с широкой горловиной и плавно профилированным слегка раздутым туловом (рис. 19). Многочисленную группу составляет валиковая посуда (рис. 20, 21).

Петровка IV

Поселение Петровка IV находится в Ленинском районе Северо-Казахстанской области на левом берегу р. Ишим в 100 км к югу от г. Петропавловска. Площадка памятника на 2—2,5 м возвышается над современной поймой и на 12 м над урезом реки. Поселение расположено между детским могильником Петровка и поселением Петровка II на возвышенном участке террасы, слегка вдающемся в пойму. Его раскопки осуществлялись в 1976—77 гг. На площади 837 кв. м. вскрыто два жилища (рис. 22). Стратиграфия памятника следующая: гумусный подверженный распашке слой мощностью 40 см, ниже — темный гумусированный культурный слой, который перемежается со слоями песка, намывтого разливами реки или занесенного ветрами. Полы фиксируются благодаря темной прослойке и глиняной обмазке, лежащей на материке.

Жилище 1. Котлован имеет подпрямоугольную форму размером 13,5×12 м, углы его округлые, глубина 1,5 м. Стенки отвесные. Площадь постройки 160 кв. м. Жилище ориентировано по линии СВ—ЮЗ. На полу обнаружено три очага. Центральный состоит из подковообразной канавки шириной 25—40 см, заполненной колотым камнем и прокаленной глиной, и двух очажных углублений диаметром 0,4—0,5 м, заполненных золой, углем и пережженной глиной. Два других очага, расположенные также в центральной части жилища, представляют собой развалы глинобитных конструкций. В заполнении жилища и у очагов найдены фрагменты «кирпичиков». На полу фиксируются также около 60 ямок от столбов. Большинство их находится в восточной половине жилища. Серия глубоких ямок расположена вокруг центрального очага и вдоль юго-восточной и северо-восточной стенок. Дно жилища ровное, покрыто темной гумусированной прослойкой толщиной 15 см, которую можно связывать с деревянным полом или рухнувшей кровлей сооружения.

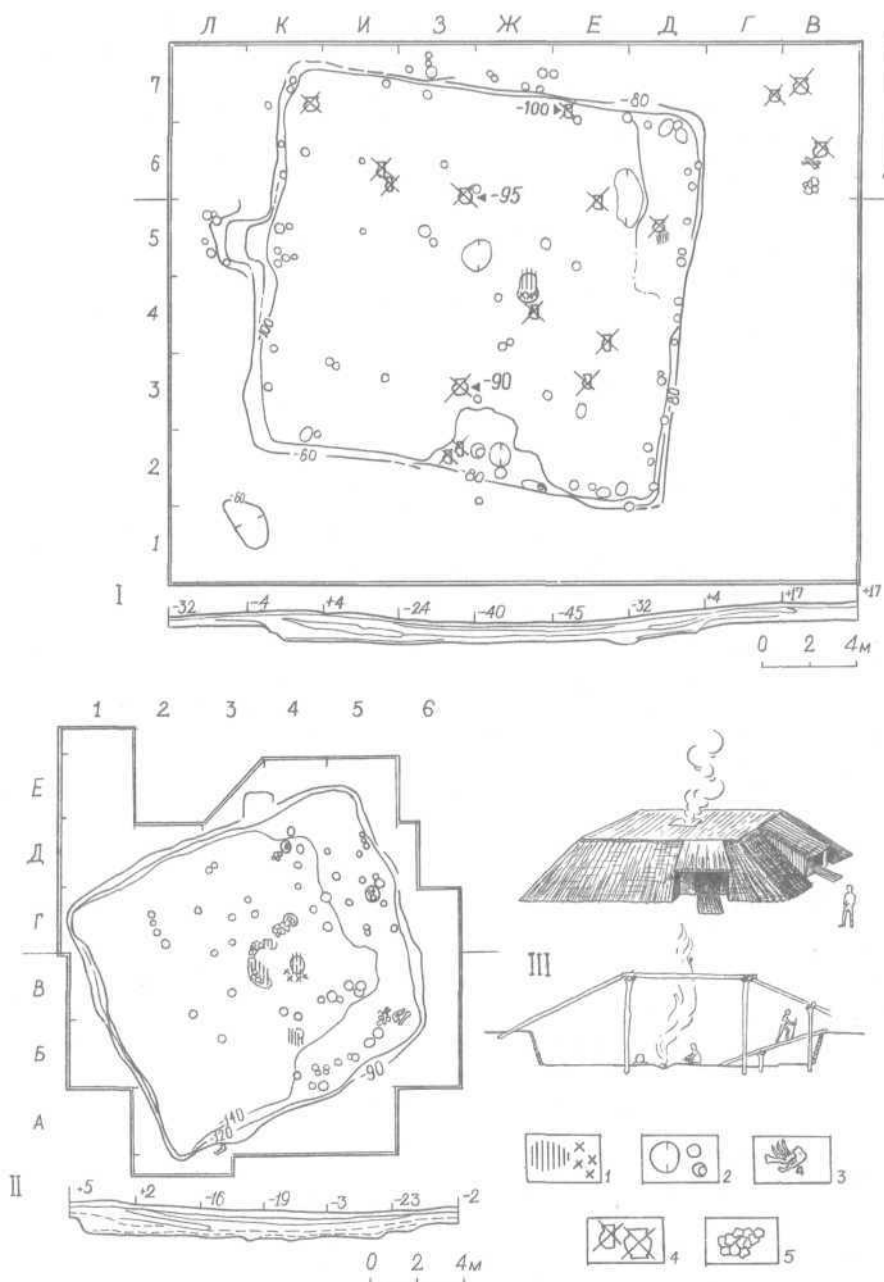

Рис. 22 Поселение Петровка IV:

I — план и разрез жилища 2, II — план и разрез жилища I, III — реконструкция жилища I. 1 — провал, древесный уголь, 2 — остатки столбовых ям. 3 — скопление костей животных; 4 — развал сосуда; 5 — каменная выкладка

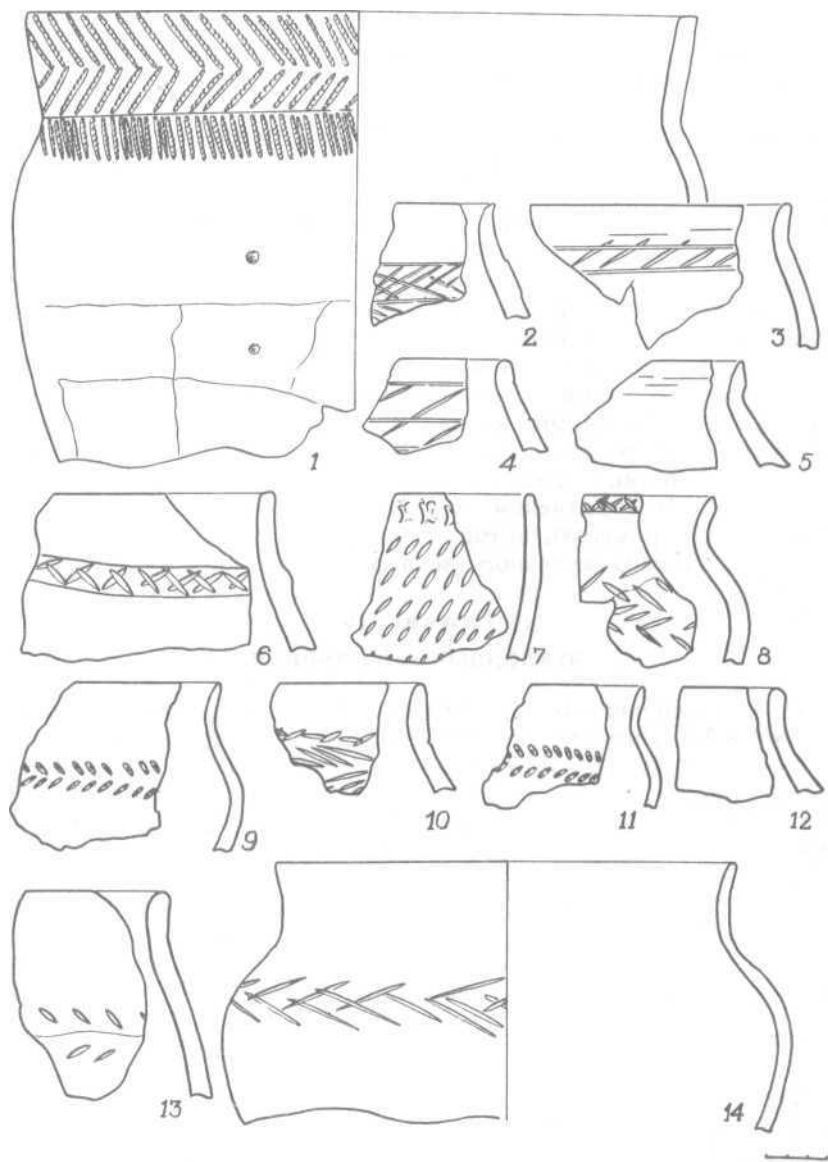

Рис. 23. Поселение Петровка IV. Керамика

Жилище 2 имеет подквадратную форму, его размеры $16,5 \times 15$ м, площадь около 250 кв. м, глубина котлована 1,25 м. Коридорообразный ступенчатый выход обращен на запад. Длина коридора 2 м, ширина 1,5 м, с внутренней стороны имеется тамбур. Стенки котлована пологие, переход ко дну плавный. На значительной части пола сохранилась обмазка из песка и глины. Пол углублен к центру. Два участка, примыкающие к северо-восточному углу и южной стенке, приподняты на 10—20 см. На полу жилища обнаружены три очага в углублениях овальной и круглой формы размерами до 1,1 м и два пятна прокала. В одном из очагов найдены куски прокаленной глины. С конструкцией жилища связано более 60 столбовых ямок, которые сосредоточены преимущественно вдоль стен и в центральной части жилища.

Коллекция находок, собранных на поселении, составляет 2700 единиц. Изделий из бронзы нет, каменные орудия представлены двумя молотками, курантом, обломком литейной формы. Из кости изготовлено два наконечника стрел. Керамика — саргаринского типа (рис. 23, 2—14). По шейкам было выделено 57 сосудов. В заполнении жилища 1 найден в развале сосуд с тальковой примесью, который относится к носиловскому типу керамики раннего железного века Зауралья (рис. 23, 1).

Глава III

ЭТАЛОННЫЕ МОГИЛЬНИКИ

Из многочисленных погребальных комплексов, исследованных СКАЭ-УКАЭ в северо-казахстанских и южно-уральских степях [9, 10, 11, 50, 54, 56, 88], для решения поставленных в настоящей работе задач мы сочли целесообразным остановиться в основном на могильниках Петропавловского Приишимья. Это рядовые памятники, расположенные в районах поселений с опорной стратиграфией, и их «эталонность» заключается только в том, что они относительно кратковременны. В целом представленные комплексы отражают характерные черты погребальных обрядов тех или иных культур и переходных периодов, давая представление о направлении развития культурных традиций.

Амагельды I

Памятник расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Ишим на юго-восточной окраине центральной усадьбы совхоза им. Амангельды. Могильник состоит примерно из 40 сильно оплывших плоских курганов, которые цепочкой протянулись вдоль озера старичного происхождения. Часть могильника разрушена, вероятно, при строительстве поселка. Памятник был исследован в 1969—70 гг. Всего вскрыто 13 сооружений эпохи бронзы. Стратиграфия единообразная. Под тонким

слоем дерна находится суглинистая плотная комковатая насыпь темно-бурого цвета. Материковая глина тоже темная и комковатая, что затрудняет фиксацию очертаний.

Курган 1 диаметром 12 м, высотой 0,2 м. В насыпи в юго-западном секторе на глубине 20 см* обнаружено скопление костей крупного рогатого скота**. В юго-восточном секторе на той же глубине встречены развалы двух сосудов (№ 2, 4, рис. 27, 5, 11), а на глубине 50 см — еще два сосуда (№ 1, 3, рис. 25, 6; 27, 7). На подкурганной площадке зафиксированы две могильные ямы. Яма 1 расположена в центре, ориентирована продольной осью по линии ЗСЗ — ВЮВ, имеет подпрямоугольную форму с округлыми углами, ее размер 2,6X2 м, глубина 1,2 м. В верхней части ямы зафиксированы остатки бревен, расположенных вдоль стенок. Погребение ограблено. На разных глубинах обнаружены разрозненные кости человека, бронзовые бусы, фрагменты трех сосудов (№ 5, 6, 7). Яма 2 расположена в периферийной части юго-восточного сектора рядом с группой сосудов. Она имеет подпрямоугольную форму, ориентирована длинной осью по линии ЮЗ — СВ. Стенки ее плавно сужаются ко дну. Размеры ямы на уровне материка 2X0,9 м, на дне — 1,3X0,5 м, глубина 0,9 м. На дне зафиксированы плохо сохранившиеся кости потревоженного детского скелета и сосуд (№ 8).

Курган 2 диаметром 10 м, высотой 0,2 м (рис. 24, 2). В его северо-восточном секторе на уровне древней поверхности зафиксированы небольшие пятна прокала, рядом на глубине 10 см обнаружены обломки трех сосудов (№ 9, 10, 12), выброшенных грабителями из могильной ямы. В центральной части насыпи на глубине 10—15 см найдены глиняное пряслице, две глиняные подвески оригинальной формы, костяной наконечник стрелы (рис. 28, 7, 11, 3) и обломки сосудов (№ 10, 11, 12, рис. 26, 1). Могильная яма глубиной 0,6 м, размером 2,3X1,8 м имеет подпрямоугольную форму, длинной осью ориентирована по линии ЮЗ — СВ. В очертания ямы вписывается полоса прокала, следы которого прослеживаются и на дне. В заполнении могилы обнаружены отдельные кости человека, костяной наконечник стрелы, костяная пряжка и обломки оригинального изделия из глины, которое представляет собой три небольшие чашечки, объединенные общим основанием (рис. 28, 2, 10, 19).

Курган 3 диаметром 12 м, высотой 0,3 м. На уровне материка зафиксированы две могильные ямы. Центральная размером 2,1X1,6 м, глубиной 0,8 м имеет подпрямоугольную форму, длинной осью ориентирована по линии ЗЮЗ — ВСВ. В верхней части ямы вдоль ее западной стенки прослеживаются остатки древесины. Могила перекопана грабителями. В заполнении обнаружены кости человека и фрагменты трех сосудов (№ 15—17,

* Все отсчеты сделаны от уровня современной поверхности.

** Определения выполнены сотрудником ИА АН СССР В. П. Данильченко.

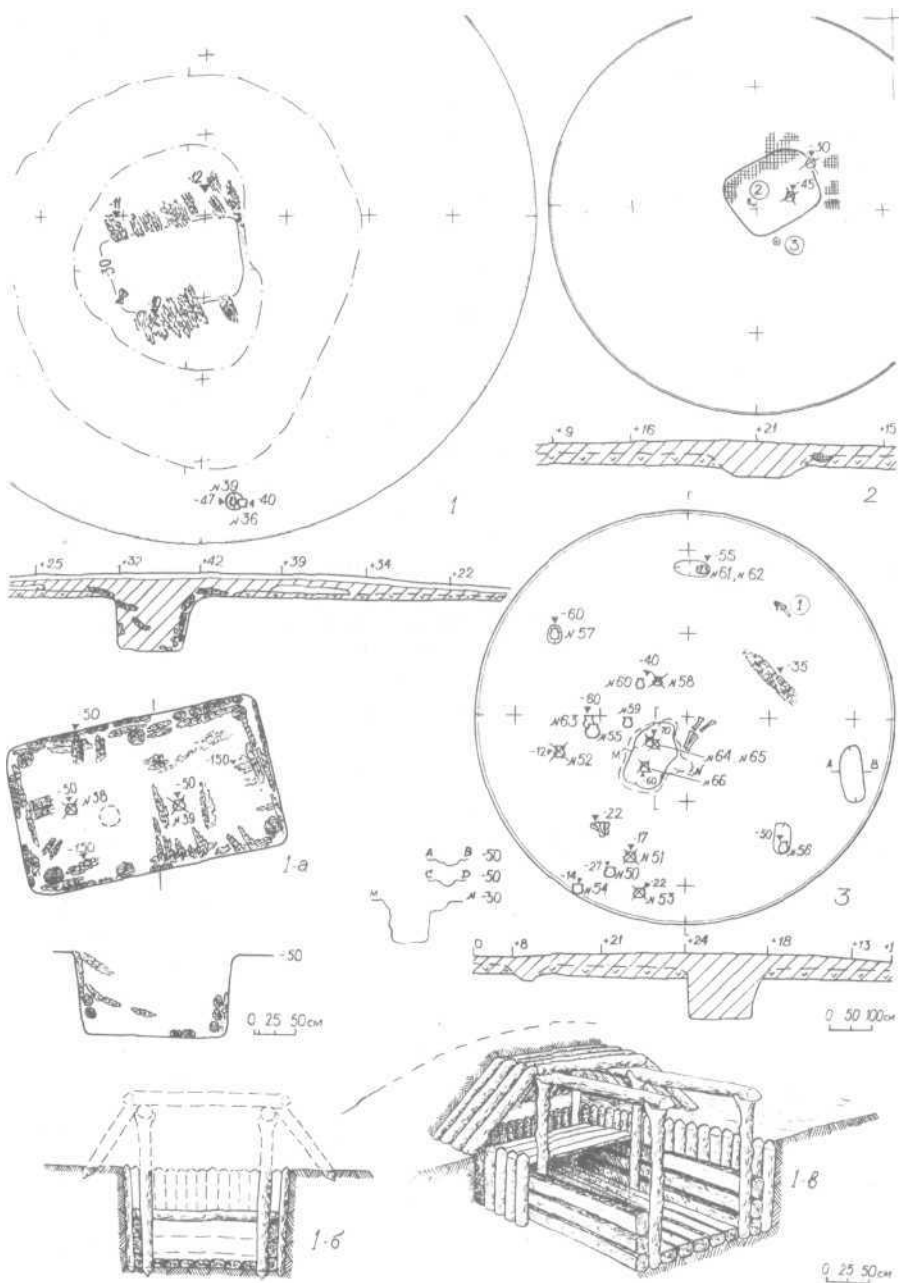

Рис. 24. Могильник Амангельды:

1 — курган 8, общий план и разрез, 1а — курган 8, план и разрез могильной ямы, 1б, в — курган 8, реконструкция деревянных сооружений, 2 — курган 2, общий план и разрез, 3 — курган 12, общий план и разрез

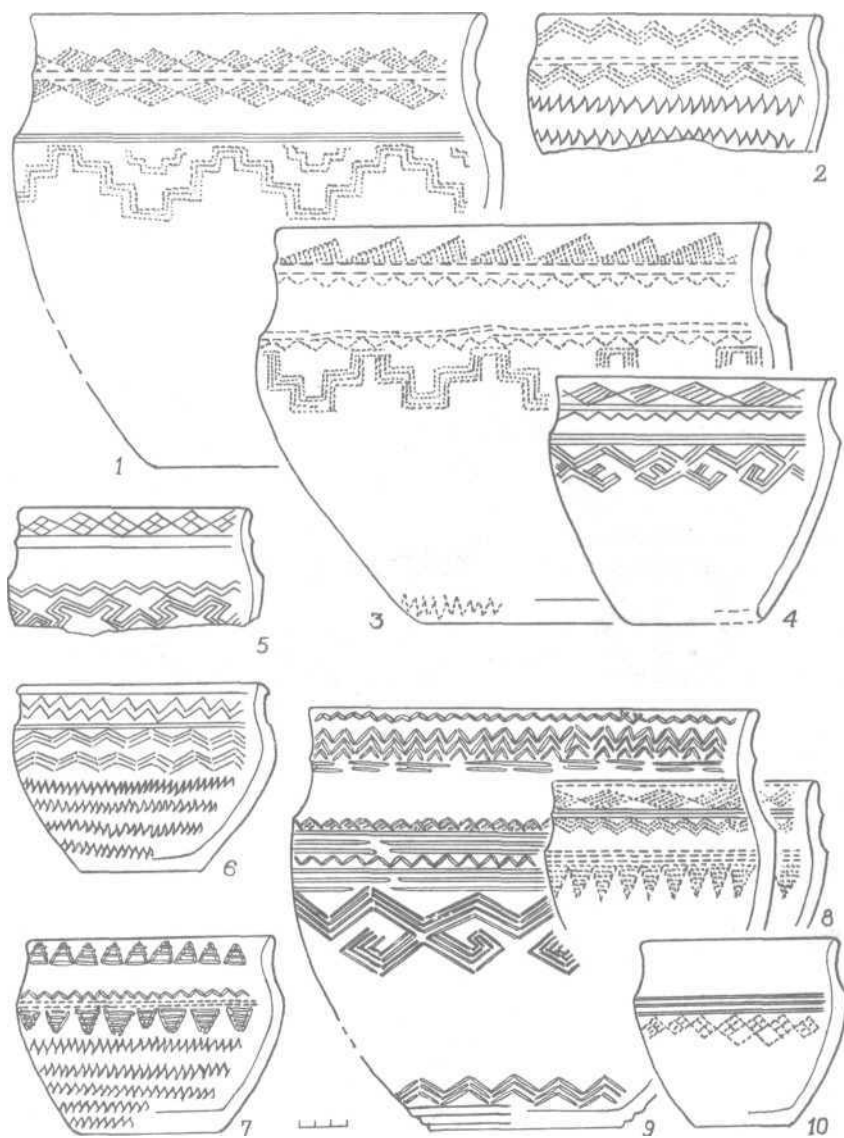

Рис. 25. Могильник Амангельды. Керамика алакульской группы:

1 — сосуд № 66, 2 — сосуд № 15, 3 — сосуд № 42, 4 — сосуд № 45, 5 — сосуд № 43,
 6 — сосуд № 1, 7 — сосуд № 50, 8 — сосуд № 64, 9 — сосуд № 44, 10 — сосуд № 63
 1, 7, 8, 10 — курган 12, 2 — курган 3; 3, 5 — курган 9, 4, 9 — курган 10, 6 — курган 1

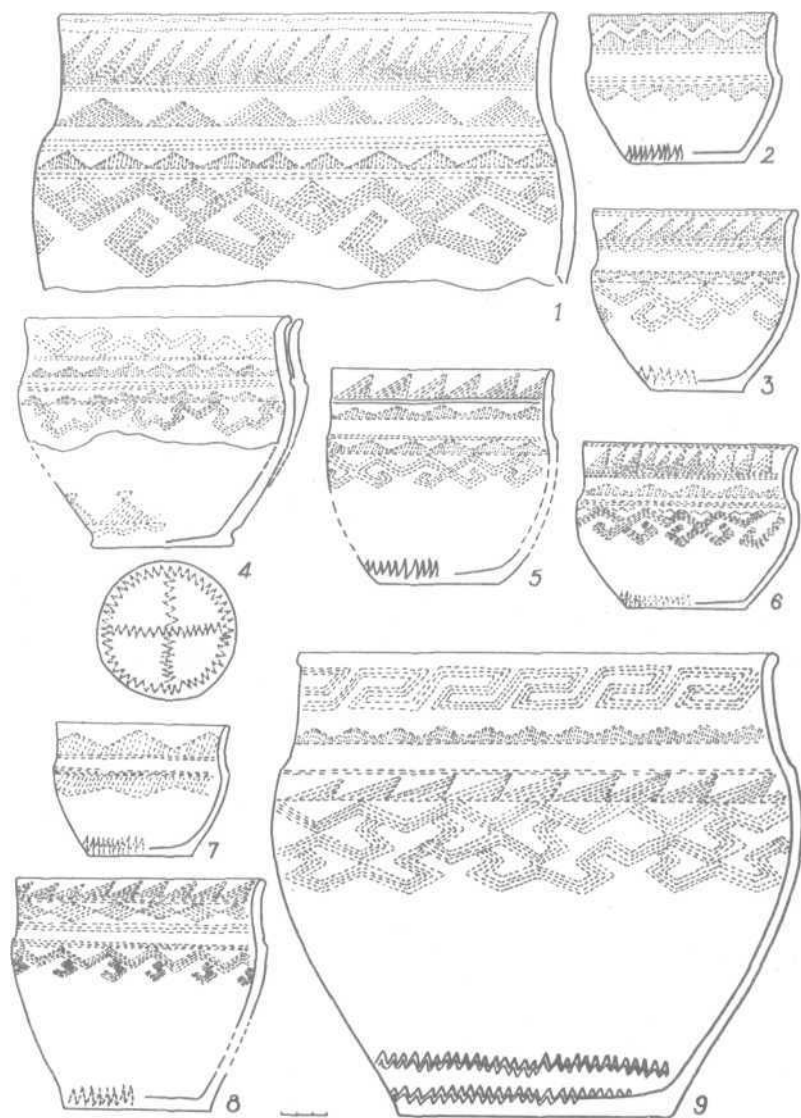

Рис. 26. Могильник Амангельды. Керамика амангельдинской группы:
 1 — сосуд № 10; 2 — сосуд № 25; 3 — сосуд № 46; 4 — сосуд № 19; 5 — сосуд № 31;
 6 — сосуд № 23; 7 — сосуд № 26; 8 — сосуд № 54; 9 — сосуд № 18; 1 — курган 2; 2,
 6, 7 — курган 5; 3 — курган И; 4, 9 — курган 4; 5 — курган 6; 8 — курган 12

рис. 25, 2). К могильной яме, очевидно, может быть отнесен однолезвийный бронзовый нож (рис. 28, 1), обнаруженный на глубине 30 см в грабительском перекопе. Яма 1 зафиксирована с напольной стороны кургана в юго-западном секторе, ее размеры 2X1,1 м, глубина 0,7 м. Яма ориентирована продольной осью по линии ЮЗ — СВ. Погребение ограблено. Обнаружено два сосуда (№ 13, 14, рис. 27, 14) и несколько костей человека.

Курган 4 диаметром 10 м, высотой 0,3 м. В центре — могильная яма размером 3X2 м, продольной осью ориентированная почти по линии З — В. Яма имеет отвесные стенки и ровное дно на глубине 0,9 м от современной поверхности. Погребение ограблено. Разрозненные кости человека зафиксированы по всему заполнению ямы. Фрагменты сосудов локализовались преимущественно в юго-западном углу (№ 18, 19, 20, рис. 26, 4, 9).

Курган 5 диаметром 17 м, высотой 0,5 м. В юго-западном секторе на глубине 50 см обнаружены очертания могильной ямы (2) размером 1X0,5 м, ориентированной продольной осью по линии ЗСЗ—ВЮВ. На дне ямы — плохо сохранившийся скелет ребенка, лежащего головой на ЗСЗ в скорченном положении на левом боку, кисти рук — у лица. У головы — два сосуда (№ 21, 22, рис. 27, 10). К СВ от могильной ямы 1 обнаружено четыре сосуда (№ 23—26, рис. 26, 2, 6, 7). Рядом с сосудами на уровне материка — плохо сохранившиеся кости детского черепа. В центре подкурганной площадки зафиксирована могильная яма 1 с сильно закругленными углами размером 2,9X2,2 м, глубиной 1,1 м. Продольной осью она ориентирована по линии З—В. Стенки ко дну плавно сужаются. Яма ограблена. Обнаружены кости человека, фрагменты сосудов (№ 27, 28, 29).

Курган 6 диаметром 9 м, высотой 0,2 м. Могильная яма прямоугольной формы размером 2,5X1,7 м, глубиной 0,9 м длинными сторонами ориентирована по линии З — В. Яма имеет отвесные стенки, в некоторых местах нарушенные грабительскими раскопками. В заполнении могилы найдены остатки перегнившего дерева, несколько человеческих костей, бронзовые бусы и небольшие обломки бронзовых пластинок. По углам и в центре длинных стен четко зафиксированы остатки столбов, служивших, по-видимому, опорой какой-то внутренней конструкции. В северо-восточном углу на дне ямы обнаружено скопление фрагментов двух сосудов (№ 30, 31, рис. 26, 5).

Курган 7 диаметром 10 м, высотой 0,1 м. В насыпи кургана обнаружено два сосуда (№ 32, 33, рис. 27, 13). На уровне материка зафиксированы две могильные ямы, ориентированные по линии З — В. Могильная яма 1 расположена в северной половине кургана. Ее размер 1,8X1,6 м, глубина 0,8 м, стенки отвесные, в заполнении обнаружено несколько костей человека. Могильная яма 2 имеет размер 1,8X1,3 м и глубину 0,8 м. В ее заполнении найдена подвеска из клыка животного, фрагмен-

ты сосудов (№ 34, 35, рис. 27, 8), разрозненные кости человеческого скелета.

Курган 8 диаметром около 16 м, высотой 0,4 м (рис. 24, 1). При снятии первого горизонта в южном углу юго-восточного сектора обнаружено два сосуда (№ 36, 37, рис. 27, 4). Один из них стоял в маленькой ямке, углубленной в материк на 7—10 см, второй находился рядом, почти на поверхности материка. В грабительском перекопе, в насыпи, обнаружены кости лошади. При вскрытии средней части кургана на глубине 10—20 см зафиксированы остатки деревянного настила, особенно большое количество дерева было в юго-западном секторе. Бревна ориентированы в направлении ЮЮВ — ССЗ, уложены поперек могильной ямы и опирались на ее края. В юго-западном секторе на настиле обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота. При удалении бревен кое-где зафиксирована прослойка глины — выкид из могильной ямы. Слой выкида довольно равномерным кольцом толщиной до 20 см и шириной 3—2 м окружает могильную яму.

Яма имеет прямоугольную форму (длина 3,2 м, ширина 1,9 м), длинными сторонами она ориентирована по линии ВСВ — ЗЮЗ. Сразу же после зачистки обнаружена деревянная обкладка, состоящая из тонких вертикально расположенных бревен, четко отделявших заполнение могильной ямы от материкового грунта. По углам могилы и в средней части длинных стен по всей глубине зафиксированы остатки бревен диаметром до 20—25 см. На глубине 100 см обнаружен второй ряд обкладки — горбыли и плахи располагались теперь не вертикально, а вдоль длинных и коротких стен. Этот слой зафиксирован до dna могильной ямы (1,5 м). Дно значительно потревожено грабителями, однако на нескольких сохранившихся участках хорошо прослеживается деревянный настил, бревна которого расположены вдоль ямы. При выборке заполнения обнаружено два слоя бревен, лежащих поперек могилы. Один из них, несомненно, принадлежал рухнувшему верхнему перекрытию (часть бревен перекрытия фиксируется вокруг ямы на уровне древнего горизонта), второй — внутреннему перекрытию, которое опиралось на бревна горизонтальной обкладки ямы. Концы бревен внутреннего перекрытия хорошо прослеживаются на продольных плахах обкладки на глубине 100—110 см. Хорошая сохранность дерева позволила вести выборку могильной ямы, не нарушая бревенчатой обкладки стен, сделать полную реконструкцию погребального сооружения (рис. 24, 1, а, б, в). В заполнении могильной ямы на разных горизонтах собраны фрагменты одного сосуда эпохи бронзы. Ни костного, ни вещевого материала в погребении не обнаружено. Могила полностью ограблена еще в древности, вероятно, сразу же после совершения захоронения.

Курган 9 диаметром насыпи 10 м, высотой 0,2 м. В централь-

ной части кургана обнаружен череп коровы, обращенный на запад, на черепе — кости ног барана. В юго-восточном секторе у края насыпи на глубине 40 см найден сосуд. Длина могильной ямы 2,6 м, ширина 1,7 м, длинной осью она ориентирована по линии 3 — В. Стенки могилы отвесные, только с южной и западной сторон в верхней части ямы наблюдается некоторая скошенность. Погребение ограблено. На разных глубинах в яме обнаружены фрагменты трех сосудов (№ 41, 42, 43, рис. 25, 3, 5), кусок бронзы, костяной наконечник стрелы. На дне могильной ямы (1,1 м) в западной ее части найдены кости ног человека в анатомическом порядке. Их расположение позволяет сделать вывод, что погребенный был ориентирован головой на В.

Курган 10 диаметром насыпи 10 м, высотой 0,3 м. При вскрытии юго-восточного сектора на глубине 0,3 м обнаружен череп барана, обращенный на ЮЮВ, в северо-восточном секторе на этой же глубине найдена челюсть коровы. Очертания могилы зафиксированы на уровне материка, длина ямы 2,8 м, ширина 2,2 м. Длинной осью она ориентирована по линии ЮВ — СЗ. На глубине 0,6 м и ниже вдоль стен захоронения расположены бревна (плахи). Деревянная обкладка закреплена мощными столбами — четыре столба обнаружены по углам могилы и один в средней ее части. В центре юго-западной стенки столб отсутствует. Несомненно, что он уничтожен грабительским вкопом. При выборке заполнения на разных глубинах найдены различные кости человека. У юго-восточного угла на дне ямы находились два сосуда в развалах (№ 44, 45, рис. 25, 4, 9). В северной части могилы ближе к ее восточному углу обнаружено пять костяных, две каменные и две бронзовые стрелы (рис. 28, 4—6, 8, 17, 18). Стрелы не потревожены грабителями и лежали, по-видимому, в колчане. По расположению сосудов и направлению стрел можно судить, что погребенный лежал головой на ЮВ. В заполнении ямы на глубине 0,8 м обнаружен еще один костяной наконечник стрелы, костяная цилиндрическая поделка с маленьким сквозным отверстием и орнаментом из концентрических окружностей, а также костяная сегментовидная поделка (возможно, подвеска) с боковой выемкой (рис. 28, 9, 12).

Курган 11 диаметром 14 м высотой 0,3 м. При вскрытии насыпи в юго-западном секторе обнаружено два сосуда (№ 46, 47, рис. 26, 3; 27, 9). В этом же секторе находятся жертвенные кости — ноги барана и череп коровы, обращенный на запад. В юго-восточном секторе на уровне древней поверхности обнаружено пятно прокала диаметром около 0,5 м незначительной интенсивности. Могильная яма зафиксирована под южной частью насыпи. Она имеет форму прямоугольника со сторонами 2,6×1,8 м, длинной осью ориентирована по линии СВ — ЮЗ. Стенки ямы отвесные, дно зафиксировано на глубине 1—1,1 м. Могила ограблена. В заполнении у юго-западной стенки найдены остатки рухнувшего перекрытия могилы, бревна которого

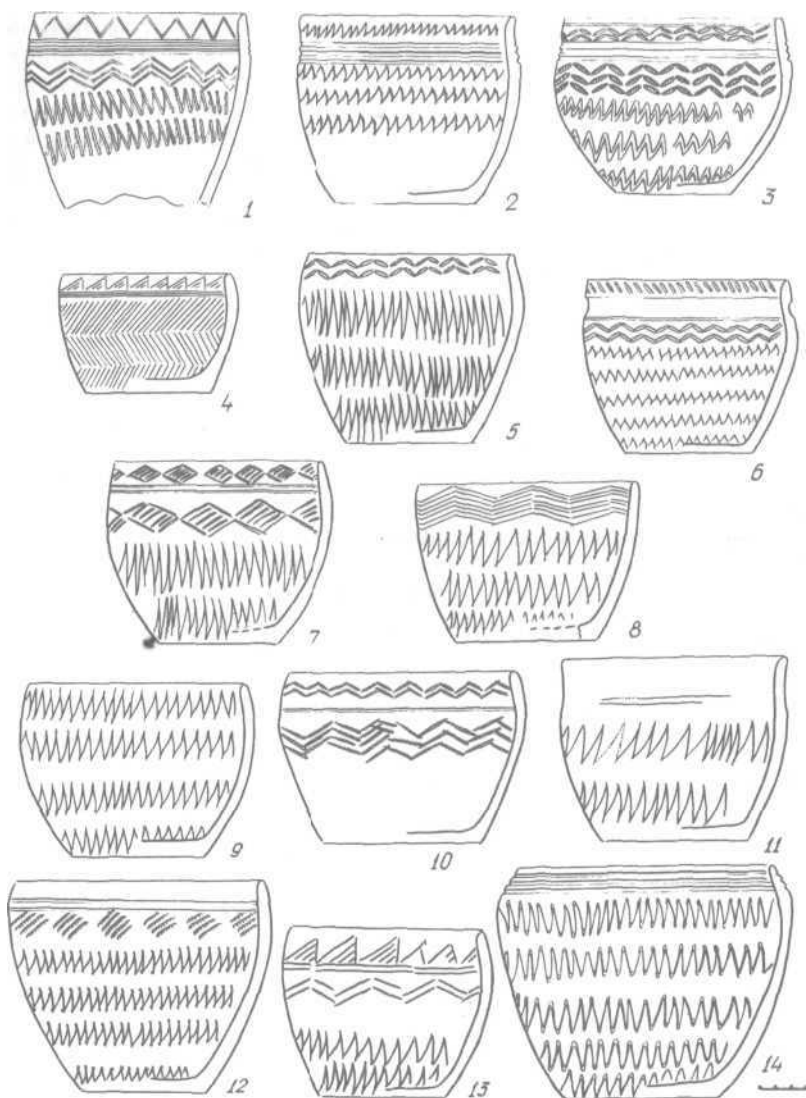

Рис. 27. Могилиник Амангельды. Сосуды баночного типа:

1 — сосуд № 58; 2 — сосуд № 56; 3 — сосуд № 59; 4 — сосуд № 36; 5 — сосуд № 42;
 6 — сосуд № 57; 7 — сосуд № 3; 8 — сосуд № 34; 9 — сосуд № 47; 10 — сосуд № 21;
 11 — сосуд № 4; 12 — сосуд № 61; 13 — сосуд № 32; 14 — сосуд № 13; 1-3, 6, 12 —
 курган 12; 4 — курган 8; 5, 7, 11 — курган 1; 8, 13 — курган 7; 9 — курган 11; 10 — курган 5;
 14 — курган 3

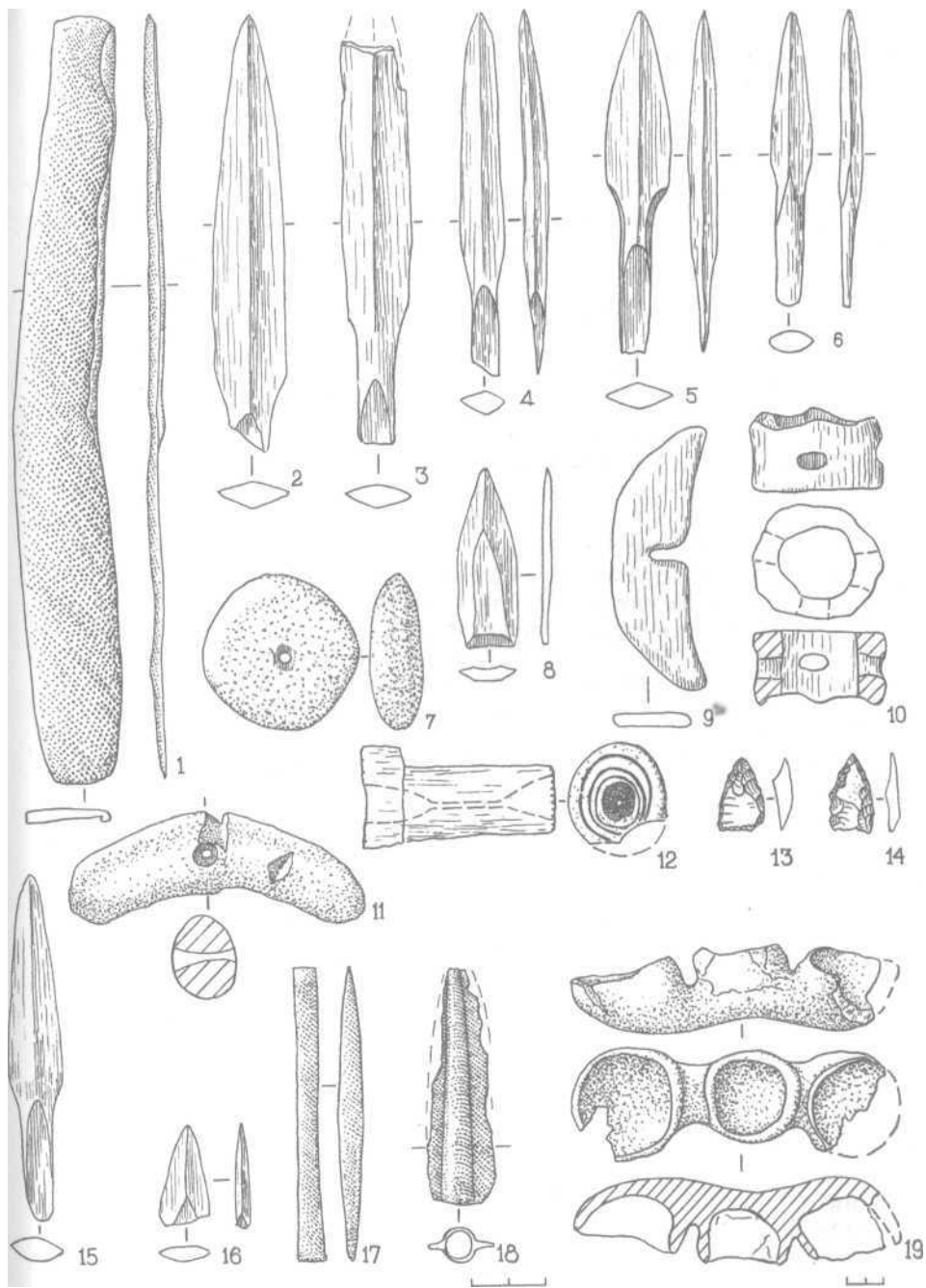

Рис. 28. Могильник Амangельды. Вещевой инвентарь:

1 — курган 3, насыпь; 2, 10, 19 — курган 2, могильная яма; 3, 7, 11 — курган 2, насыпь; 4—6, В, 9, 12—18 — курган 10, могильная яма; 1, 17, 18 — бронза; 2—6, 8—10, 12, 15, 16 — кость; 7, 11, 19 — глина

располагались поперек ямы. У дна могилы зафиксированы отдельные фрагменты дерева, что позволяет говорить о наличии деревянной обкладки стен. В заполнении на разных глубинах встречены следы прокала, древесный уголь и обломки одного сосуда. На глубине 0,7—0,9 м в западном углу захоронения найдено три костяных наконечника стрел.

Курган 12 диаметром 10 м, высотой около 0,3 м (рис. 24, 3). Могильная яма, сильно испорченная грабительским вкопом, расположена в юго-западном секторе. Яма ориентирована по линии СВ — ЮЗ, имеет овальную форму, ее размеры 1,8×1,0×1,3 м, стенки ямы отвесные. В заполнении на разных глубинах найдены фрагменты трех сосудов (№ 64—66, рис. 25, 1, 8). На подкурганной площадке и в насыпи обнаружено четырнадцать сосудов, шесть из них расположены в средней части кургана с северо-западной стороны могильной ямы, четыре — в насыпи на древней поверхности (№ 52, 55, 58, 60, рис. 27, 1, 12), два — в легких углублениях в материке (№ 63, 59, рис. 25, 10). Вторая группа сосудов зафиксирована в юго-западной поле кургана (№ 50, 51, 53, 54, рис. 25, 7; 26, 8). К СВ от сосудов обнаружено скопление костей лошади. В периферийной части подкурганной площадки по кругу расположены четыре овальных углубления, в трех из которых обнаружено по одному-два сосуда (№ 56, 57, 61, 62, рис. 27, 2, 6). Не исключено, что в них были детские захоронения. С остатками детских погребений могут быть связаны и некоторые из сосудов, обнаруженные в насыпи кургана. В центральной части подкурганной площадки расчищен фрагмент вводного захоронения — кости ног человека. Вероятно, этому погребению принадлежит древесный тлен, железный кинжал и удила, найденные в северо-восточном секторе.

Курган 16 диаметром 10 м, высотой 0,2 м. При вскрытии насыпи никаких находок не обнаружено. Могильная яма длиной 3,2 м, шириной 1,8 м зафиксирована в юго-западном секторе, углы ее слегка округлые, длинными сторонами она ориентирована по линии ЗСЗ — ВЮВ. Стенки ямы отвесные, дно зафиксировано на глубине 0,9 м. В восточной ее половине сохранилась деревянная обкладка из горизонтальных бревен, в средней части юго-восточной стенки обнаружен столбик. Могильная яма сильно потревожена грабителями, в заполнении обнаружены отдельные кости скелета человека и фрагменты сосуда.

Несмотря на то, что все курганы эпохи бронзы могильника Амангельды 1 оказались ограблены, при раскопках было найдено 65 сосудов, а также собрана небольшая коллекция изделий из бронзы и кости. Единственное орудие труда — однолезвийный бронзовый нож с выпуклой спинкой, изготовленный на откованной пластине (рис. 28, 1). В коллекции — пятнадцать наконечников стрел: два бронзовых, два каменных, одиннадцать костяных. Из бронзовых один двуллопастной втульчатый, второй необычной формы с четырехгранным сечением пера и откован-

ным черешком. Каменные наконечники плоские, с треугольным пером и с легкой выемкой по основанию. Один из костяных наконечников, найденный в колчане, повторяет форму каменных, остальные — черешковые с ромбическим или треугольным сечением пера.

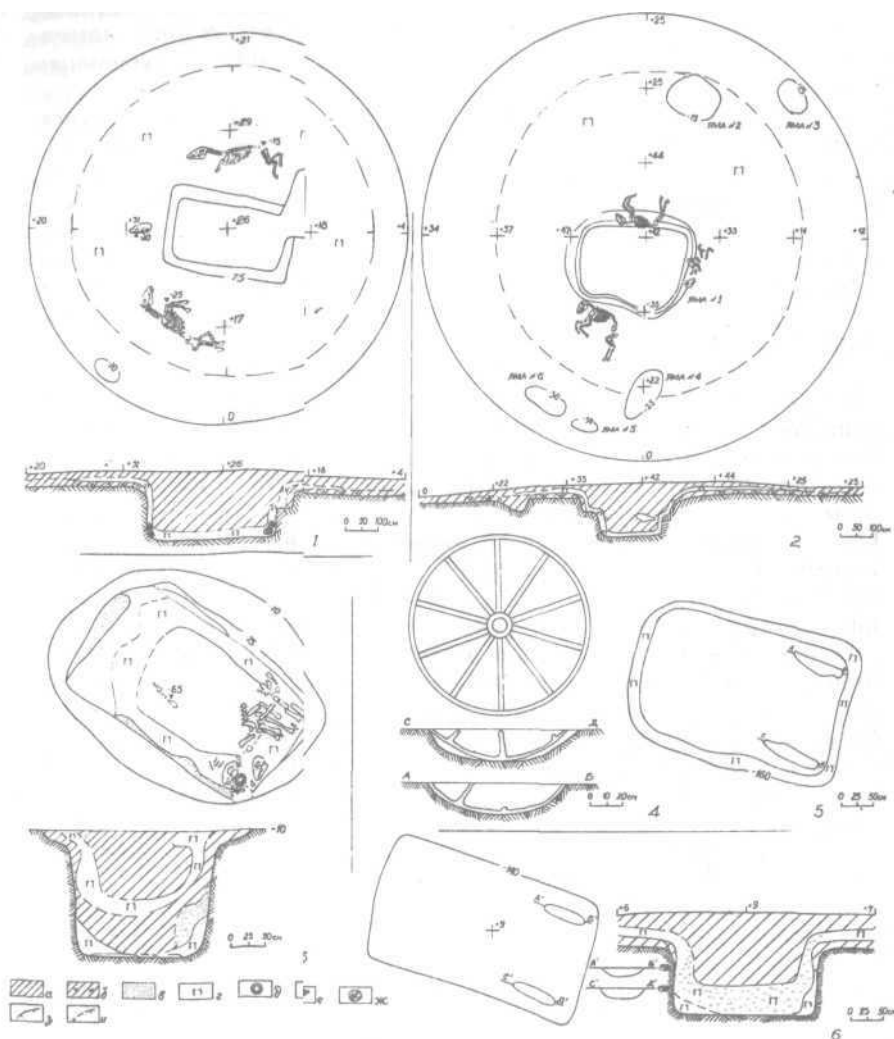
Основная масса предметов — украшения или детали костюма. В погребениях найдено около 70 бусин биконической формы диаметром 4 мм, согнутых из бронзовой пластинки шириной 2 мм, несколько бусин диаметром 6 мм, изготовленных из белой или голубой пасты. Следует отметить костяные и глиняные подвески, поделки из трубчатых костей животных, одна из которых могла служить пряжкой. Из керамических изделий интересны три маленькие чашки, соединенные вместе, вероятно, курильницы (рис. 28, 19).

Большинство сосудов могильника Амангельды I имеет горшечную форму с уступчатым плечом. Значительную группу составляют банки и сосуды горшечно-баночного типа. Вся посуда тщательно выполнена, хорошего обжига, стенки ее плотные, в качестве примеси использован песок, реже шамот. Горшки имеют орнамент по шейке и верху тулова, а также в придонной части. Орнаментированные днища встречаются как исключение. Между шейкой и туловом большинство сосудов имеет свободную от орнамента зону, но часто эта закономерность нарушается. Банки, как правило, украшены полностью. Наиболее распространенными элементами орнамента являются желобки, прочерченные линии, горизонтальные зигзаги, треугольники самых различных типов. Особенностью Амангельдинского комплекса являются богатство "и сложность ковровых узоров". Рисунки наносились тонким гребенчатым штампом, также применялась прочерченная техника. Единичны отпечатки веревочки и ямочные вдавления.

Всю керамику можно разделить на две группы — алакульскую (рис. 25) и собственно амангельдинскую (рис. 26). Алакульская керамика обнаружена в курганах 1, 9, 10, собственно амангельдинская — в курганах 2, 4, 5, 7, 16. В центральных ямах трех сооружений (3, 11, 12) найдена только алакульская керамика, а в детских погребениях и в насыпи — как алакульская, так и собственно амангельдинская. Только в центральной яме кургана 6 обнаружены сосуды обеих групп.

Могильники у с. Берлин

На левом берегу р. Ишим, в 130 км к ЮЗ от г. Петропавловска, в районе с. Берлик расположена целая серия курганных могильников и одиночных курганов. В 1974—1981 гг. здесь было вскрыто около трех десятков насыпей, относящихся к эпохе бронзы, раннему железному веку и средневековью. Курганы бронзового века группируются в трех пунктах у выходов

Ис. 29. Могильник у с. Берлик:

1 — могильник Берлик II, курган 1, план и разрез; 2, 4, 5 — могильник Берлик II, курган 2, план и разрез кургана, разрезы каменных венок; реконструкция колеса; 3 — могильник Кенес, курган 3, яма 3, план и разрез, 6 — могильник Кенес курган 5, план и разрез могильной ямы: а) гумус, б) погребенная почва, в) суглинок; г) глина; д) сосуд, е) кости животных, ж) дерево, з) границы раскопа, и) границы глиняных площадок

подпочвенных вод (могильники Кенес, Берлик II, Аксайман). Комплекс протянулся на 5 км, и его территория полностью совпадает с районом ныне функционирующих ключей. Погребальные сооружения занимают ровные или слегка наклонные площадки на краях коренных террас. Могильник Кенес расположен на останце надпойменной террасы, примыкающей к высокому берегу Ишима. О первоначальном количестве курганов и их взаиморасположении судить трудно — береговая линия значительно видоизменена современной хозяйственной деятельностью. Западная группа погребений могильника Аксайман уничтожена при строительстве овцеводческого комплекса, значительную часть территории могильника бронзового века Берлик II занимает современное казахское кладбище. Можно только предполагать, что насыпи в древности не составляли больших компактных групп, а были вытянуты короткими цепочками в один-два, максимум в три ряда.

За шесть полевых сезонов отрядами СКАЭ-УКАЭ на могильниках у с. Берлик раскопаны все доступные для исследования погребальные сооружения эпохи бронзы (всего 14 курганов). Вскрытие насыпей велось вручную. Техника использовалась ограниченно, в основном для контрольных зачисток межкурганных территорий. На могильнике Аксайман, где расположена строительная площадка овцекомплеса, курганные насыпи в ряде случаев почти не фиксировались. Здесь было заложено два раскопа по поселенческой методике квадратами 3X3 м и 4X4 м.

Берлик II

Курган 1 диаметром 12 м, высотой 0,1—0,2 м (рис. 29, 1). На подкурганной площадке зафиксированы две могильные ямы: одна (1), крупная — в центре, вторая (2), небольших размеров — на окраине юго-западного сектора. Центральная длинными сторонами ориентирована в направлении ЗСЗ — ВЮВ, периферийная — в направлении СЗ — ЮВ. Центральную могильную яму окружал слой глины толщиной до 0,3 м с внешним диаметром 9,5—10 м. Глина лежала на погребенной почве, очень неравномерной по толщине — в северных секторах гумус был срезан при выравнивании площадки. На слое глины вдоль длинных сторон погребальной камеры, в 0,7—1 м от ее краев расположены два конских скелета, один — на левом боку, другой — на правом. Скелеты находятся в анатомическом порядке, шеи коней вытянуты на 3 или СВ, ноги подогнуты, как при беге. У северного скелета отсутствуют кости передних ног ниже коленного сустава. К западу от ямы в 0,5 м от ее края по центральной оси обнаружен череп лошади, обращенный на запад, рядом — лучевая кость мелкого рогатого скота*.

* Определения остеологического материала выполнены сотрудником УрО АН СССР П. А. Косинцевым.

Яма 1 (размером 4,3Х2,8 м) имеет прямоугольную форму. В северо-восточном ее углу обнаружен подпрямоугольный выступ 2,1Х1 м — вероятно, вход в погребальную камеру. Пол входа имеет легкий наклон в сторону камеры и находится ниже уровня погребенной почвы на 0,6 м. Вдоль стен входа в заполнении ямы зафиксированы деревянные плашки размером в сечении 6—10 см. Погребальная камера — прямоугольной формы (ее внутренний размер 3,4Х1,8Х1,6 ж), стены камеры вертикальные, на всю высоту сложены из вязкой светлой глины, толщина слоя составляет 30 см. На уровне пола в слое глины находится сруб в два венца из бревен толщиной 20 см. Ровный пол могильной ямы покрыт толстым слоем глины. Погребальная камера заполнена темной гумусированной супесью. На глубине 40 см зафиксировано потревоженное норами впускное захоронение раннего железного века, в котором обнаружен скелет лежащего на спине человека, головой обращенного на СВ, у его ног — круглодонный сосуд. Погребение бронзового века полностью ограблено. На дне камеры найдены мелкие фрагменты дерева, у северной его стены — бронзовое шило, в юго-восточном углу — каменный наконечник стрелы (рис. 30, 17). На разных глубинах в заполнении найдены фрагменты четырнадцати сосудов.

Яма 2 (размером 0,9Х0,5Х0,2 м) овальной формы ориентирована на СЗ — ЮВ. Вероятно, в ней находилось детское погребение. На дне у северо-западной стенки ямы обнаружен раздавленный сосуд.

Курган 2 диаметром 18 м, высотой до 0,2 м. На подкурганной площадке зафиксировано шесть ям (рис. 29, 2). Центральная (1) — большого размера и неправильной подквадратной формы — ориентирована по линии ЗСЗ — ВЮВ. Три ямы (4—6) расположены в южных секторах, две (2, 3) — в северо-восточном секторе в полах кургана. Периферийные ямы имеют небольшие размеры, овальную форму, ведущая ориентировка — ЗСЗ — ВЮВ, СЗ — ЮВ. Вокруг центральной ямы прослеживается кольцо глины толщиной до 0,2 м с внешним диаметром 12 м. Толщина глиняного слоя площадки к периферии уменьшается. На глине вдоль каждой из длинных сторон ямы ногами в противоположные от ямы стороны лежат два конских скелета головами на запад. Ноги коней подогнуты, позвоночники выгнуты дугой, северный костяк ориентирован в направлении З — В, южный — в направлении ЗСЗ — ВЮВ. У восточного края ямы лежат два черепа и четыре пары конечностей крупного рогатого скота.

Яма 1 (размером на уровне древней поверхности 5,2Х4,1 м) имеет погребальную камеру, стены которой сложены из светлой вязкой глины толщиной 15—20 см. Размер камеры в верхней части 4,5Х3,7 м, форма неправильная прямоугольная с выступающим юго-восточным углом. На глубине 0,8 м яма по всему периметру имеет уступ 0,2—0,5 м, который в юго-восточном

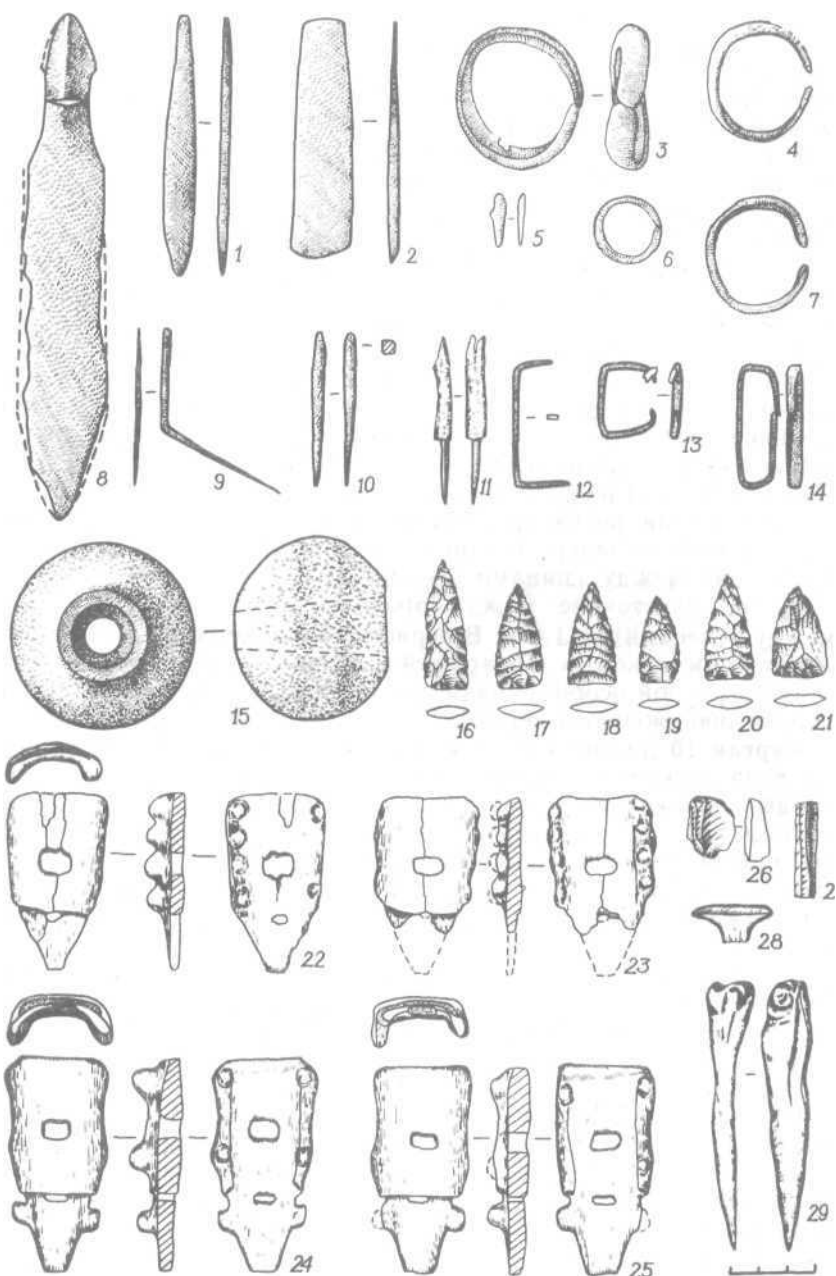

Рис. 30. Могильники у с. Берлик. Вещевой инвентарь:

1, 2, 8, 15, 29 — могильник Кенес, курган 2, яма 1; 3 — могильник Кенес, курган 3, яма 1; 4, 7 — могильник Аксайман, курган 4, яма 9; 5 — могильник Аксайман, курган 10, яма 1; 6 — могильник Аксайман, курган I, яма 1; 10, 14 — могильник Берлик II, курган 2, яма 1; 11, 18, 19, 22—25 — могильник Аксайман, курган 2; 12, 26 — могильник Аксайман, курган 10; 13 — могильник Берлик II, курган 3, яма 1; 16 — могильник Кенес, курган 2, яма 3; 20, 21 — могильник Аксайман, курган 4, яма 1; 27 — могильник Кенес, курган 2, яма 10; 28 — могильник Аксайман, курган 5

углу расширяется до 0,8 м, образуя вход. Ниже она становится прямоугольной (размером 3,4Х2,5 м), стены ямы вертикальные, пол ровный, покрыт слоем глины толщиной 0,2 м, общая ее глубина 1,8 ж. В заполнении ямы, ближе к ее центру, на глубине 1 м зафиксирован участок рухнувшей сверху глиняной площадки, на котором сохранилось два скелета собак без черепов и несколько резцовых зубов животных, а также три пары жаберных крышек крупных рыб. На уступе северной стены обнаружены ребра и зубы лошади, в северо-восточном углу — конский череп, ориентированный на С.

На дне погребальной камеры найдены бронзовая проколка и крупная скрепка (рис. 30, 9, 13), в заполнении на разных глубинах — обломки 16 сосудов (рис. 32, 2, 6). В восточной половине погребальной камеры обнаружены две параллельные ямки от колес. Длина ямок 0,8—0,9 м, ширина 15—20 см, глубина до 20 см. В разрезе на фоне глиняного заполнения в северном углублении зафиксированы часть обода и две спицы, в южном — фрагмент обода и отпечатки трех спиц (рис. 29, 4, 5). Расстояние между спицами 25—30 см, толщина обода и спиц 2—3 см. Расстояние между продольными осями углублений (между колесами) — 1,4 ж. В периферийных ямах (2, 3, 5) материальных остатков не обнаружено. В яме 4 найдено несколько костей взрослой особи лошади, на дне ямы 6 — прокол и мелкие кусочки обожженного дерева.

Курган 10 диаметром 12 м, высотой до 0,1 м. Северо-западная пола насыпи не вскрыта, так как она оказалась в пределах ограды современного казахского кладбища (рис. 31, 9, 10). В центральной части подкурганной площадки зафиксирована прямоугольная могильная яма размером 3,6Х2,7Х1,4 м, ориентированная по линии З—В (рис. 31, 12). Вокруг ямы кольцом расположена глиняная площадка толщиной до 10 см. В плане она имеет форму неправильного многоугольника, достигающего в поперечнике 8,5 м. На слое глины у южной стены могилы обнаружен скелет лошади, лежащей на правом боку с подогнутыми конечностями, головой на З. Рядом — конский череп. На расстоянии 0,7—1,0 м от черепов найдены два сосуда баночной формы (рис. 31, 15, 16).

Стены и пол могильной ямы обрамлены слоем светлой глины толщиной до 20 см. На полу погребальной камеры у восточной стены четко зафиксированы два узких овальных углубления размером 0,9Х0,3Х0,2 м, расположенных параллельно друг другу на расстоянии 1,4 м (рис. 31, 11, 12). При вскрытии углублений обнаружено, что их стенки покрыты слоем глины толщиной 5—7 см. В разрезе северной ямки у дна зафиксированы мелкие фрагменты дерева от обода колеса. В западной части южного углубления найдены четыре каменных наконечника стрел. Пятый наконечник обнаружен в норе рядом с углублением (рис. 31, 1—5). На глубине 0,7 м у западной стены погребаль-

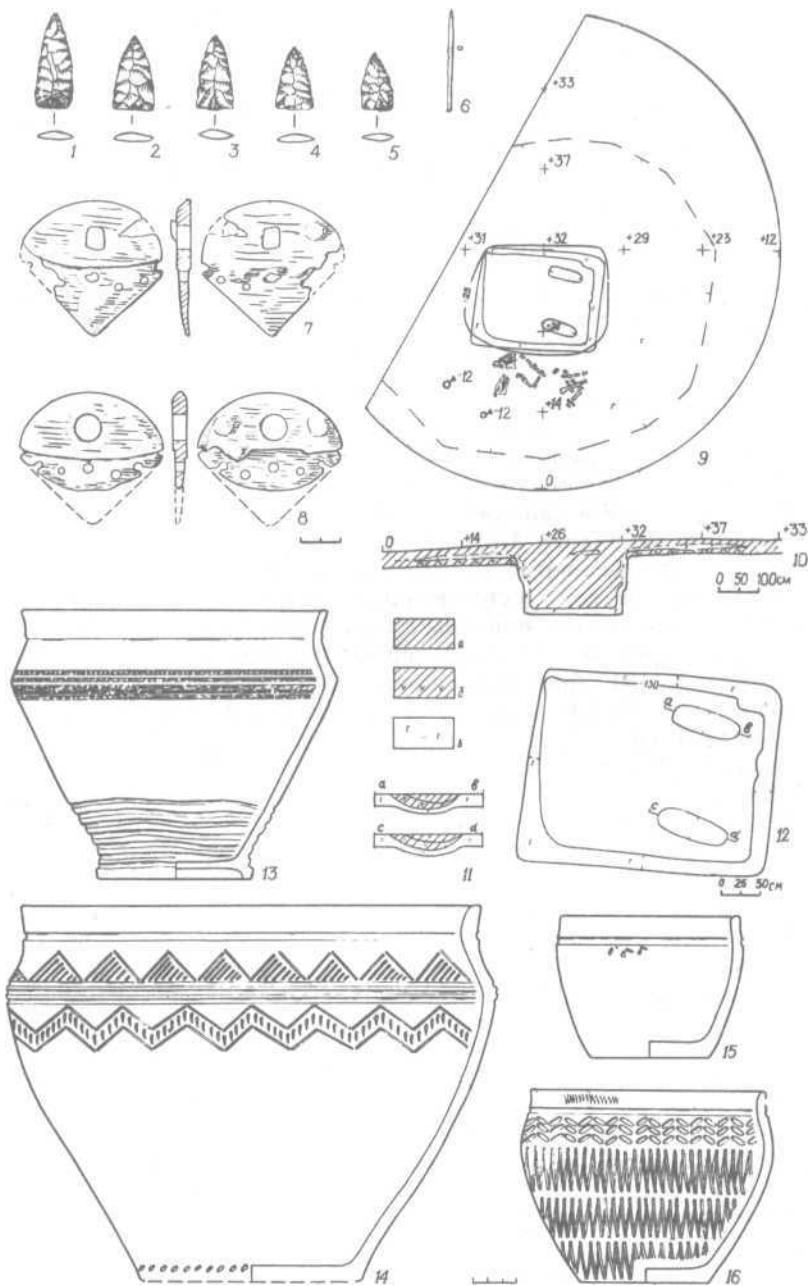

Рис. 31. Могильник Берлик II. Курган 10:

1—8, 13—16 — вещевого инвентаря, 9, 10 — план и разрез кургана; 12 — план могильной ямы, 11 — разрез колесных канавок. 1—5 — камень; 6 — бронза; 7, 8 — кость, 13—16 — глина; а) гумус; б) погребенная почва, в) глина

ной камеры найдено три костяных псаля — два археологически целых и один во фрагментах (рис. 31, 7, 8). В центре ямы на полу расчищены кости стопы и фрагменты черепа человека, у восточной стены найдено бронзовое шило (рис. 31, 6). В придонной части камеры зафиксированы древесный тлен и фрагменты четырех сосудов (рис. 31, 13, 14).

Аксайман

Курган 2 диаметром 12 м, высотой 0,1—0,2 м. В центре кургана находится могильная яма подпрямоугольной формы размером 3,4X2,6X1,2 м, ориентированная на ЗСЗ — ВЮВ. Вокруг ямы — кольцо светлого песка. Могила была ограблена не менее двух раз. На стенах и на дне ямы, вырытой на песчаном грунте, сохранились участки глиняной облицовки погребальной камеры. Основание камеры обложено в один ряд плахами шириной до 30 см. При выборке заполнения на глубине 0,7—1 м у южной и западной стенок обнаружены черепа и кости конечностей лошадей. Несомненно, это остатки двух конских скелетов, которые когда-то лежали на перекрытии могилы и рухнули вниз в силу естественного разрушения погребальной камеры. В заполнении найдены также череп козы, четыре костяных псаля (рис. 30, 22—25), два кремневых наконечника стрел (рис. 30, 18, 19), бронзовая проколка с остатками деревянной рукояти (рис. 30, 11) и фрагменты двух сосудов (рис. 32, 1, 3).

Курган 4 (раскоп II). Раскоп заложен в северной части могильника в районе легкого возвышения. На площади 225 кв. м зафиксированы две крупные ямы и восемь ям средних и малых размеров. Их взаиморасположение свидетельствует о том, что раскопом вскрыт курганный комплекс с центральной могилой и рядом конструкций, которые по своей планировке тяготеют к двум круговым кольцам. Внутреннее кольцо имеет диаметр 6—8 м. В нем находятся глиняная площадка с захоронениями лошадей и скоплением костей мелкого рогатого скота, а также три небольших овальных углубления (ямы 4, 7, 8) без вещественных остатков.

Внешнее кольцо диаметром 11—12 м в древности было отмечено углублением в гумусированном слое. С внешним кольцом связаны ямы (5 и 10), а также четыре жертвенника (1—4), содержащие кости различных видов домашнего скота. Ямы 3, 6, 9, расположенные в периферийных западных участках раскопа, вероятно, не связаны с системой кургана 4 и являются самостоятельными грунтовыми захоронениями.

Яма 1 находится в центральной части раскопа, имеет прямоугольную форму (ее размер 3,5X2,3X1,3 м), ориентирована по линии СВ — ЮЗ. К северо-восточному углу ямы примыкает очертание грабительского вкопа (яма 2), который, вероятно, совпадает со входом в погребальную камеру. Вокруг могильной

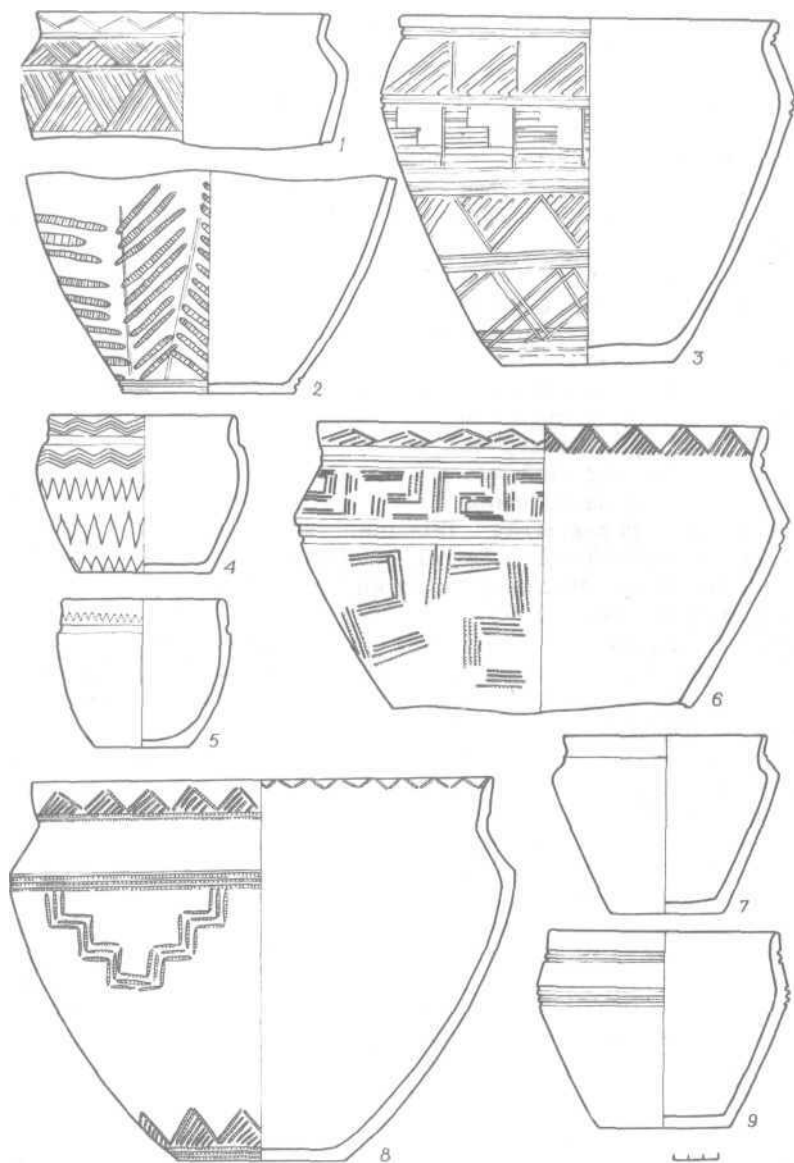

Рис. 32. Могильники у с. Берлик. Керамика:

1, 3 — могильник Аксайман, курган 2, яма 1, 2, 6 — могильник Берлик II, курган 2, яма 1, 4 — могильник Аксайман, курган 1, яма 2; 5 — могильник Аксайман, курган 4, яма 1, 7 — могильник Аксайман, курган 4 яма 10, 8 — могильник Берлик II, курган 3 яма 1; 9 — могильник Аксайман, курган 4, яма 9

ямы кольцом шириной 2,5—3 м располагается специально уложенный выкид — глиняный слой толщиной 10—20 см. В слое глины на погребенной почве вдоль длинных стен расчищены скелеты лошадей головами на юго-запад, ноги их слегка согнуты и обращены в противоположную от погребальной камеры сторону. У черепа южного скелета найден сосуд. Стенки ямы 1 с трех сторон имеют уступы на глубине 0,8—1 м. Вдоль стен и у дна сохранились следы от глиняных конструкций погребальной камеры. В заполнении найдены два каменных наконечника стрел (рис. 30, 20), обломки трех керамических сосудов (рис. 32, 5; 33, 13), в центре грабительского вкопа — нижние челюсти и ряд других костей семи особей крупного рогатого скота, разрозненные кости двух лошадей и барана.

Яма 3 (размером 2,3×2,0×1,1 м) имеет прямоугольную форму, ориентирована на ВСВ — ЗЮЗ. У северо-восточного угла обнаружен выступ шириной 0,3 м — вход в погребальную камеру. Стены могилы вертикальные, сложены из желтой глины (толщина слоя 0,2—0,3 м), ровный пол также покрыт толстым слоем глины. В заполнении находятся многочисленные остатки бревенчатого перекрытия. Большинство бревен расположено поперек погребальной камеры, найдены крупные фрагменты продольных плах. Вещевые находки представлены фрагментами одного сосуда (рис. 32, 7).

Яма 6 (размером 2,5×1 м) имеет неправильную овальную форму, ориентирована на СВ — ЮЗ. Стенки ямы наклонные, в нижней части заполнения обнаружены фрагменты пяти сосудов (рис. 33, 9) и древесный уголь.

Яма 9 (размером 1,8×2,0 м) имеет на материке очертания овальной формы. На уровне 0,5—0,7 м размер ямы резко сокращается, погребальная камера становится прямоугольной со сторонами 1 и 0,7 м при общей глубине 1,3 м, длинными сторонами она ориентирована на ЗСЗ — ВЮВ. Вдоль стен и у дна ямы — мощные слои глины. В основании камеры — рама из бревен, сложенных в один венец. Рама перекрыта продольными широкими плахами и берестой. На глиняном полу на органической подстилке обнаружен скелет лежащего на левом боку в скорченном положении ребенка, головой на северо-запад. На запястьях его рук, поднесенных к лицу, — два бронзовых браслета (рис. 30, 4, 7), за спиной — бусины и пять клыков с отверстиями для подвески. Несколько бусинок найдено у щиколоток ног, в головах погребенного помещен сосуд (рис. 32, 9).

Яма 10 (размером 1,2×0,7×0,5 м) имеет прямоугольную форму, ориентирована на СВ — ЮЗ. В яме погребен ребенок, лежащий головой на ЮЗ на левом боку в скорченном положении, кисти рук — у лица. Перед лицом находится сосуд (рис. 32, 7), вдоль тела расположены восемнадцать астрагалов.

Как уже отмечалось, по внешнему круговому кольцу зафиксировано четыре жертвенника. Они представляют собой неболь-

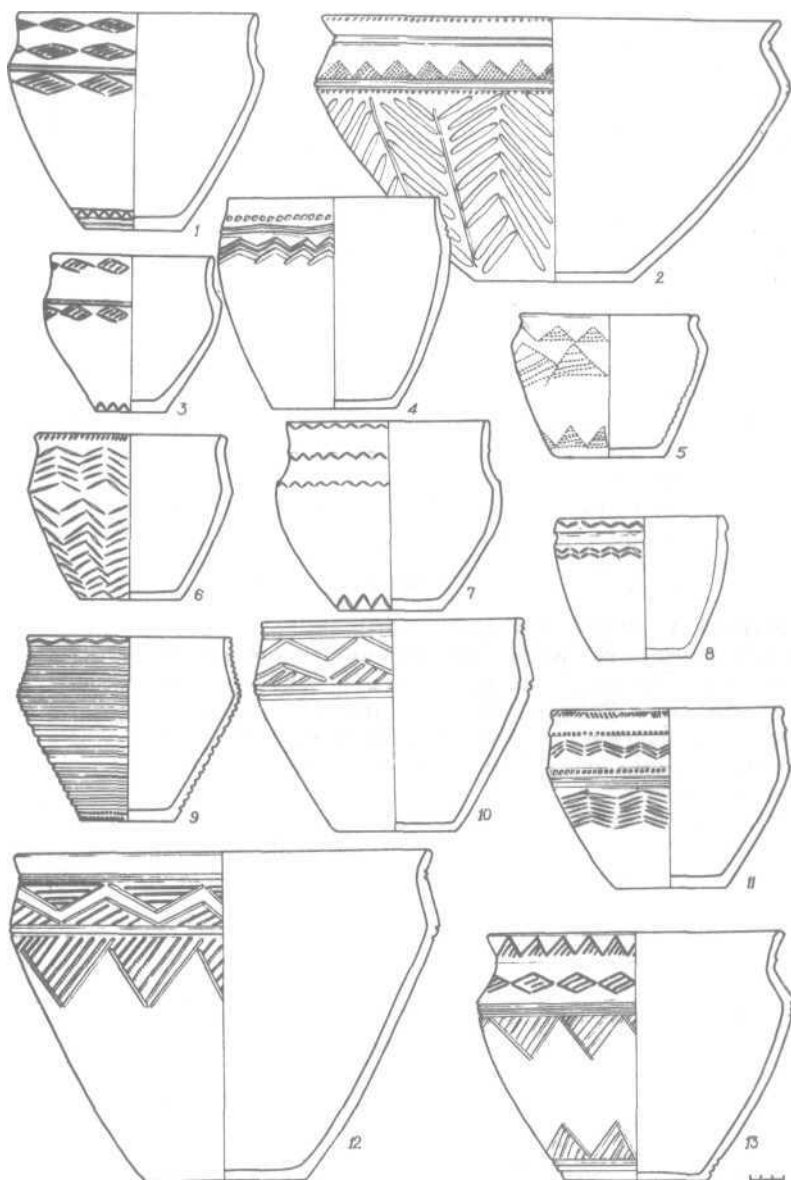

Рис. 33. Могильники у с. Берлик. Керамика:

1, 3, 7, 8 — могильник Кенес, курган 2, яма 12; 2 — могильник Кенес, курган 2, яма 3;
 4, 11 — могильник Кенес, курган 2, яма 10; 5 — могильник Кенес, курган 2, яма 4;
 6 — могильник Кенес, курган 3, яма 1; 9 — могильник Кенес, курган 2, яма 1; 10, 12 —
 могильник Кенес, курган 5; 13 — могильник Аксайман, курган 3, яма 1

шие углубления в древней почве, заполненные костями животных, в основном, остатками черепов и фрагментами конечностей. Жертвенник 1 содержал кости лошади и крупного рогатого скота, жертвенник 2 — крупного и мелкого рогатого скота, здесь же стоял сосуд. В жертвеннике 3 обнаружены кости ба-рана, а в жертвеннике 4 — кости лошади.

Курган 10 диаметром 8 м, высотой 0,1 м. В центре подкур-ганной площадки расположена могильная яма размером 2,9X X 1,9X1,6 м прямоугольной формы, ориентированная на СЗ — ЮВ. Стенки ямы вертикальные, прямые, покрыты слоем глины толщиной до 20 см. На дне — остатки бревенчатой обкладки погребальной камеры и органический тлен. В юго-восточной части ямы сохранились фрагменты костей ног человека в непо-тревоженном состоянии. По ним можно судить, что умерший лежал головой на СЗ. В грабительском перекопе у дна ямы обнаружены сосуд (рис. 34, 4), бусина из бирюзы, кремневый скребок (рис. 30, 26), а также остатки истлевшего деревянного сосуда: бронзовая скрепка (рис. 30, 12) и маленький гвоздь. В северо-западном углу ямы сохранились два сосуда (рис. 34, 2, 9).

Кенес

Курган 2 диаметром около 17 м, высотой 0,2 м. На подкур-ганной площадке расположены три крупные и одиннадцать малых ям. Две крупные находятся в центре, одна — в северной поле кургана. Вокруг ям — глиняные площадки. Малые ямы создают кольцевую планировку погребального комплекса, при этом большинство конструкций расположено в восточных сек-торах кургана.

Яма 1 (размером 2,9X2,5X1,9 м) прямоугольной формы с округлыми углами ориентирована по линии 3 — В. В северо-западной ее части есть небольшой выступ. Южная стенка на глубине 0,5—0,7 м также имеет уступ. Северная стенка на этой же глубине сильно скошена и на ней в древности, вероятно, была ступенька. Ниже уступов яма приобретает более правильные очертания, углы ее становятся почти прямыми, несколько меняется размер ямы (2,6X1,9 м). Поскольку могила не ограб-лена, остановимся на ее описании подробнее.

Стенки ямы обрамлены слоем белой глины. Средняя часть камеры до глубины одного метра заполнена темным гумусом, ниже до самого пола заполнение однородное — светлая плотная глина. На стыке гумуса и глины расчищен череп коровы. В основании гумусного заполнения (0,7—1 м) найдены несколько костей и фрагменты черепа мелкого рогатого скота, а также плохо сохранившийся человеческий череп. На дне ямы в слое глины зафиксированы тлен от дерева и органическая прослой-ка — вероятно, остатки перекрытия или какого-то другого вну-тримогильного сооружения. Обнаружен скелет человека, лежа-

шего на боку головой на запад в слегка скорченном положении, руки его согнуты в локтях, кисти рук — у лица. В головах его находится сосуд (рис. 33, 9), рядом — бронзовый нож с перехватом (рис. 30, 8), а в юго-западном углу ямы — горка обломочного кварца. Недалеко от сосуда, у стенки могилы найдены ребра животного (барана?). В северо-восточном углу обнаружены еще одно небольшое скопление камней и костяное шило (рис. 30, 29). Среди костей скелета в области таза найдены нож с черенковой рукоятью и плоское тесло (рис. 30, 1, 2). На уровне груди рядом с погребенным лежит булава, выполненная из великолепно обработанного камня (рис. 30, 15). На дне могилы на глине материка обнаружен древесный тлен, наибольшее скопление которого отмечено вдоль стенок ямы.

Яма 2 (размером $3,3 \times 2,2 \times 1,9$ м) имеет неправильную овальную форму с выступом-входом в юго-западном углу, ориентирована по линии СЗ — ЮВ. Более четкие и правильные очертания в плане, близкие к прямоугольнику ($2,7 \times 2,1$ м), зафиксированы на глубине 80 см. Юго-западная стенка могилы имеет в верхней части ступеньку шириной около 50 см. В заполнении ямы в грабительском перекопе найдены фрагменты керамики, лобная часть черепа человека и позвонок. На глубине 1,3 м у северо-восточного угла ямы обнаружен череп барана. На дне могилы, ближе к юго-западному углу, найдены кости стоп человека, по которым можно судить, что умерший лежал головой на СЗ, вероятно, на спине.

Яма 3 (размером $3,4 \times 2,5 \times 1,7$ м) ориентирована по линии ЮВ — СЗ. Наиболее четкие ее контуры (длина 2,6 м, ширина 2 м) определились на глубине 0,8—0,9 м. В верхней части стенок ямы — уступы шириной 0,2—0,5 м. В грабительском перекопе обнаружены обожженные мелкие кости, обуглившееся дерево, кусочки глины со следами прокала, фрагменты керамики (рис. 33, 2). На глубине 1,4 м найдены фрагменты черепа человека. На дне могилы — обломок бронзовой вещи, кусочек керамики с бронзовой скрепкой, кремневый наконечник стрелы (рис. 30, 16).

Яма 4 (размером $1,4 \times 1,2 \times 1$ м) длинными сторонами ориентирована по линии СВ — ЮЗ, форма ее близка к овальной. С трех сторон яма имеет небольшие уступы. На глубине 0,7—0,9 м найдены челюсти и трубчатые кости ног барана, на дне в юго-западном углу — сосуд (рис. 34, 5).

Яма 5 (размером $0,75 \times 0,6 \times 0,8$ м) имеет наклонные стенки, ориентирована на СЗ — ЮВ, материальных остатков не содержит.

Яма 6 (размером $0,65 \times 0,55 \times 0,8$ м) ориентирована на СЗ — ЮВ, материальных остатков не содержит.

Яма 7 (размером $0,65 \times 0,55 \times 0,7$ м) ориентирована на СВ — ЮЗ. В центре ямы на глубине 40 см найдена челюсть барана плохой сохранности.

Яма 8 (размером $2,5 \times 1,8 \times 0,9$ м) ориентирована по линии С — Ю, имеет однородное серое заполнение, возможно, зольного происхождения. Стенки ямы пологие, дно овальное. Материальные остатки отсутствуют.

Яма 9 (размером $4,2 \times 1,9 \times 0,8$ м) — с пологими стенками, округлым дном. В северо-западном углу найдены кости барана или коровы.

Яма 10 (размером $2,3 \times 1,8 \times 1,1$ м) имеет овальную форму. Четкие очертания получены на глубине 0,8 м. Здесь размер ямы уменьшается до $1,7 \times 1,4$ м. Ориентирована она по линии СЗ — ЮВ. У северо-западной ее стенки зафиксированы два сосуда петровского типа (рис. 33, 4, 11), в центральной части — обломки раннеалакульского горшка и кремневая пластинка (рис. 30, 27). Наблюдения над разрезами ямы показывают, что в ней могли быть совмещены две разновременные погребальные камеры, последняя из которых разрушена грабительским вкопом.

Яма 11 представляет собой овальное углубление диаметром примерно 2,2 м, глубиной 0,8 м. На дне ямы, в ее восточной части, зафиксирована небольшая ямка диаметром 0,4 м. Вещественные остатки отсутствуют.

Яма 12 (размером $1,8 \times 1,4 \times 1,1$ м) имеет форму, близкую овальной, ориентирована по линии 3 — В. На дне ямы, в ее западной части, обнаружены два черепа человека, рядом — горки костей животных и астрагалы баранов. Около одного черепа найдено 9 астрагалов, около другого — 32. Здесь же обнаружены четыре сосуда (рис. 33, 1, 3, 7, 8).

Курганные могильники у с. Берлик относятся к ярким памятникам петровской культуры. По количеству могильных ям и их расположению можно выделить два типа курганных могильников. К первому относятся курганы с крупными одиночными ямами, ко второму — сооружения, в которых наряду с центральными могилами зафиксированы ямы средних и малых размеров, расположенные в полах курганов с общей тенденцией к кольцевой планировке. Центральные могильные ямы имеют прямоугольную форму. В ряде случаев фиксируются входы. Ориентировка центральных ям тяготеет к линии 3 — В с отклонением на СЗ — ЮВ. Периферийные ямы имеют общую тенденцию к ориентировке на СЗ — ЮВ. Однако она не столь четко выражена, так как ямы расположены по кругу, и направление их длинных сторон зависит от того, в каком секторе погребального поля сооружена могила.

На стенах почти всех крупных ям сохранились слои глины — следы обкладки сырцовым кирпичом. На дно ям внутрь сырцового склепа помещен бревенчатый сруб в один-два венца. Характер заполнения погребальных камер позволяет предположить, что над могильными ямами были сооружены ложносводчатые купола из глиняных блоков. Единичные неограбленные могилы свидетельствуют о том, что умерших хоронили по обряду

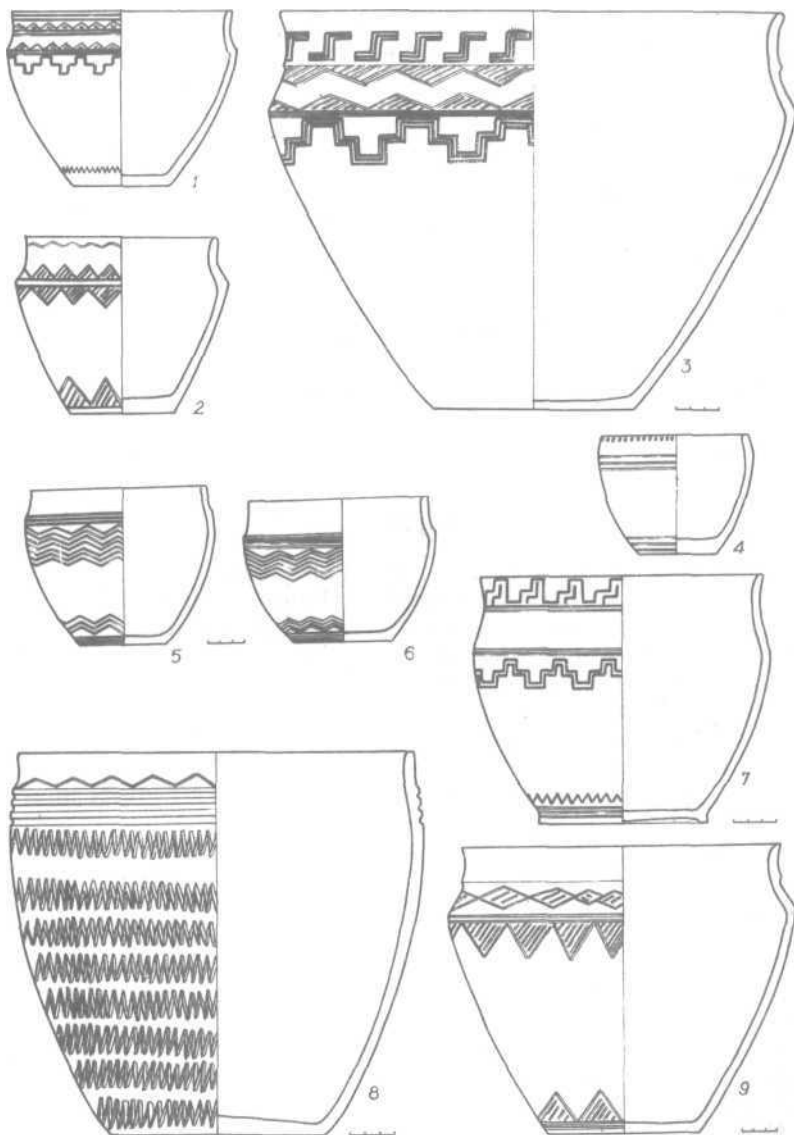

Рис. 34. Могильник Аксайман. Керамика:
 1, 5, 6— курган 5. 3, 7, 8— курган 9, 2, 4, 9— курган 10

труположения на левом боку в скорченном или слегка скорченном положении. Яркой чертой погребального обряда является обилие жертвоприношений домашних животных: лошадей, крупного рогатого скота, реже баранов. Значительный интерес представляют остатки двухколесных колесниц и предметы конской сбруи.

Из бронзовых орудий в коллекции имеются пластинчатые изделия (ножи, тесло, браслеты), а также предметы, сделанные на прямоугольных медных стержнях (шилья). Из керамики выделяются две группы посуды. Первую составляют типично петровские сосуды с выраженным ребром, с короткой прямой или слегка отогнутой горловиной, вторую группу (раннеалакульскую) — сосуды с уступчатым плечом, с четко выраженной прямой шейкой (рис. 33, 1, 3, 7). И по форме, и по орнаментации обе группы посуды тесно взаимосвязаны. Погребальные поля Берлик, Аксайман, Кенес формировались в течение довольно длительного хронологического отрезка, в петровское и раннеалакульское время, и оставлены, вероятно, одной группой населения.

Бурлук I

Могильник расположен на юге Северо-Казахстанской области у впадения р. Иман-Бурлук в Ишим. Памятник занимает относительно ровную узкую площадку длиной около 1 км на коренной террасе и состоит из 40 конструкций. Они разбросаны без видимой закономерности, иногда сосредоточены небольшими группами. Надмогильные сооружения встречаются нескольких типов — курганы с каменными кольцами, земляные курганы, каменные выкладки, едва заметные на поверхности. Всего СКАЭ в 1967—1968 гг. было вскрыто 15 сооружений. Большинство конструкций (1—7, 9—12) исследовано в южной части могильника, три (8, 13, 14) — в центральной и один (15) — в северной. Для удобства описания и сохранения общей нумерации, а также с учетом преобладающей в могильнике конструкции все сооружения назовем оградами (за исключением земляных курганов).

Ограда 1 представляет собой легкое грунтовое возвышение (15 см), окруженное кольцом уложенных плашмя камней (рис. 35, 3). Внешний диаметр ограды 4 м. Внутри нее зафиксированы две обособленные каменные выкладки, в каждой из которых на уровне древнего горизонта найдено по одному сосуду (рис. 36, 5). Могильной ямы не обнаружено.

Ограда 2 сооружена на древней поверхности из одного или двух рядов камней, диаметр каменного кольца 4 м. В центре — могильная яма овальной формы (размером 1,8X1,4X0,9 м), ориентированная по линии ЗЮЗ — ВСВ. На дне у северо-восточной стенки найдены кальцинированные кости, фрагмент керамики, кость животного и одиннадцать астрагалов баранов, уложенных цепочкой друг за другом.

Ограда 3 представляет собой каменное кольцо диаметром 3,8 м, выложенное на выкиде из могильной ямы (размером 1,6X1,1X0,5 м), яма расположена в центре ограды и ориентирована по линии СЗ — ЮВ. Могила ограблена, в ее заполнении обнаружена кость животного, на дне — потревоженный скелет человека. Сохранившиеся *in situ* кости ног свидетельствуют о том, что умерший был похоронен на левом боку с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. В области головы найдены фрагменты сосуда (рис. 36, 2).

Ограда 4 — кольцо диаметром 6,2 м при ширине кладки до 1 м, внутреннее ее заполнение на 15 см выше современной дневной поверхности. Ограда сооружена на слое выкида толщиной 10—13 см. На уровне древней поверхности внутри кольца зафиксированы камни, которые образуют прямоугольную оградку 1,6X1,2 м. В пределах оградки находятся очертания грабительского лаза. Предполагаемые размеры могильной ямы 2,3X1,3 м, ориентация — на СВ — ЮЗ. В заполнении ямы обнаружены остатки вводного безынвентарного погребения, ниже — камни и угольки, на дне — кальцинированные кости.

Ограда 5 представляет собой выкладку прямоугольной формы (2,9X2 м) из небольших погружившихся в грунт камней. Могильной ямы нет.

Ограда 6 имеет округлую форму диаметром около 4 м, ширина кладки 0,8 м. В центре расположена могильная яма глубиной 0,3 м, очертания стенок не зафиксированы. Найден скелет человека, лежащего на левом боку с подогнутыми ногами, кисти его рук поднесены к лицу. Около черепа — сосуд, в области груди — мелкие фрагменты разрушенных бронзовых поделок.

Ограда 7 представляет собой неполную окружность диаметром 2,5 м, выложенную из небольших камней (рис. 35, 2). В средней части находится могильная яма (1,5X1,4X0,2 м), длинной осью ориентированная по линии ЗСЗ — ВЮВ. На середине высоты длинных стен имеются уступы. На дне — плохо сохранившееся погребение ребенка. Умерший лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на ЗСЗ, кисти рук расположены у лица. У черепа находится сосуд, накрытый каменной плиткой (рис. 36, 9).

Ограда 8 имеет неправильную округлую форму диаметром 4,5 м. Могильная яма обнаружена в юго-западном секторе (рис. 35, 4). Она имеет прямоугольные очертания, ориентирована на СВ — ЮЗ, ее размер 1,7X1,5X0,7 м. У юго-западной стенки ямы — уступчик шириной 10 см, в восточном углу — фрагменты сосуда, кальцинированные кости, куски прокаленной почвы и древесный уголь.

Ограда 9 представляет собой овальное каменное кольцо 5X6 м, перекрытое плоской насыпью высотой 25 см (рис. 35, 5). В северной части кольца под камнями в ямке зафиксирован развал сосуда (рис. 36, 4) с пережженными костями. В центре

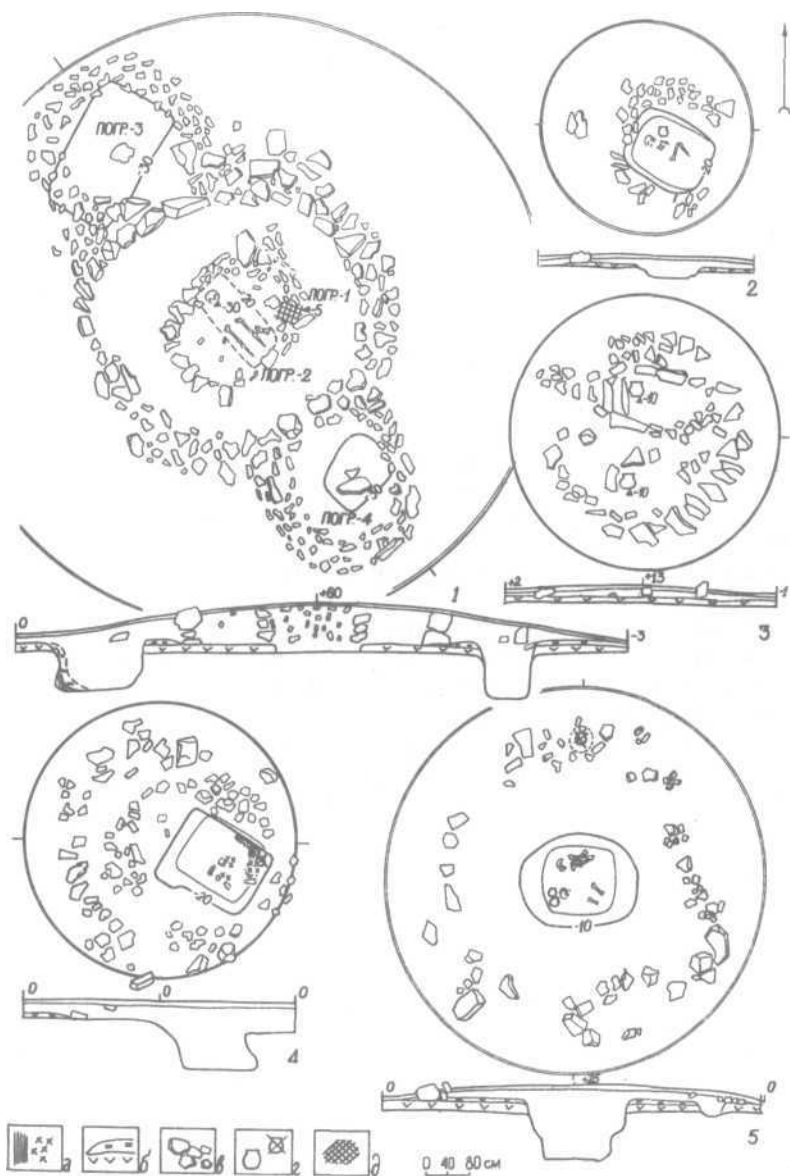

Рис. 35. Могильник Бурлук. Планы и разрезы погребальных сооружений:

1 — ограда 12; 2 — ограда 7. 3 — ограда 1, 4 — ограда 8; 5 — ограда 9. а — прокол и древесный уголь, б — сусель светло-желтого цвета (выкид), в — камни, г — сосуд, д — калцинированные кости

обнаружена могильная яма размером (2,3×1,7×0,8 м), ориентированная по линии 3 — В. На глубине 0,6 м длинные стенки имеют уступы. На дне вдоль северной стенки найдены сложенные в кучку кости человека и фрагменты черепа. В южной половине, возможно, *in situ* — кости конечностей и два сосуда.

Ограда 10 — кольцо шириной 0,2—0,4 м и диаметром 4 м, выложенное из мелких камней на выкиде из могильной ямы. Внутреннее заполнение ограды на 20 см выше дневной поверхности. Могильная яма (1,3×1,2×0,8 м) расположена в центре ограды, ориентирована по линии 3 — В, южная ее стенка имеет уступ. Остатков погребения не обнаружено.

Курган И высотой 0,2 м, диаметром 6 м сложен из грунта и камней. В центре его — могильная яма овальной формы (1,6ХХ 1,0Х0,9 м), ориентированная по линии ЮЗ — СВ. Юго-восточная стенка могилы имеет уступ. В заполнении найдены кальцинированные кости и фрагменты сосуда (рис. 36, 10).

Ограда 12 круглой формы диаметром около 6 м сложена из крупных камней в один, местами в два ряда (рис. 35, I). Внутри ее находится оградка подквадратной формы размером 2,8Х2,1 м, ориентированная на ЮЗ — СВ. С северо-восточной и юго-западной сторон к кольцу примыкают две оградки продолговатой формы (2,8Х2,2 м), в центре пристроек фиксируются крупные камни. Вся конструкция перекрыта насыпью высотой 0,6 м.

Погребение 1. В углу прямоугольной оградки под камнями выявлены остатки трупосожжения.

Погребение 2. В северо-восточной части оградки на материке обнаружен потревоженный скелет человека головой на северо-запад и кость животного.

Погребение 3 найдено в северо-западной кольцевой пристройке. Могильная яма (размером 2,4×1,4×0,9 м) ориентирована по линии СВ — ЮЗ. В заполнении — пятна прокала, обломки черепа человека, крупная кость животного, фрагменты сосуда.

Погребение 4 расположено в юго-восточной кольцевой пристройке. Могильная яма (размером 1,3Х0,9Х0,6 м) ориентирована по линии СВ — ЮЗ, длинные стенки имеют уступы. Могила ограблена, в ее заполнении и на дне встречены фрагменты керамики и кальцинированные кости.

Ограда 13 — кольцо диаметром 6 м из крупных вертикально вкопанных в землю камней, перекрытое насыпью высотой 0,4—0,5 м. На поверхности насыпи в центре зафиксирована восьмеркообразная выкладка из мелкого камня. Могильная яма (размером 3Х2,3Х0,8 м) расположена в центре кольца, ориентирована в направлении ЗЮЗ — ВСВ. На глубине 0,6 м в ней обнаружено вводное парное погребение раннего железного века. На дне первичной погребальной камеры — фрагменты трех со-

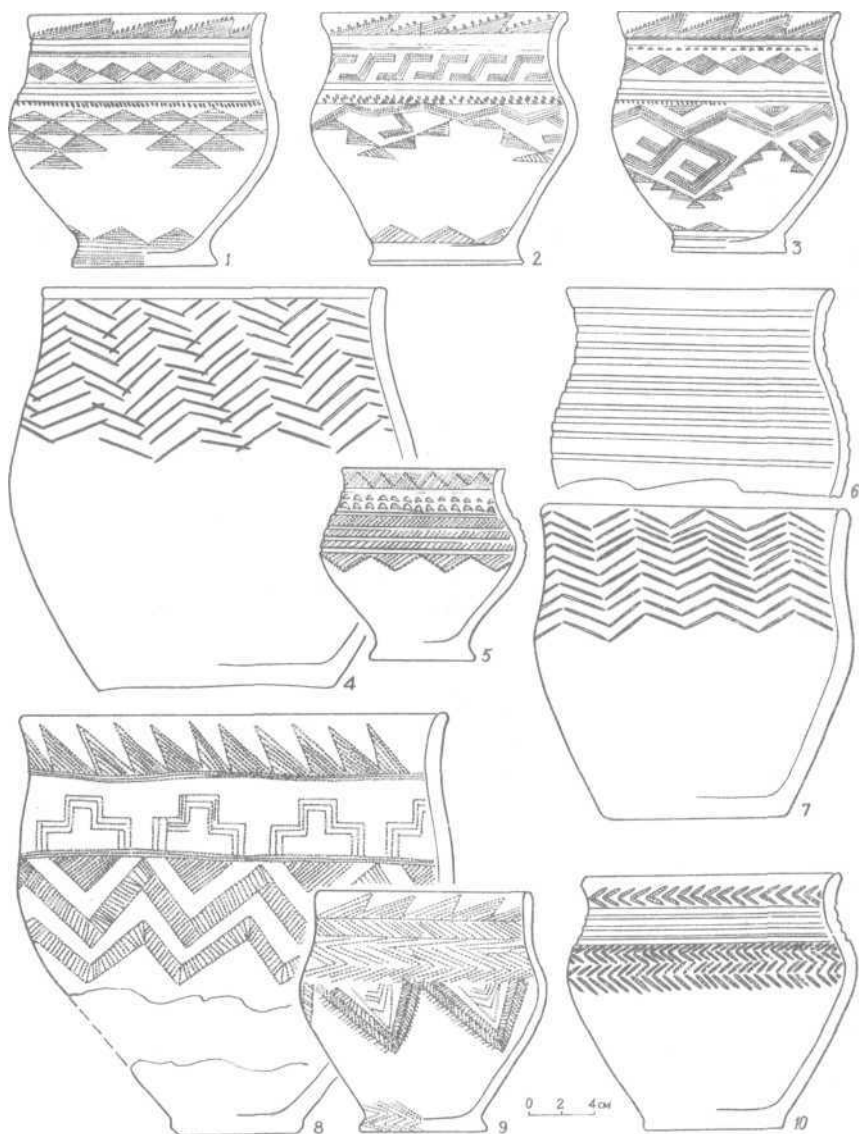

Рис. 36. Могильник Бурлук. Керамика:

1, 3 — ограда 14, могильная яма; 2 — ограда 3, могильная яма; 4 — ограда 9, яма 2; 5 — ограда 1, центральная выкладка; 6, 7 — ограда 9, могильная яма; 8 — ограда 13, могильная яма; 9 — ограда 7, могильная яма. 10 — ограда 11, могильная яма

судов, терочка, у северо-восточной стенки — слой кальцинированных костей и пепла.

Ограда 14 — каменная квадратная выкладка со сторонами 4X4 м. Крупные камни уложены на площадку, углубленную до уровня материка. Могильная яма (размером 1,8X1,5X1,2 м) расположена в центре, имеет овальную форму, длинной стороной ориентирована по линии ЗЮЗ — ВСВ. Северная ее стенка на глубине 0,8 м имеет уступ, на котором сохранилось двухслойное деревянное перекрытие. На дне ямы, в северо-восточном ее углу, обнаружены прокол, древесный уголь, в юго-западном углу — два сосуда (рис. 36, 1,3).

Итак, исследованные сооружения представлены двумя подпрямоугольными каменными вымостками, одиннадцатью каменными кольцами и одним курганом, имеющим земляную насыпь. Ограда 13 состоит из вертикальных плит, остальные выложены горизонтальной кладкой камней. Все могильные ямы грунтовые, часть из них имеет уступы и следы перекрытий. Зафиксировано восемь трупосожжений и девять трупоположений. Три погребения по способу трупоположения принадлежат вводным, которые относятся к более позднему времени. Все основные захоронения выполнены по федоровскому погребальному обряду. Материалы кургана 15 относятся к алакульской культуре и в данной публикации не приводятся.

Вещевой комплекс из могильника Бурлук I очень небольшой: терочник, бусы, обломки мелких бронзовых украшений. Из пятнадцати сосудов полностью удалось реставрировать девять, реконструировать четыре. По форме можно выделить три типа сосудов: горшки «классической» формы с плавно отогнутым верхним краем и умеренно раздутым туловом, горшки с широкой горловиной и нечетко выраженной шейкой, плавно переходящей в слабо раздутое тулово, и банки со слегка расширяющейся горловиной.

Могильник Путиловская Заимка II

Могильник Путиловская Заимка II расположен на левом берегу р. Уй, в 7 км к востоку от с. Степное Троицкого района Челябинской области. Памятник был открыт и обследован в 1950 году К. В. Сальниковым, который зафиксировал 27 каменных курганов. К настоящему времени от распахки сохранилось только 18 насыпей, которые расположены цепочкой на первой надпойменной террасе на протяжении 600 м. В 1981—1982 гг. вскрыто 8 курганных насыпей (рис. 37).

Курган 1 диаметром 14 м, высотой 0,5 м. Под насыпью на уровне погребенной почвы обнаружена каменная ограда округлой формы диаметром 7,5 м. Стены ее высотой 0,5—1 м и шириной 0,7—1 м выложены горизонтальной кладкой из крупных камней. Камни с внутренней стороны ограды уложены на края

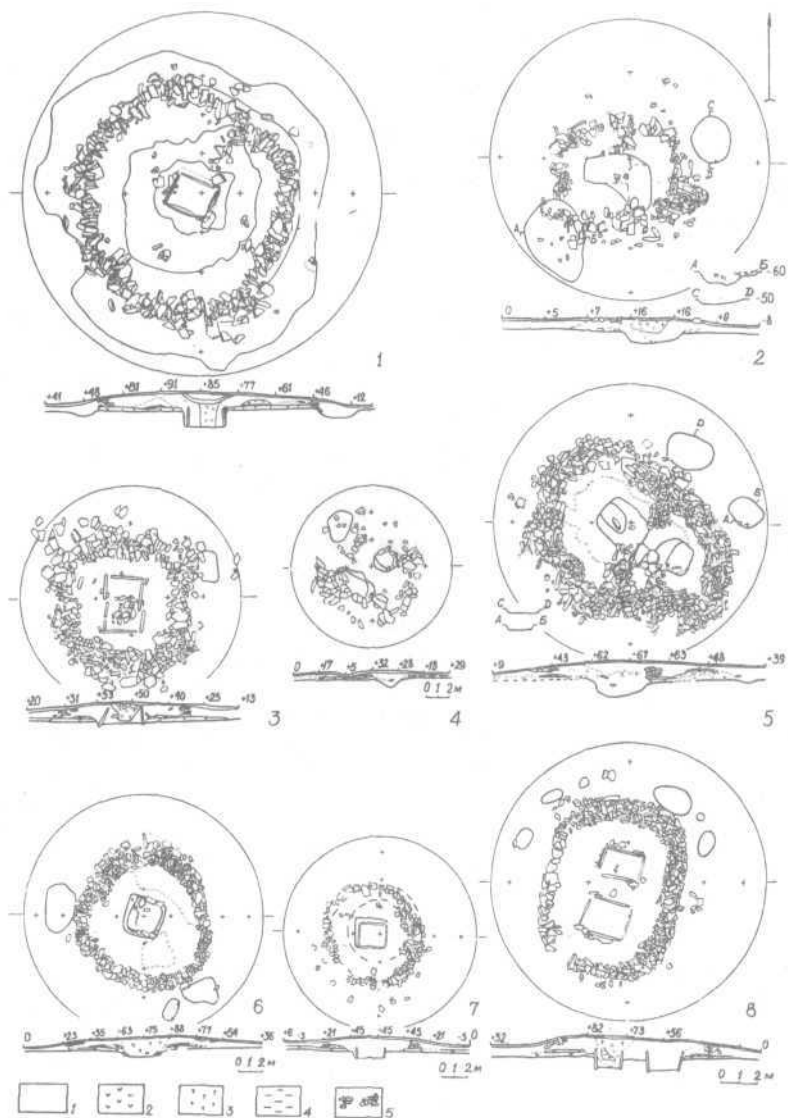

Рис. 37. Могильник Путиловская Займка II. Планы и разрезы курганов: 1 — курган 7; 2 — курган 3; 3 — курган 2; 4 — курган 8; 5 — курган 6; 6 — курган 5; 7 — курган 1; 8 — курган 4; 1 — темная гумусированная сусесь; 2 — серый гумус, погребенная почва; 3 — темный перемешанный грунт, грабительский вкоп; 4 — светло-желтая сусесь; 5 — выкладка из камня

глиняного выкида из центральной могильной ямы, который расположен вокруг нее в виде кольцевой площадки. Внутренний диаметр площадки 4,5 м, мощность 0,3—0,5 м. Внутри кольца на площадке, примыкающей к центральной могильной яме, погребенная почва снята до уровня материка. Могильная яма (размером 2,35X2,2 м) имеет прямоугольную форму, ориентирована по линии 3 — В. В яму почти вертикально опущен каменный ящик из плит. Размеры ящика по верху — 2,15X1,9 м. Плиты вплотную примыкают к восточной и южной стенкам ямы и отступают на 20—30 см от западной и северной. Пространство между стенками и ящиком забутовано гумусированной супесью. Высота плит 0,9—0,95 м, толщина 5—10 см. Они хорошо обработаны, залощены. Длинные стены ящика распирают торцовые, с западной стороны плиты заклинены мелким необработанным камнем. На дне в СЗ углу ящика обнаружен сосуд, рядом с ним у западной стены — два ребра крупного животного. У середины восточной стены найдено скопление мелких кальцинированных костей размером 0,6X0,4 м, толщиной 5 см.

Курган 2 диаметром 12 м, высотой 0,6 м. На уровне древней поверхности обнажена каменная ограда подквадратной формы 9,0X8,5 м высотой до 0,6 м при ширине основания 1,0—1,7 м. За пределами ограды с восточной стороны обнаружена ямка и несколько углублений для взятия грунта при возведении насыпи.

Яма 1 представляет собой каменный ящик, расположенный в центре сооружения и ориентированный по линии С — Ю. Он составлен из четырех тонких обработанных плит. К настоящему времени продольные плиты по трещинам раскололись на 2—3 части. Ящик лишь на 0,2—0,35 м опущен в материк. Верхние части плит имеют наклон к центру кургана. Сверху в ящике под каменной забутовкой обнаружено вводное погребение. Умерший лежал скорченно на правом боку, головой на СВ. Кости скелета частично растащены. Сзади у тазовых костей обнаружен круглодонный сосуд. Ниже вводного погребения расчищены остатки обгоревших бревен, ориентированных по линии 3 — В. В восточной части ящика на этом же уровне зафиксирован слой прокаленного грунта. На дне под наклонной западной плитой ящика найдено восемь сосудов (рис. 40, 1—8), в СЗ углу — бронзовая скрепочка и ребро животного, под южной плитой — лопатка крупного животного.

Яма 2 (размером 0,4X0,3X0,1 м) ориентирована по линии СЗ — ЮВ. В западном ее углу обнаружен сосуд, внутри и рядом с которым — кальцинированные кости.

Курган 3 диаметром 8—10 м, высотой 0,2 м имеет каменную ограду подпрямоугольной формы 6,5X5 м, ориентированную по линии 3 — В. Ширина ограды от 0,7 до 2 м. Камни уложены на насыпи кургана в виде панциря. Плиты, образующие внешний контур ограды, находятся на уровне древней поверхности.

За пределами ограды исследовано три овальных углубления без материальных остатков. Внутри ограды на погребенной почве зафиксированы отдельные участки глиняной площадки и две могильные ямы. Погребальные камеры расположены под прямым углом друг к другу, причем могильная яма 2 частично перекрывает яму 1. Обе ямы потревожены общим грабительским вкопом.

Яма 1 подпрямоугольной формы с округлыми углами (размером $2,1 \times 1,3 \times 0,6$ м) ориентирована по линии З — В. Стенки ямы наклонные, дно ровное. На полу в ЮВ углу найден сосуд.

Яма 2 (размером $2,1 \times 1,1 \times 0,4$ м) ориентирована по линии С — Ю. Стенки ямы наклонные, дно слегка линзовидное. На полу у южной стенки найден сосуд в развале.

Курган 4 диаметром 14 м, высотой 0,4 м. Надмогильное сооружение под грунтовой насыпью имело ограду из камней удлиненной подпрямоугольной формы с округлыми углами. Размер ограды $9 \times 6,8$ м, ориентировка — ССЗ — ЮЮВ. В ЮВ углу зафиксирован разрыв каменной стены шириной 0,7 м. Высота стен ограды 0,6—0,8 м, ширина 0,6—1,5 м, сложены они горизонтальной кладкой в 4—5 слоев. Нижний слой кладки образуют крупные каменные блоки, которые находятся на уровне горизонтальной глиняной площадки. Площадка оформлена в виде удлиненного овального кольца шириной 2,5—3 м вокруг могильных ям на уровне древней поверхности. Внутри кольца погребенная почва срезана до уровня материка. Две центральные погребальные камеры представляют собой каменные ящики (ямы 1, 2), расположенные параллельно в 1,2 м друг от друга. За пределами ограды в северной части кургана обнаружено семь углублений, одно из них — могильная яма (3), остальные в плане и профиле имеют овальные неровные очертания, то есть образовались при взятии грунта для сооружения насыпи.

Яма 1 представляет собой каменный ящик размером по верху $2,15 \times 1,4$ м, ориентированный по линии ЗСЗ — ВЮВ. Плиты поставлены почти вертикально к стенам ямы, возвышаются над уровнем древней поверхности на 10—20 см. Торцовые плиты ящика распираются продольными, а по углам дополнительно укреплены небольшими камнями. Основания плит чуть углублены в дно ямы. В заполнении ящика встречаются камни. В профиле читаются очертания грабительского входа. На дне у западной и восточной стен найдено по одному сосуду, в юго-восточном углу — скопление кальцинированных костей.

Яма 2 представляет собой каменный ящик размером по верху $2,3 \times 1,8$ м. Плиты стоят наклонно так, что по дну размер камеры составляет $1,7 \times 1,45$ м. Сверху южная стенка ящика завалена крупными валунами. Отверстие между западными и северными плитами также заложено камнями. Плиты стыкуются лишь в северо-восточном углу. Ящик возвышается над древней поверхностью на 0,3 м. Основание плит чуть углублено ниже уровня

дна. На полу под третьей стенкой обнаружено три сосуда и бронзовый двулезвийный нож с перехватом.

Яма 3 (размером $0,7 \times 0,65 \times 0,35$ м) подквадратной формы, сверху прикрыта двумя плоскими плитами, ориентирована по линии СВ — ЮЗ. На дне ямы обнаружено четыре сосуда, в заполнении, особенно в северной половине, — большое количество кальцинированных костей.

Курган 5 диаметром 18 м, высотой 0,5—0,6 м. Под слоем дерна обнаружена каменная ограда из плоских каменных плит. Она имеет округлую форму с внешним диаметром около 10 м. Каменное сооружение возведено на слое насыпи толщиной 0,2—0,4 м. Плиты уложены плашмя в 1—2 слоя. Ширина кладки около 1 м. В центре сооружения расположена могильная яма. Около ее северной и южной стенок на древней поверхности зафиксированы две линзы выкида. За пределами ограды исследовано три углубления неправильно-овальной формы с неровным дном.

Могильная яма (размером $2,8 \times 2,7 \times 0,35$ м) имеет почти квадратную форму, ориентирована по линии СВ — ЮЗ, вдоль северной и южной стен в яму опускалось несколько плоских каменных плит. Под ними на ступеньке шириной 0,2—0,4 м вдоль стен расчищены фрагменты бревен. В заполнении ямы в центре обнаружены кальцинированные кости, на дне у западной стенки — сосуд.

Курган 6 диаметром 14 м, высотой 0,6 м. Под насыпью исследовано две ограды округлой формы. Стены сооружений сложены из камней горизонтальной кладкой в 5—7 слоев, основание кладки находится на уровне древней поверхности и захватывает край глиняной площадки. Ширина кладки достигает 2 м, высота около 1 м. Судя по развалу камней и по сохранившимся участкам оград, верхние слои кладки имели небольшой напуск внутрь. Ограда «Б» нарушает ограду «А» и сложена более небрежно. Северо-западная стена ограды «Б» перекрыла центральную яму ограды «А». В северо-западной стене ограды «Б» фиксируется проход. Насыпь внутри сооружения потревожена грабительскими траншеями, возможно, и разрыв в стене — следствие деятельности грабителей. Внутри каждой ограды — по одной могильной яме, очертания которых также сильно нарушены. Однако можно установить, что ямы почти параллельны друг другу.

Яма 1 (ограда «Б») неправильной овальной формы ($1,9 \times 1,5 \times 1,1$ м), ориентирована по линии ЗСЗ — ВЮВ, ближе к дну меняет ориентировку на СВ — ЮЗ. В рыхлом заполнении найдены обломки бревен и фрагменты двух сосудов (рис. 40, 5, 7).

Яма 2 (ограда «А») подпрямоугольной формы (размером $2,6 \times 2,5 \times 1,1$ м) ориентирована по линии СЗ — ЮВ. Стенки ямы наклонные, пол неровный. В заполнении обнаружен обломок

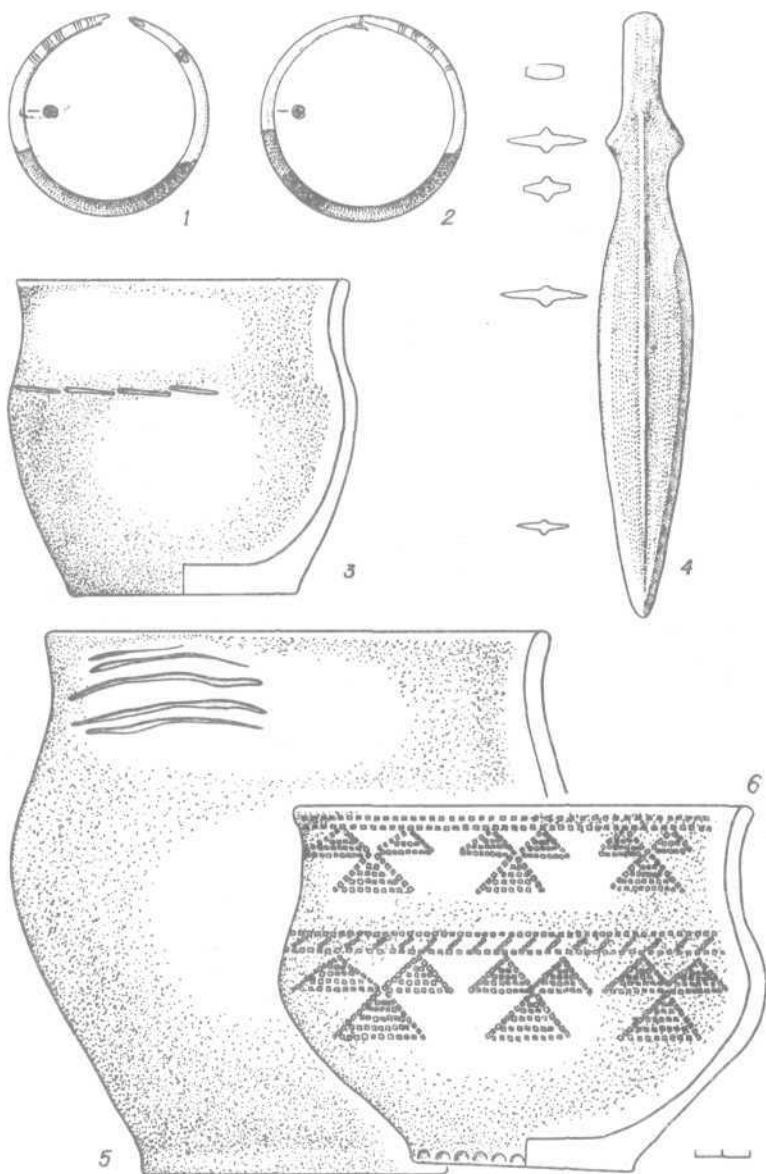

Рис. 38. Могильник Путиловская Займка II. Курган 7. Каменный ящик. Вещевой комплекс:
 1, 2 — бронза, золотая фольга; 3, 5, 6 — керамика; 4 — бронза

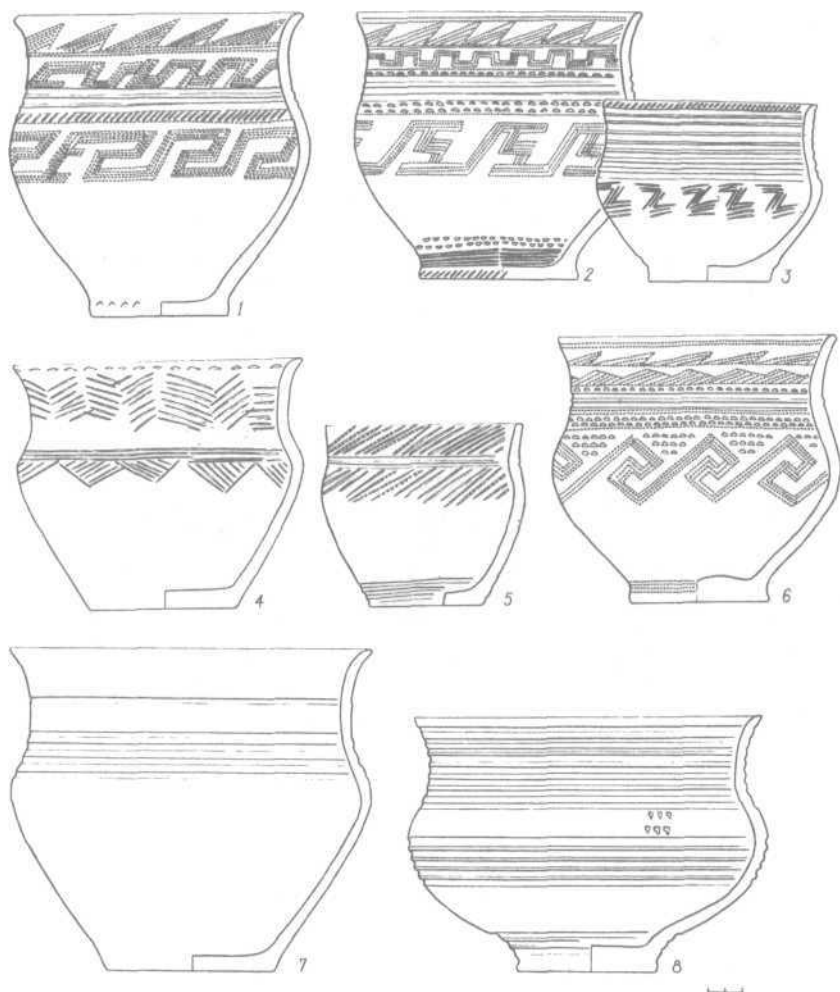

Рис. 30. Могильник Путиловская Заимка II. Курган 2. Каменный ящик.
Погребение 2. Керамика федоровской группы

бревна, лежащего поперек камеры, и фрагменты 2—3 сосудов (рис. 40, 2, 6).

Курган 7 диаметром 16 м, высотой 0,9 м. Под насыпью обнаружена ограда округлой формы диаметром 10,5—11 м, сложенная на уровне погребенной почвы. Очень хорошо сохранилась восточная часть ограды. Стены шириной 0,7—1 м, высотой 0,6—0,7 м сложены горизонтальной кладкой в четыре слоя. Камни подобраны довольно правильных подпрямоугольных удлиненных очертаний. Три нижних слоя плит длинной осью ориентированы по окружности оградки и уложены методом кирпичной

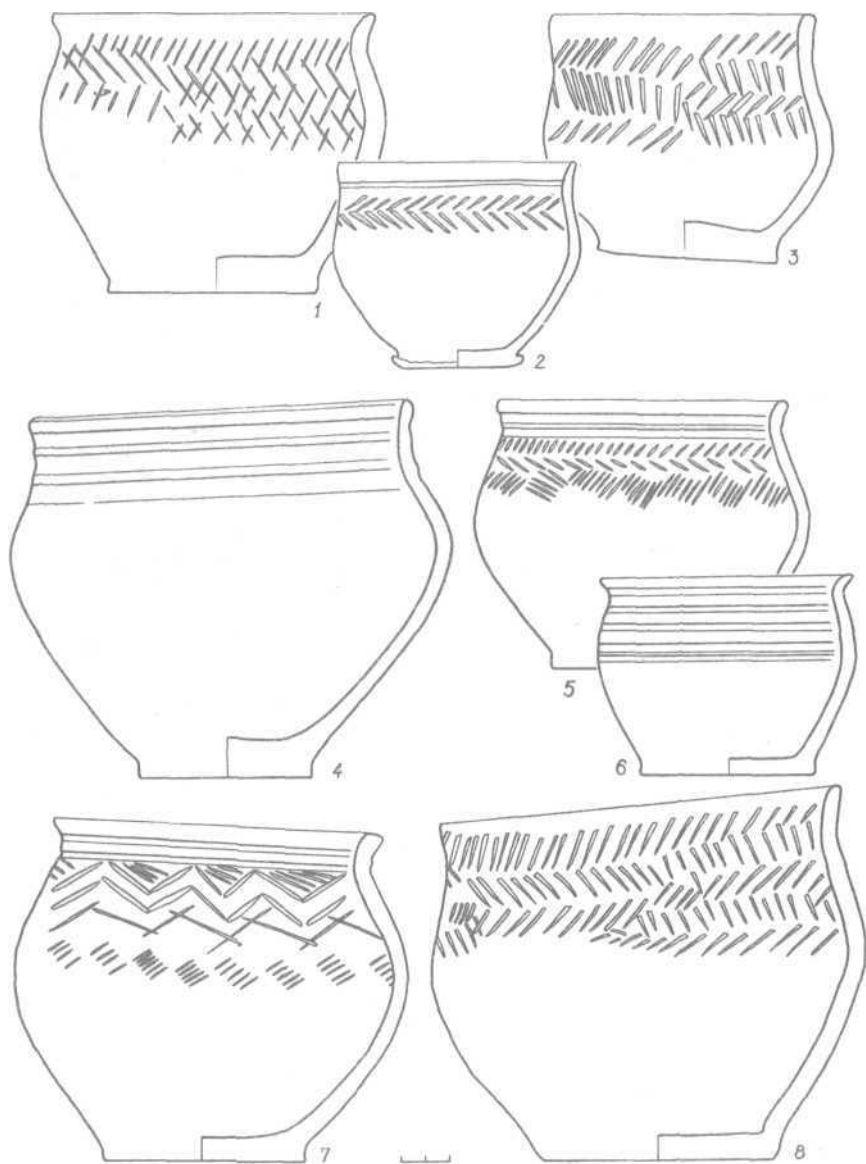

Рис. 40. Могильник Путиловская Займка II. Керамика позднефедоровской группы:

1, 8 — курган 8, яма 1; 2, 6 — курган 6, яма 2; 3, 4 — курган 8, яма 2. 5, 7 — курган 6, яма 1

кладки. Камни верхнего слоя положены тычком, длинной осью к центру кургана. С внешней стороны ограду опоясывает ров шириной 0,9—2,25 м, глубиной 0,4—0,8 м. Внешняя стенка рва пологая, внутренняя — крутая. В западной части кургана камни ограды большей частью оползли в ров. В юго-восточном секторе во рву обнаружена ямка подпрямоугольной формы 0,3X × 0,3X0,5 м. На дне у северо-западной ее стенки найден сосуд, в центре — кучка кальцинированных костей.

Напластования кургана представляют следующую картину. Древняя поверхность прорезается центральной погребальной камерой и рвами. Вокруг центральной ямы утрамбована кольцевая площадка из выкида, на ней лежит слой темно-серой гумусированной супеси толщиной 0,2—0,3 м. Выше фиксируется желто-серая супесь, перекрывающая все сооружение вместе с ровом. Дальше до самого верха насыпь сложена из темно-серой гумусированной супеси. В центре ее разрезает грабительский вкоп, который обозначен серо-коричневой супесью. В насыпи встречаются отдельные камни, скопления камней, фрагменты керамики.

В центральную могильную яму почти вертикально опущен каменный ящик размером 2,28X1,88 м, ориентированный по линии СЗЗ — ЮВВ. Южная стенка ящика состоит из одной крупной и двух малых плит, остальные образованы одинарными плитами. С северной и восточной сторон плиты отступают от стен ямы на 0,2—0,3 м. Ящик полностью вкопан в материк, и плиты почти не возвышаются над уровнем древней поверхности. Стены и углы дополнительно укреплены небольшими камнями. В заполнении найдены обгоревшее дерево, уголь и фрагменты керамики. На дне у восточной стены обнаружены два скопления кальцинированных костей, у западной — три сосуда, лопаточная кость животного, бронзовый нож с перехватом и два бронзовых разомкнутых височных кольца, обернутых золотой фольгой (рис. 38).

Курган 8 диаметром 12 м, высотой около 0,3 м. Камни ограды растащены распашкой. В южной части на погребенной почве сохранилась часть сооружения, которое, по-видимому, имело прямоугольную форму и было ориентировано углами по сторонам света. Внутри ограды обнаружены две ямы.

Яма 1 имеет подпрямоугольные удлиненные очертания, ориентирована по линии СЗ — ЮВ. Ее стенки в северо-западной части почти вертикальны, в юго-восточной — пологие, дно ровное. На дне в центре камеры найдены два сосуда (рис. 40, 1, 8).

Яма 2 (1,75×1,75×1,0 м) подквадратной формы, с округлыми углами параллельна яме 1, ориентирована по линии СЗ — ЮВ. В северной ее части стены почти вертикальные, в южной — пологие, дно ямы ровное, в центре обнаружены два сосуда (рис. 40, 3, 4).

Все исследованные курганы могильника содержат каменные

конструкции — ограды, сложенные горизонтальной кладкой и имеющие округлую прямоугольную форму. Большинство из них находится на уровне погребенной почвы, две (курган 3, 5) — на насыпи. В четырех курганах (1, 2, 4, 7) погребальные камеры представляют собой каменные ящики. Сооружения 2, 3, 4, 6, 8 имеют две центральные погребальные камеры. Для коллективного погребения предназначен ящик кургана 2. Устойчивой чертой погребений является наличие глиняных площадок вокруг ям. В курганах 1, 2, 4, 5, 7 зафиксированы захоронения трупов после их сожжения, в курганах 3, 6, 8 не обнаружено следов погребений, поставлены только сосуды. В погребениях по способу трупосожжения кальцинированные кости умершего и вещи располагаются традиционным для федоровской культуры образом.

Комплекс бронзовых предметов невелик, но очень колоритен. Это два двулезвийных ножа с перехватом и перекрестьем и два височных несомкнутых кольца (рис. 38, 1, 2, 4). Коллекция керамики представлена двумя группами. В первую группу (рис. 39) входят сосуды, аналогичные найденным в федоровском могильнике, во вторую — позднефедоровская посуда (рис. 40), широко представленная на могильниках Приплодный Лог I, Туктубаево, Кинзерский. Последняя объединяет традиции, федоровской и саргаринско-алексеевской культур. Керамика первой группы обнаружена в курганах, где погребения совершенны в ящиках по способу трупосожжения, керамика второй группы — в ямах, не содержащих останков умерших.

Семипалатное

Могильник расположен в 56 км к юго-западу от г. Петропавловска, занимает ровную площадку на правом коренном берегу р. Ишим. Территория могильника неоднократно распахивалась, поэтому курганные насыпи почти не выделяются на окружающей поверхности. Всего обнаружено и раскопано шесть курганов. Стратиграфия их довольно проста и однотипна: верхний почвенный слой имеет толщину до 30 см, на некоторых участках, вследствие выкида из могильных ям, слой погребенной почвы составляет 20—25 см, ниже находится материковая глина.

Курган 1 диаметром 12 м, высотой около 0,2 м. При вскрытии насыпи в северо-западном секторе обнаружено позднее впускное погребение. Умерший лежал на спине головой на 3, вещей в могиле нет. На глубине от 15 до 40 см в полах кургана найдено семь сосудов (№ 1—5, 8, 9, рис. 42, 6—9, 11, 12, 14), пять из которых располагались в южной части насыпи. В юго-восточном секторе обнаружено детское погребение. Умерший был ориентирован головой на 3 и лежал, вероятно, на спине. У че-

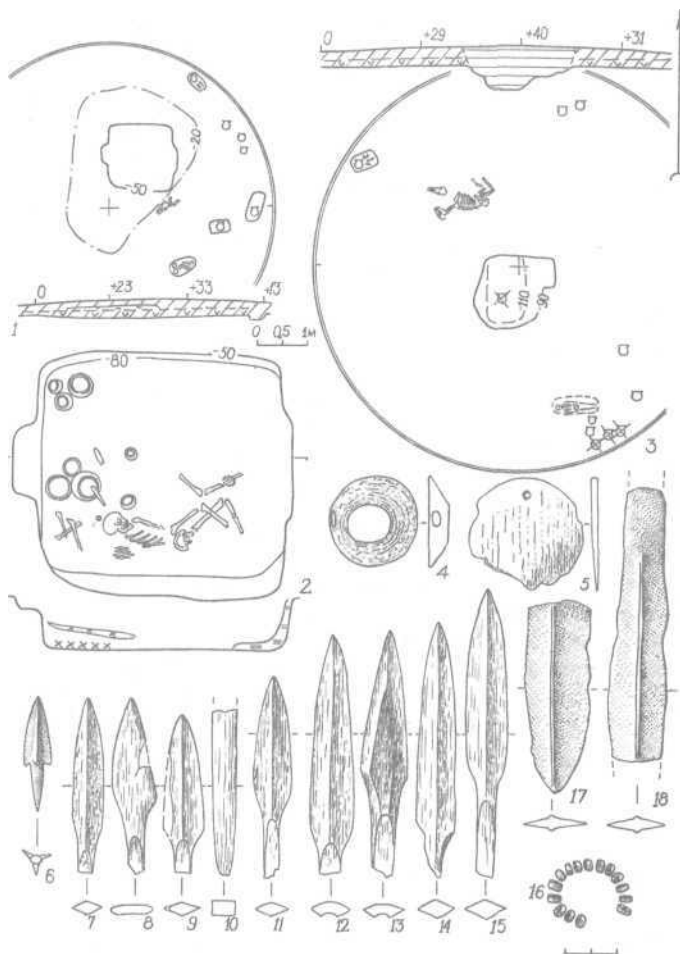

Рис. 41. Могильник Семипалатное:

1, 2 — курган 5; 3 — курган 2; 4 — курган 5. погребение 5; 5, 10, 15 — курган 6,
6 — курган 2; насыпь. 4, 5, 7—15 — кость; 6, 16—18 — бронза

репа и в области груди найдено по сосуду (№ 10, 11, рис. 42, 2, 5). Очертания могильной ямы не прослеживаются. В двух пунктах на уровне древней поверхности зафиксированы плохо сохранившиеся мелкие кости животных (возможно, барана). В центре раскопа на древнем горизонте обнаружены пятно прокала и кусочки древесного угля, чуть южнее — шесть сосудов (№ 6, 7, 12—14, 16, рис. 42, 1, 3, 4, 10, 13, 15), в северо-восточном секторе на уровне материка — следы грабительского вкопа.

Курган 2 диаметром 16 м, высотой 0,3 м (рис. 41, 3). При вскрытии насыпи в юго-восточном секторе обнаружено позднее

впускное погребение без инвентаря. Скелет, лежащий на спине, головой ориентирован на 3. В полах кургана на различной глубине, большей частью в южной периферии насыпи, найдено десять сосудов (№ 15, 17—21, 24, 25, рис. 43, 1, 2, 5—10). В центральной части кургана на древнем горизонте обнаружен костяк лошади, ориентированной головой на 3. Кости передних ног животного — на задних конечностях. Недалеко от скелета — череп лошади, также обращенный на 3. На уровне материка под насыпью зафиксированы две могильные ямы. Одна — центральная ($2,6 \times 1,7 \times 1,9$ м) — ориентирована по линии С — Ю, сильно испорчена грабителями. В заполнении встречены отдельные фрагменты керамики. Вторая яма — в периферийной части северо-западного сектора — принадлежала детскому погребению ($0,9 \times 0,7 \times 0,3$ м). Длинными сторонами могила ориентирована в направлении СВ — ЮЗ. На дне ямы обнаружен плохо сохранившийся детский костяк и сосуд (№ 22, рис. 43, 4).

Курган 3 диаметром 10 м, высотой 0,2 м. В полах насыпи обнаружены два сосуда (№ 27, 29, рис. 44, 3, 7). Рядом с одним из них в юго-западном секторе кургана находится несколько костей животного (барана?) плохой сохранности. На древней поверхности в центральной части насыпи хорошо выделяется глиняный слой — выкид из могилы. Очертания ямы четко прослеживаются на уровне материка. Она имеет форму неправильного прямоугольника, так как сильно потревожена грабителями. Примерный размер ямы $3 \times 2 \times 0,7$ м, ориентирована она по линии ССЗ — ЮЮВ. На дне могилы обнаружена ямка от столбика глубиной 20 см и диаметром 15 см. Вторая ямка аналогичных размеров зафиксирована на уровне материка у восточного края погребения. В заполнении могилы найдены фрагменты двух сосудов (№ 26, 28, рис. 44, 1, 2). В восточной части кургана находится яма размером $1,0 \times 0,8 \times 0,4$ м, ориентированная на СЗ — ЮВ. Материальных остатков не обнаружено.

Курган 4 диаметром 16 м, высотой около 0,2 м. На уровне древней поверхности найдены два скопления костей животных: в северо-западном секторе — позвонки и кости ног барана, в юго-восточном — кости ног крупного рогатого скота и барана. В южной части в полах кургана зафиксированы две ямки: ямка 1 (размером $0,7 \times 0,5 \times 0,5$ м), ориентированная на 3 — В и ямка 3 (размером $0,8 \times 0,5 \times 0,5$ м), ориентированная на СВ — ЮЗ. На дне их найдены сосуды (№ 31, 32, рис. 44, 4, 8). В средней части площадки располагаются две могильные ямы, длинными сторонами ориентированные по линии ЗЮЗ — ВСВ. Яма 2 (размером $2,8 \times 2,5 \times 1,1$ м) в северной стенке имеет легкий уступчик высотой 10 см, в северо-восточном ее углу находится ямка от столбика. В заполнении ямы, в грабительском перекопе, найдены обломки двух сосудов (№ 36, 37), кости животных, фрагменты черепа человека. Размер второй крупной могильной ямы (4) составляет $2,1 \times 1,7 \times 0,8$ м. В заполнении, перерытом гра-

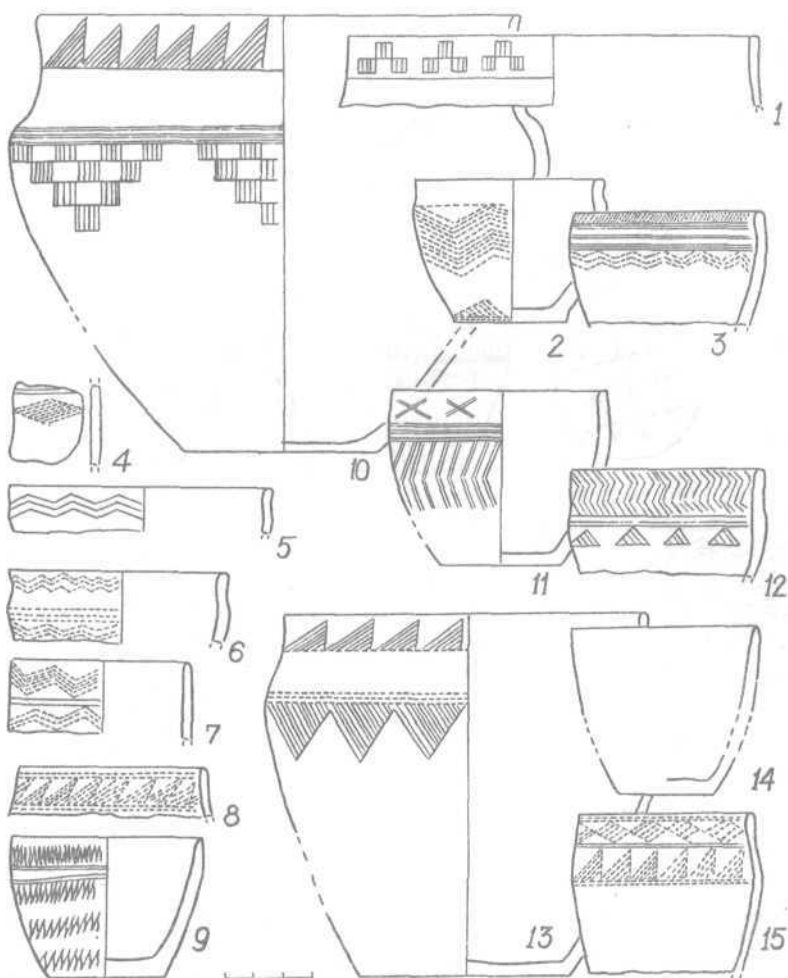

Рис. 42. Могилиник Семипалатное. Курган 1. Керамика:

1 — сосуд № 14; 2 — сосуд № 10; 3 — сосуд № 16; 4 — сосуд № 3; 5 — сосуд № 11; 6 — сосуд № 4; 7 — сосуд № 2; 8 — сосуд № 9; 9 — сосуд № 8; 10 — сосуд № 6; 11 — сосуд № 3; 12 — сосуд № 1; 13 — сосуд № 7; 14 — сосуд № 5; 15 — сосуд № 12; 1, 3, 4, 10, 13, 15 — древний горизонт, центральная часть подкурганной площадки; 2, 5 — детское погребение, 6—9, 11, 12, 14 — древний горизонт, насыпь, полы кургана

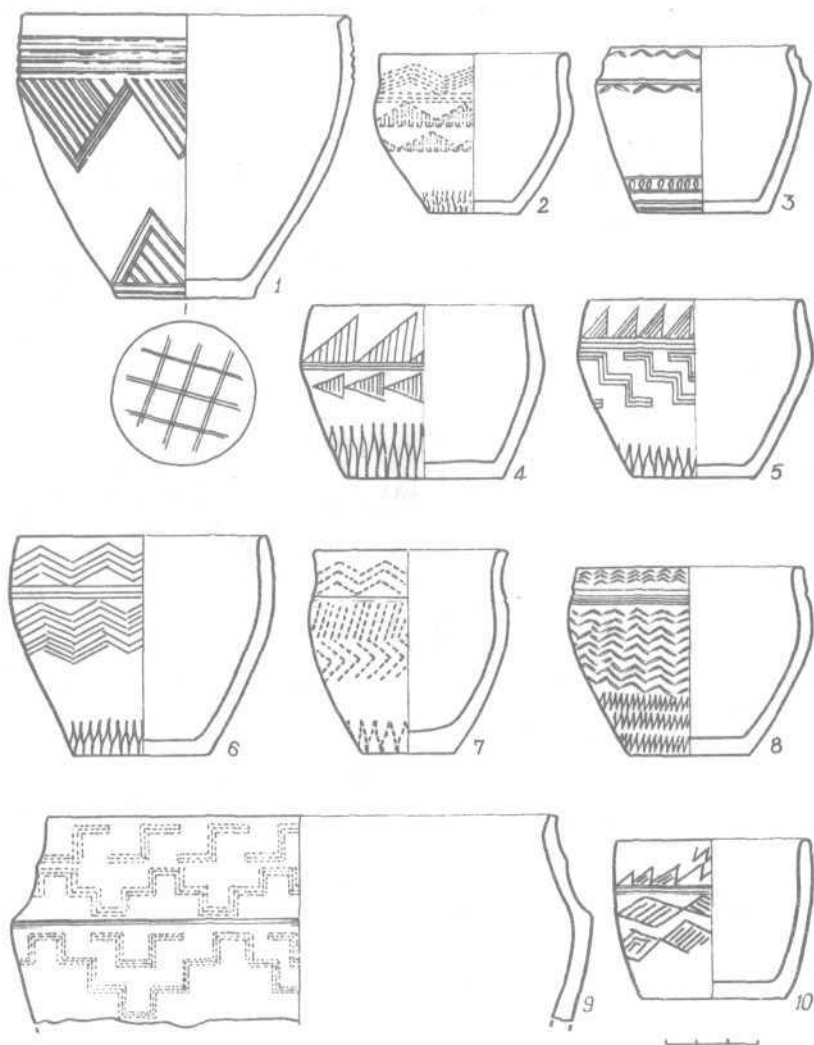

Рис. 43. Могильник Семипалатное. Курган 2. Керамика:

1 — сосуд № 24; 2 — сосуд № 17; 3 — сосуд № 23; 4 — сосуд № 22; 5 — сосуд № 19;
 6 — сосуд № 21; 7 — сосуд № 18; 8 — сосуд № 25; 9 — сосуд № 15; 10 — сосуд № 20;
 4 — детское погребение; остальное — древний горизонт и насыпь кургана

бителями, обнаружены остатки четырех сосудов (№ 30, 33—35, рис. 44, 10, 6). На материковом грунте четко зафиксированы ямки от восьми столбов, диаметр их колеблется от 20 до 30 см, глубина составляет до 20 см. Расположены ямки преимущественно в центральной части подкурганной площадки.

Курган 5 диаметром 12 м, высотой около 0,2 м. (рис. 41, 1). В северо-восточном и юго-восточном секторах в полах кургана обнаружены три сосуда (№ 47, 49, 51, рис. 44, 9; 45, 3, 5) и четыре ямки, в двух из которых сохранились остатки детских погребений. Ямка 1 (размером 0,7X0,5X0,7 м) ориентирована на СЗ — ЮВ, на ее дне — скелет ребенка, лежащего на спине головой на СЗ, у черепа найден сосуд (№ 44, рис. 45, 13). Ямка 2 (размером 0,8X0,5X0,6 м) ориентирована по линии В — З, в центре ее — сосуд (№ 50, рис. 45, 8). Ямка 3 (размером 1X0,5X0,7 м) ориентирована на СВ — ЮЗ, на ее дне — костяк ребенка, лежащего на спине головой на ЮЗ, у черепа найдены два сосуда (№ 45, 46, рис. 45, 7, 11). Ямка 4 (размером 1,2X0,7X0,7 м) ориентирована на ССВ — ЮЮЗ, в юго-восточном ее углу — сосуд (№ 48, рис. 45, 4).

В центральной части подкурганной площадки на глубине 50 см зафиксированы очертания основной могильной ямы (5) подпрямоугольной формы с овальными углами. Размер ямы 3,2X2,5X1,5 м, она ориентирована по линии С — Ю, с западной ее стороны находится ступенчатая выемка длиной 50 см, шириной 25 см. На дне могилы обнаружено частично ограбленное парное погребение. Сохранился скелет человека, лежащего на левом боку с подогнутыми ногами, головой на З, кисти рук поднесены к лицу. По расположению костей ног второго скелета можно судить о том, что умерший был положен на правый бок лицом к первому погребенному. В северо-западном углу могилы найдены три сосуда (№ 38, 39, 40, рис. 45, 6, 9, 10), еще три сосуда — в области черепа (№ 41, 42, 43, рис. 45, 1, 2, 12). Здесь же были обнаружены плохо сохранившиеся обломки двух бронзовых ножей (рис. 41, 17, 18) с ромбическим сечением, спиралевидная подвеска и кости жертвенных животных. У южной стенки могилы на уровне плеча умершего найдены семь костяных наконечников стрел, которые лежали, вероятно, в колчане (рис. 41, 7—9, 11—14). В грабительском перекопе расчищена пряжка, выполненная из раковины (рис. 41, 4).

Курган 6 диаметром 12 м, высотой 0,2 м. Могильная яма (размером 2,8X2,4X1 м), сильно потревоженная грабителями, расположена в центральной части подкурганной площадки, ориентирована по линии С — Ю. Под насыпью кургана в юго-западном секторе обнаружены кости жертвенных животных (лошади или барана), в южных секторах на уровне древней поверхности — четыре сосуда (№ 52—55, рис. 46, 3, 6—8), один сосуд — в могильной яме (№ 56, рис. 46, 5).

Могильник Семипалатное отражает характерные черты ала-

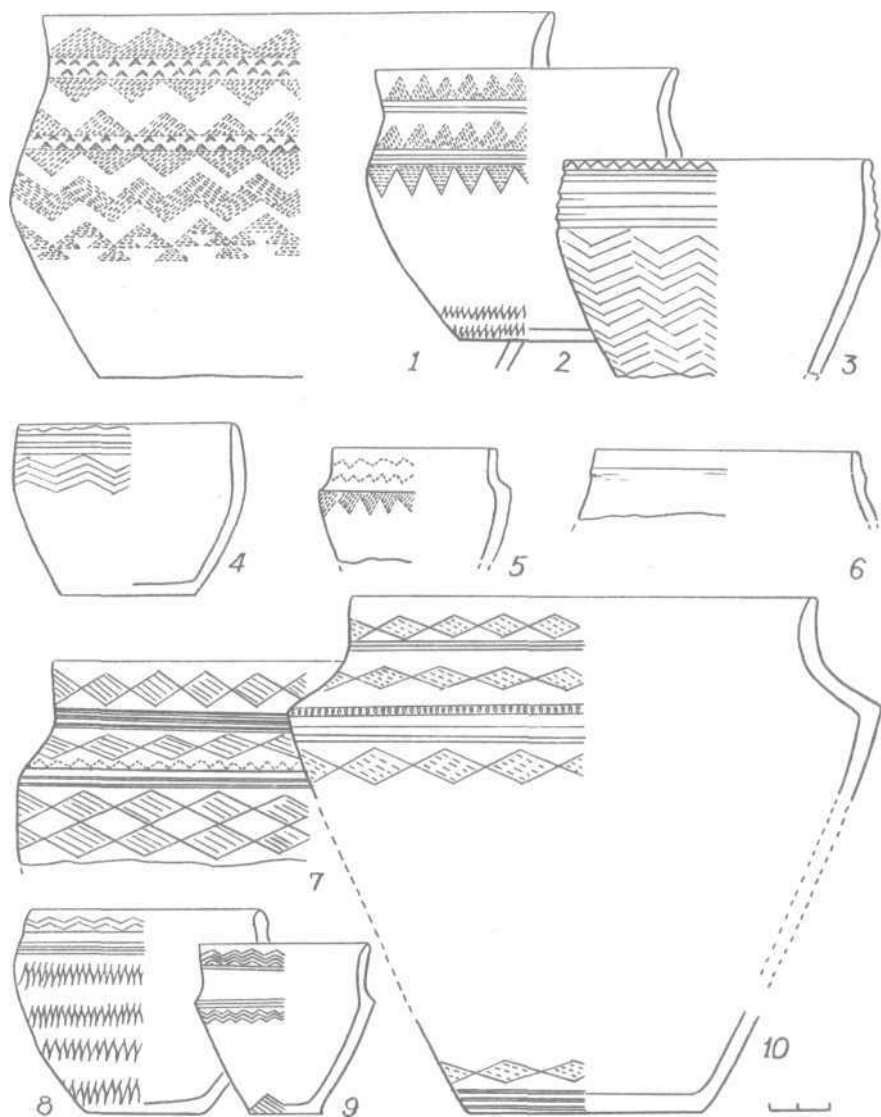

Рис. 44. Могильник Семипалатное. Курганы 3, 4, 5. Керамика:

1 — сосуд № 28; 2 — сосуд № 26; 3 — сосуд № 27; 4 — сосуд № 31; 5 — сосуд № 36; 6 — сосуд № 35; 7 — сосуд № 29; 8 — сосуд № 32; 9 — сосуд № 51; 10 — сосуд № 30; 1, 2 — курган 3, могильная яма; 3, 7 — курган 3, пола насыпи; 4, 8 — курган 4, детские погребения (?), южный сектор; 5 — курган 4, яма 2; 6, 10 — курган 4, яма 4; 9 — курган 5, пола насыпи

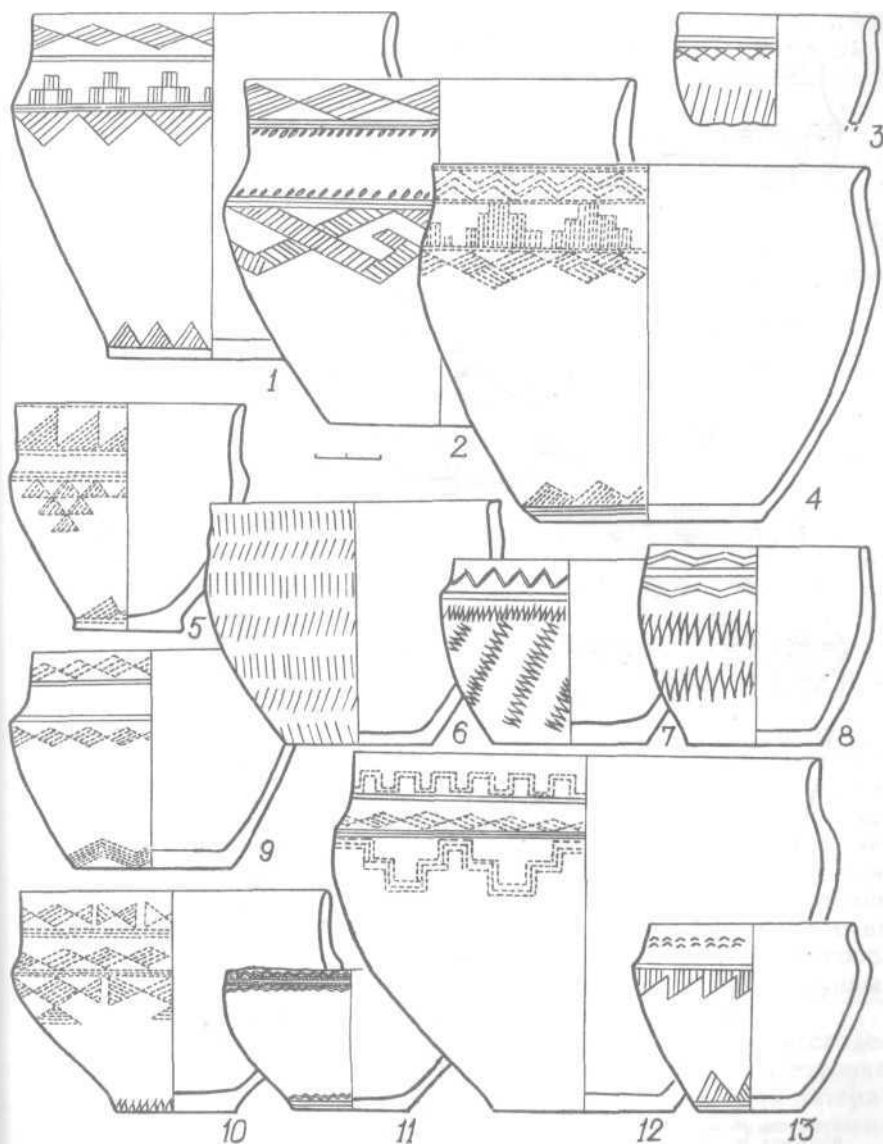

Рис. 45. Могильник Семипалатное. Курган 5. Керамика:

1 — сосуд № 41; 2 — сосуд № 43; 3 — сосуд № 49; 4 — сосуд № 48; 5 — сосуд № 47; 6 — сосуд № 38; 7 — сосуд № 45; 8 — сосуд № 50; 9 — сосуд № 39; 10 — сосуд № 40; 11 — сосуд № 46; 12 — сосуд № 42; 13 — сосуд № 44; 1, 2, 6, 9, 10, 12 — яма 5; 3, 5 — пола кургана; 4 — яма 4; 7, 11 — яма 3; 8 — яма 2; 13 — яма 1

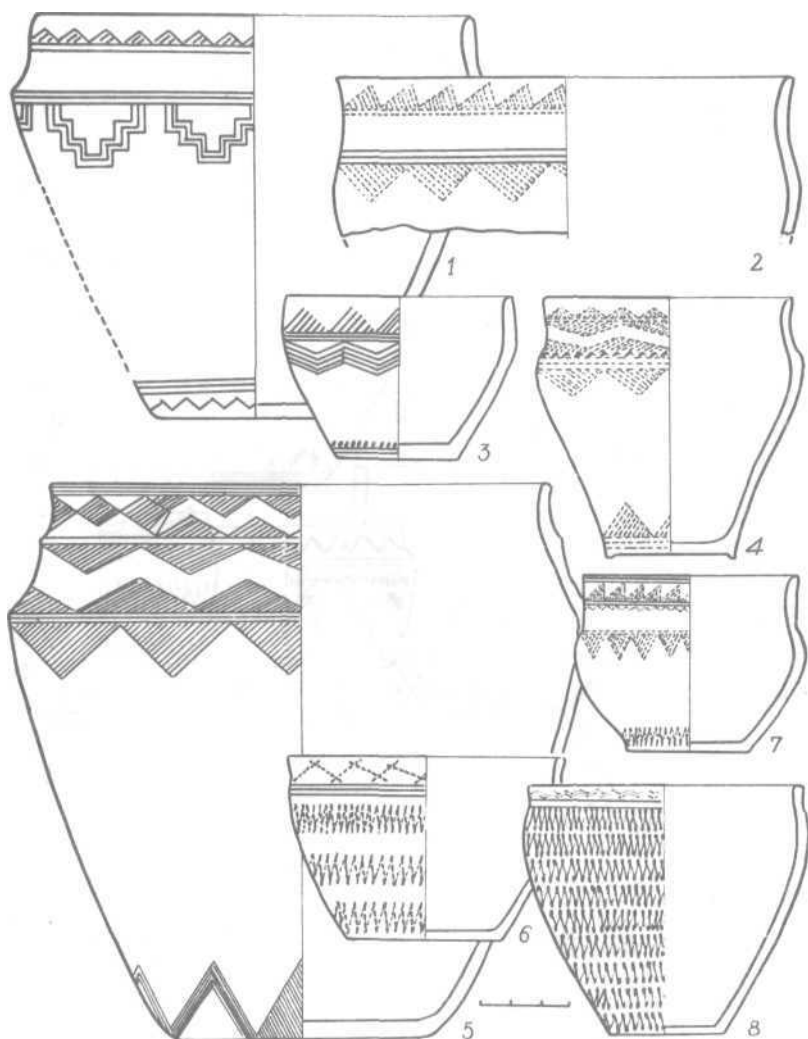

Рис. 46. Могильник Семипалатное. Курганы 4, 6. Керамика:

1 — сосуд № 33, 2 — сосуд № 37, 3 — сосуд № 52, 4 — сосуд № 34, 5 — сосуд № 56, 6 — сосуд № 53, 7 — сосуд № 54, 8 — сосуд № 55; 1, 4 — курган 4, яма 4; 2 — курган 4, яма 2, 3, 6, 7, 8 — курган 6, древний горизонт, южный сектор, 5 — курган 6, могильная яма

кульских погребений: центральные могильные ямы средних размеров сочетаются с малыми ямками детских и подростковых захоронений, расположенными по кругу. О наличии многочисленных младенческих погребений свидетельствует и часть сосудов, обнаруженных в насыпи. По традиции предшествующей петровской эпохи оформлено захоронение лошади, зафиксированное в кургане 2.

Основная масса керамики могильника Семипалатное представлена сосудами горшечного типа с уступчатым плечом. В орнаментации господствуют заштрихованные треугольники, ромбы, ступенчатые узоры, ломаные линии. Значительную часть керамики составляют банки, характерным элементом украшения которых является шагающая гребенка.

Глава IV

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В СИСТЕМЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ

Предложенная нами выборка материалов поселений и могильников, исследованных в Петропавловском Приишимье, отражает в основном все типы памятников эпохи бронзы урало-казахстанских степей и представляет некоторые данные по относительной и абсолютной хронологии. Но прежде чем приступить к освещению и анализу этих данных необходимо остановиться на керамическом материале.

На поселениях и в могильниках степной полосы Урало-Иртышского междуречья можно встретить самую различную керамику западных территорий и культур — полтавскую, абашевскую, срубную или более северных районов Зауралья и Западной Сибири — кротовскую (вишневскую), черкаскульскую, межовскую. В восточной части региона встречается ирменская, карасукская, хорошо представлена бегазинская посуда. Однако если говорить о ведущих, массовых комплексах керамики, то на изучаемой территории для развитой и поздней бронзы целесообразно выделить четыре основные культуруопределяющие группы: петровскую, алакульскую, федоровскую, саргаринскую*.

Петровская группа. Впервые она была выделена при исследовании СКАЭ в 1968—1969 гг. детского могильника Петровка [52]. В последующие годы ее неоднократно описывали в литературе [14; 45, с. 26, 27]. Петровская посуда, безусловно, оригинальна и отличается удивительным единообразием на всей огромной территории степной и лесостепной полосы Урало-Иртышского междуречья. В будущем, возможно, удастся выявить локаль-

* При описании керамики использована программа, предложенная В. Ф. Геннигом [20].

ные особенности глиняной посуды тех или иных районов, однако уже сейчас ясно, что они будут весьма незначительны. Своеобразным памятником, относящимся к кругу петровских, является могильник Синташта -[93] Он расположен на западной границе ареала, содержит ряд инкультурных компонентов и нуждается в особом осмыслении.

Керамические комплексы Южного Урала и Казахстана характеризуются близостью форм и технологий изготовления сосудов, техники нанесения орнамента и набора орнаментальных композиций. Специфику коллекций петровской посуды составляют острореберные горшки. Их отличают довольно приземистые пропорции, широкие горловины и узкие днища (табл. 10, А). Шейки сосудов невысокие, обычно это просто оттянутый верхний край горловины, имеющей плоский срез, обращенный наружу. К острореберным сосудам тяготеет группа горшков таких же пропорций, но с несколько сглаженными ребрами. В коллекции петровской посуды содержится значительное количество банок (до 30%). По своим формам и орнаменту они восходят к более древним местным прототипам эпохи энеолита и ранней бронзы. Эта категория сосудов отличается наибольшей консервативностью и почти в неизменном виде продолжает существовать в алакульских и федоровских комплексах.

Орнаментальные композиции включают небольшое число элементов. Это крупные заштрихованные треугольники, волнистые линии желобков, зигзаг, ногтевые защипы, ямочные вдавления. Орнамент занимает верхнюю часть тулова, иногда образует зону у дна. В ранних комплексах часто встречаются сосуды, полностью покрытые рисунком, включая днища. Последние украшали прямыми или волнистыми линиями, ромбической сеткой, спиралью, свастическими узорами или линиями ямок. Оригинальность петровской посуде придают композиции из вписанных друг в друга треугольников, зигзагов, разделенных вертикальными линиями, которые образуют своеобразные «древа», а также ряд элементов, связанных с техническими приемами керамического производства, — отпечатками тканей, примесью в глиняном тесте раковины и слюды. Рисунки выполнены в основном прочерченной техникой плоского штампа. реже встречаются ямочные вдавления, крупная гребенка и оттиски веревочки. На поздних этапах развития культуры в орнаментации формировалась зональность, начали исчезать узоры на днищах сосудов, увеличилась роль геометрических рисунков: треугольников, ромбов, ступенчатых узоров.

Изучение материалов, собранных на поселениях и могильниках, показало, что резких различий между погребальной и бытовой посудой нет (основную часть и погребальных, и поселенческих керамических комплексов составляют острореберные сосуды, а 30% общего их количества — банки). Индексы орнамента и техники нанесения узоров также схожи (табл. 5,6).

Анализ глиняной посуды эпохи бронзы как важного культурно-образующего признака невозможен без выявления техники и технологии керамического производства. Интересны наблюдения, сделанные И. Л. Чернаем и Н. Б. Виноградовым [14, с. 97; 144] при обработке петровских комплексов Южного Зауралья и Северного Казахстана. Они зафиксировали все случаи, касающиеся текстильных отпечатков и оттисков орнаментов на внутренних стенках глиняных сосудов, и сделали вывод о том, что «петровчане» изготавливали посуду на твердой основе, используя в качестве шаблонов уже готовые горшки и банки, обернутые тканью. Становятся понятными унифицированность и специфика форм тулова петровских сосудов, а также значительная вариабельность шеек-горловин при четко выраженной острореберности. Отметим, что технология изготовления керамики на твердой основе использовалась только в петровское и раннеалакульское время. В дальнейшем она утратила свое значение.

Алакульская группа керамики широко представлена во всех районах изучаемого региона. Она характеризуется сосудами горшечной формы с уступчиком, четко отделяющим шейку от тулова (рис. 8, 43—46). Некоторые горшки имеют небольшой выступ, проходящий по середине шейки, в результате чего ее профиль состоит как бы из двух дуг. В алакульские комплексы входит многочисленная посуда баночной формы, редко встречаются острореберные сосуды. Технология отличается высоким уровнем, стенки сосудов тонкие (5—8 мм), тщательно обожжены; для смеси использовался мелкий песок и шамот. Орнамент наносили в трех зонах — по шейке, плечикам и у дна. В нижней части шейки сохраняли неорнаментированную полосу. Самыми распространенными элементами узора являются горизонтальный зигзаг и горизонтальная линия. Из геометрических рисунков наиболее часто встречаются равнобедренные треугольники, заштрихованные наклонными линиями, ступенчатые узоры, ромбы. Сосуды баночной формы памятников Южного Урала и Северного Казахстана в массе украшены оттисками шагающего штампа. На алакульские сосуды орнамент наносили в основном с помощью гребенчатого и плоского штампов с некоторым преобладанием последнего.

Яркую коллекцию алакульской группы керамики составляют 56 сосудов могильника Семипалатное. Среди элементов орнаментации преобладают равнобедренные треугольники (37%), ромбы (20%), довольно часто встречаются и ступенчатые узоры (12%). Более 50% посуды украшено горизонтальным зигзагом, 30% — шагающим штампом (рис. 43—46). Обработка по статистической программе позволяет выявить высокую степень абсолютной орнаментации (показатель 95,0). Наблюдается некоторое различие в рисунках на горшках и банках. Элементы орнамента на баночных сосудах более просты и архаичны: это зигзаги (43,8%), желобки (11,6%), вертикальные насечки. Сложные геометрические

узоры наносили исключительно на горшки, даже такие широко распространенные элементы, как треугольники, преобладают на горшечных сосудах. Керамика алакульской группы поселения Новоникольское I и по формам, и по орнаментации почти идентична комплексу могильника Семипалатное. Количество желобков относительно невелико (составляет 5,2% всех узоров), значительно чаще встречаются горизонтальные линии (43,4%). Геометрические узоры более развиты и многообразны (табл. 2, 7). В технике орнаментации преобладают нарезки и плоский штамп, которые в сумме составляют 57,1% всех узоров, оттисками гребчатого штампа оформлено 25,4%, протасенной гребенкой — всего 1,4% сосудов. Интересной особенностью орнаментации алакульской посуды поселения Новоникольское I является довольно частое использование оттиска веревочки (4,2%). Показатель абсолютного индекса орнаментации равен 76,2.

Эталоном для установления правомерности выделенных комплексов может служить керамика Алакульского могильника. Проверка, проведенная с помощью вычислений коэффициента абсолютного сходства, показывает ее значительную близость посуде могильника Семипалатное (98,8%) и поселения Новоникольское I (82,3%). Алакульский комплекс поселения Петровка II при сравнении с посудой могильника на оз. Алакуль [112] дает только 60,3% абсолютного сходства. И по форме, и по орнаментации сосуды поселения Петровка близки материалам могильника и культового места у с. Петровка (коэффициент абсолютного сходства 71,4%, табл. 6).

Развитие алакульской посуды во всех районах распространения культуры шло в одном направлении. Исчезли остросереберные сосуды, резкие уступчики на плечах постепенно сгладились, шейки стали высокими и прямыми, конические тулова уступили место более плавной усложненной профилировке придонной части. Диаметр днища стал меньше при неизменно широкой горловине. В целом поздние алакульские сосуды приобрели более стройную вытянутую форму, на плечиках и верхней части тулова появились простые меандры, увеличилось количество рисунков, нанесенных оттисками мелкого гребчатого штампа. Об изменении технологии изготовления керамики (по сравнению с петровским временем) свидетельствует полное исчезновение отпечатков тканей на внутренней поверхности сосудов.

Федоровская группа. Весь комплекс посуды целесообразно разбить на две подгруппы — бишкульскую (по пос. Бишкуль IV) и собственно федоровскую (по мог. Федоровка). Основу бишкульской подгруппы составляют сосуды высоких пропорций горшечно-баночной формы с прямыми или несколько расходящимися вверх стенками и слабо суженными горловинами (рис. 2, 9, 19). В эту же подгруппу входят банки с прямыми или вогнутыми горловинами и сосуды горшечного облика (не более 20—25% общего количества сосудов в комплексе). Горшки имеют дуго-

образные или прямые шейки, плавно профилированное и слабо раздутое тулово. Плечевые уступчики встречаются только в ранних комплексах на единичных экземплярах и подчеркиваются обычно каннелюрами. Орнамент покрывает шейку и верхнюю часть тулова. Узор состоит преимущественно из горизонтальных зигзагов, желобков, поясков, наклонных линий, заштрихованных треугольников. Около половины посуды украшено оттисками плоского штампа, широко применяется гребенчатый штамп, реже — оттиски веревочки и ямочные вдавления.

Федоровская подгруппа представлена классическими андроновскими сосудами горшечных форм с плавной профилировкой тулова, относительно узкими днищами и четко выраженными шейками. Сосуды, как правило, тонкостенные, поверхность тщательно обработана, встречается лощение. Орнамент сплошным полем докрывает шейку и верхнюю часть тулова. Зональность подчеркивается только с помощью композиционного построения рисунка. Главная черта орнаментации — ярко выраженный геометризм. Наиболее характерные элементы — косые и равнобедренные треугольники, сложные меандровые рисунки, ступенчатые флажковые композиции. Наряду с геометрическими фигурами И сосуда покрывали лентами наклонных линий, горизонтальными J елочными узорами и росчерками желобков (рис. 36).

Бишкульская подгруппа представляет собой набор бытовой и хозяйственно-производственной посуды, которая в большом количестве залегает в культурных слоях поселений. Наиболее яркое представление о федоровских поселенческих керамических комплексах дают материалы однослойных памятников: Бишкуль IV — Северный Казахстан [40], Канай — Восточный Казахстан [143, с. 30—31], Ключи — Южная Сибирь [86, с. 46—49]. Федоровская группа посуды встречается в основном в могильниках и реже на поселениях. Вероятно, в памятниках различных типов она имеет различное назначение: в системе функционирования поселка посуда с богатой геометрической орнаментацией может играть парадно-бытовую и ритуальную роль, в системе погребального обряда она приобретает культовое значение. Несмотря на значительные различия обе подгруппы составляют единое целое как характерное проявление федоровской культуры.

Бишкульская керамика нигде не встречается в чистом виде, повсюду в поселенческих слоях ее сопровождают горшки с пышной гребенчатой орнаментацией, составляющие от 3 до 10% всех сосудов. И, наоборот, в могильниках федоровской культуры среди яркой погребальной посуды изредка встречаются сосуды бишкульского типа (Бурлук — рис. 36, 4, 7; Боровое [100, с. 225, рис. 81]). Эти подгруппы объединяет одна общая категория посуды — банки — архаичная форма, повсеместно распространенная на поселениях, редко в федоровских могильниках Урало-Иртышского междуречья и часто в погребениях к востоку от Иртыша. Развитие керамики федоровской группы идет по линии

упрощения орнаментации, сокращения количества геометрических узоров (рис. 40). Орнамент в подавляющем большинстве наносился резными линиями и насечками, тесто сосудов огрублялось, становилось рыхлым. Однако ведущей формой оставался сосуд с плавной профилировкой тулова и широко открытой горловиной. В позднефедоровское время произошло «сближение» керамики поселений и могильников и по характеру орнаментации и по технологии изготовления посуды.

Саргаринско-алексеевская группа. Керамика этой группы отличается устойчивыми признаками по всему урало-казахстанскому региону [61]. Она темного цвета; глиняное тесто, из которого ее изготавливали, содержало песок и шамот. Сосуды в большинстве случаев имеют довольно высокие пропорции, широкую горловину, невысокую шейку, умеренно раздутое тулово и небольшое днище (рис. 10, 11, 12). Впервые в комплексах эпохи бронзы появились узкогорлые сосуды. Около 30% посуды не орнаментировано, на остальной — узор занимает обычно узкую полосу в нижнем отделе шейки и по верху плеча. Зафиксировано два десятка элементов узоров, наиболее распространенными являются насечки, елочка и узоры из крестообразно поставленных линий. Довольно часто в оформлении декора встречаются ямочные вдавления, линии. Геометрические узоры — треугольники, ромбы — составляют 1—3% орнаментики. В композиционном отношении орнаментация простая и довольно бедная, в среднем на один орнаментированный сосуд приходится 1,6—2,3 элементов. Валик — ведущий признак керамики саргаринско-алексеевской культуры — оформляет от 10 до 30% сосудов. Обычно он сформован в процессе изготовления сосуда, реже бывает наделеным. Традиционно валик размещен на месте перехода от шейки к тулову, чаще всего он сплошной, а когда разорван, его концы оформлены шишечками или опущены вниз в виде «усов». Валик покрыт полоской орнамента, причем для бедно орнаментированных сосудов узор по валику является единственным украшением.

Общая тенденция в развитии саргаринской керамики связан* с обеднением орнаментации и широким распространением простейших узоров. Наиболее поздними памятниками в Петропавловском Приишимье являются поселения Петровка IV, Явленка I, Ильинка I, керамика которых орнаментирована в основном елочкой и жемчужинами. Эти элементы займут ведущее положение в орнаментации сосудов раннего железного века Северного Казахстана [137]. Наиболее ранним саргаринско-алексеевским керамическим комплексом следует считать посуду поселения Петровка II, которая оформлена треугольниками, ромбами, ломаными заштрихованными полосами и уголковыми углублениями, то есть элементами орнаментации еще средней бронзы (рис. 20, 21). В Среднем Притоболье саргаринско-алексеевская керамика более четко разбивается на два типа — ранний и поздний (по Т. М. По-

темкиной [105]) или алексеевский и загаринский (по В. В. Евдокимову [32]).

Такова краткая характеристика основных групп керамики, каждая из которых соответствует культуре эпохи средней и поздней бронзы урало-казахстанских степей: петровской, алакульской, федоровской, алексеевско-саргаринской. Кроме этого, можно более или менее четко обозначить еще три группы посуды, каждая из которых сочетает в себе черты культуруопределяющих керамических комплексов — петровского и алакульского, алакульского и федоровского, федоровского и саргаринского. Суше- I ствование комплексов посуды со смешанными чертами в течение I достаточно длительных Отрезков времени сомнения не вызывает. Первую группу мы предлагаем назвать «кулевчинской» по поселению Кулевчи III, где керамика со смешанными петровско-алакульскими чертами преобладает [14, с. 97]. Такая посуда за- I лгается в жилищах I, II поселения Петровка II, она встречена в ряде погребений у с. Берлик и в могильнике Чистослебяжье [96].
• За алакульско-федоровской посудой Южного Зауралья утвердилось название «кожумберлинская», Северного Казахстана — «амангельдинская». Керамика этой группы сочетает в себе ала- кульские формы и пышную «ковровую» орнаментацию. Она известна по многочисленным могильникам от степного Зауралья до Центрального Казахстана [11, с. 55—56; 90, с. 66; 114, с. 294, рис. 43, 1—5; 47, 8]. Яркого и достаточно кратковременного памятника, в котором содержалась бы однотипная керамика, сочетающая в себе элементы федоровской и саргаринской посуды, пока не обнаружено. Однако характерные и многочисленные синкретические комплексы представлены на поселениях Явленка [44], Павловка [89], могильниках Приплодный Лог [88, с. 76, рис. 6], Путиловская Заимка и во многих других памятниках урало-казахстанских степей [60, с. 69—80, рис. 1].

Спорные вопросы происхождения и историко-культурного соотношения различных археологических комплексов андроновского круга урало-казахстанских степей в последние годы приобретают конкретный характер, выявляя более четкие позиции авторов [78, с. 3, 2; 106; 118; 125; 148]. Однако стержнем проблемы по-прежнему остается хронологический аспект. Поскольку в настоящее время довольно широкое распространение получила точка зрения об одновременном существовании на территории Урало-Иртышского междуречья петровских (абашевских, новокумакских), алакульских и федоровских комплексов, факты стратиграфического и планиграфического характера, полученные СКАЭ—УКАЭ при исследовании памятников эпохи бронзы, приобретают особое значение. Одновременность существования разнокультурных памятников, естественно, должна была отразиться в многослойных поселениях. В них должны были зафиксироваться как перемешанные комплексы, отложившиеся в одни и те же исторические периоды, так и разнокультурные остатки с разными

уровнями залегания. На отдельных памятниках петровские или, предположим, федоровские комплексы должны были залегать на слоях, содержащих алакульские материалы, на других памятниках, наоборот, алакульские напластования могли перекрывать петровские и так далее. Однако целый ряд фактов свидетельствует о четкой закономерности в истории формирования культурных слоев андроновских поселений (табл. 7).

На Северном Казахстане важным звеном в создании шкалы относительной хронологии явилось исследование поселения Бишкуль IV [40] • Здесь вскрыто одно каркасное жилище площадью 140 кв. м. неправильной подквадратной формы с мелким котлованом. Среди находок — небольшое количество бронзового инвентаря и своеобразный комплекс керамики, который первоначально был выделен как бишкульский тип, а сегодня определяется нами как федоровская группа посуды. Как уже отмечалось, внутри нее выделяются две подгруппы — хозяйственно-бытовая (бишкульская) посуда и парадно-столовая, ритуальная (федоровская), широко используемая в погребальном обряде. Это первые «чистый» набор поселенческой керамики федоровской культуры, полученный на памятниках Урало-Казахстанского региона. Выделение оригинального бишкульского типа стимулирует поиск этой керамики на многослойных поселениях и связанных с нею строительных горизонтов.

Эталонный комплекс керамики заключительного этапа бронзового века дали многолетние раскопки однослойного поселения Саргары на р. Жабай у г. Атбасара в Целиноградской области [55]. Здесь были обнаружены остатки тринадцати каркасных полуземлянок площадью от 200 до 400 кв.м. Среди многих тысяч фрагментов валиковой посуды на поселении Саргары обнаружено несколько десятков обломков сосудов бегазинского типа. Условия залегания последних свидетельствуют об их одновременном отложении с основным керамическим комплексом. Здесь же в районе поселения был исследован небольшой могильник. Керамика и вещевой инвентарь культурного комплекса Саргары позволили с уверенностью произвести типологическое вычленение материалов заключительного этапа бронзового века из коллекций многочисленных многослойных поселений урало-казахстанских степей.

Стратиграфическое соотношение саргаринских и федоровско-бишкульских комплексов в Северном Казахстане было зафиксировано раскопками Т. С. Малютиной в Тельмановском районе Целиноградской области у с. Родионовка*. Здесь на территории небольшого раскопа (300 кв.м.) исследован фрагмент саргаринского жилища, которое прорезает четко выраженный слой с керамикой федоровско-бишкульской группы. Отдельные наблюдения по относительной хронологии комплексов бронзового века

* См. отчет УКАЗ за 1982 год (архив ЛАИ ЧелГУ).

Северо-Казахстанского Приишимья были получены также на поселениях Боголюбове, Ильинка I, Явленка I [42; 44, с. 49—51]. Однако наиболее развернутые данные получены при раскопках многослойных поселений Новоникольское I и Петровка II (табл. 8, А, В, Г). Поскольку факты, отражающие культурные напластования на этих памятниках, лежат в основе наших сегодняшних представлений о культурно-хронологической шкале бронзового века степной полосы Урало-Иртышского междуречья, необходимо остановиться на них подробнее.

Стратиграфия поселения Новоникольское I. Для стратиграфических выкладок использованы материалы раскопок 1969—1970 гг., которые охватывали северную и восточную часть мыса. Здесь четко зафиксированы десять жилищ и сильно разрушенные два-три помещения (рис. 4, 5). По размерам и характерным элементам конструкций выделено четыре типа жилищ.

1. Жилища 9, 10. Дно котлованов зафиксировано на глубине 0,6—0,8 м, на полу — плотные слои обмазки из глины и речного песка. Очаги расположены в ямках глубиной от 0,2 до 0,5 м и обложены мергелем. Рядом — круглые выкладки из мергеля и привозного хлоритового сланца. У очага жилища 10 — слой глины с прокалом, возможно, развал печи. Предположительно можно говорить о прямоугольной форме помещений и относительно малой их площади, не превышающей 50 кв.м.

2. Жилище 4. Глубина котлована 0,6—0,9 м, форма прямоугольная, площадь жилища свыше 150 кв.м (помещение частично разрушено). Пол относительно горизонтальный, очаги находятся в мелких углублениях, каменные выкладки отсутствуют. Зафиксировано более 200 ямок от столбовых конструкций.

3. Жилища 1, 2, 3, 7, 8 и, предположительно, 5 отличаются глубокими котлованами — до 1,2—1,5 м и большими площадями — 225—260 кв. м. Выходы коридорообразные, обычно угловые, очаги наземные, с небольшими выкладками из мергеля и камня. Пол неровный, одна из половин жилища углублена относительно другой на 20—30 см. Количество ямок, связанных с конструкцией помещения, — до 300 и более.

4. Жилище 6 — наземное помещение удлиненной овальной формы площадью около 90 кв. м. Очаги фиксируются как пятна прокаленного грунта. У очагов — выкладки, сложенные из мергеля и камня. На полу — более 50 столбовых ямок.

На межжилищных территориях зафиксировано значительное количество столбовых ямок и углублений. Несомненно, что вся площадка памятника интенсивно использовалась. Кроме описанных конструкций, при раскопках поселения Новоникольское I обнаружена система оборонительных укреплений, которая представляла собой ров, усиленный глиняными валами.

Каково же соотношение между конструкциями, которые вскрыты на поселении? Полевые наблюдения за характером фор-

мирования культурных слоев позволили получить следующие данные.

1. Одним из наиболее ранних является оборонительное сооружение: глиняные выкиды из рвов лежат либо на погребенной почве, не содержащей никаких культурных остатков, либо на очень тонком культурном слое.

2. Жилища 1, 2, 4, 7, 8 сооружены после того, как ров перестал функционировать: котлованы указанных помещений перекрывают ров. Темные слои полов, столбовые ямки поздних конструкций, хозяйственные углубления хорошо зафиксированы на светлом заполнении рвов. Оборонительные валы сохранились только на межжилищных территориях, на остальных участках они разрушены при сооружении котлованов.

3. Жилища 9, 10 функционировали раньше жилищ 7, 8. Последние, более глубокие полуземлянки, частично срезают полы помещений с глиняной обмазкой.

4. Жилище 2 более позднее, чем жилище 4. Котлован 2 прорезает северную стенку помещения 4, что хорошо фиксируется по различию культурных остатков и грунтов — одно имеет черноземное, второе — зольное заполнение.

5. При сооружении полуземлянок 1, 2, 3, 7, 8 использовались, вероятно, какие-то более ранние жилищные котлованы. Перечисленные полуземлянки выделены в третий тип жилищ. Одним из их отличительных признаков являются глубокие котлованы с черноземным заполнением. Однако из границ этих котлованов иногда выклиниваются участки зольников незатечного характера. Вероятно, мы имеем здесь несовпадение стенок позднего и раннего помещений. О вторичном использовании котлованов говорит и огромное количество ямок на полах жилищ, в которых были обнаружены разновременные материалы.

Таким образом, по стратиграфическим наблюдениям выделяется не менее трех строительных горизонтов. Самыми ранними являются конструкции оборонительных сооружений, самыми поздними — жилища первого типа (1, 2, 3, 7, 8) с глубокими котлованами. Жилище второго типа (4), потревоженное поздним сооружением, но перекрывающее ров, должно принадлежать какому-то промежуточному горизонту. Картина культурных напластований не позволяет определить к какому из ранних слоев относятся помещения с глинобитными полами. Остается неясным также, котлованы каких жилищ использованы при сооружении позднейших конструкций. Не являются ли они остатками какого-то четвертого строительного горизонта?

Анализ керамического материала позволяет выделить четыре группы посуды: петровскую, алакульскую, бишкульскую, саргаринскую (рис. 7—11). Каждая из них имеет аналоги с одновременных и однокультурных памятников Северо-Казахстанского Приишимья.

В таблице залегания керамики на поселении Новоникольское 1

алакульская и бишкульская посуда (II и III типов) дана суммарно (табл. 13, В, Г). Это объясняется известными трудностями типологического расчленения комплексов. Наиболее надежным признаком при выделении бишкульской посуды является форма, которую можно установить только по достаточно крупным фрагментам. Мелкие же обломки горшков и большая группа банок, форма которых в алакульских и бишкульских комплексах идентична, не поддаются членению. Выборка крупных фрагментов шеек позволяет установить самостоятельность бишкульского комплекса, она достаточна для статистической обработки и для сравнения с эталоном (материалы пос. Бишкуль IV), однако использование ее для уточнения стратиграфических наблюдений не может дать достаточно объективных данных. На настоящем этапе исследования важно, что керамика бишкульского типа должна хронологически следовать за алакульской, поскольку связь последней с ранней петровской посудой не вызывает сомнений.

Различные группы керамики по территории поселения Новоникольское I распределяются неравномерно (табл. 8, В, Г). Петровская посуда резко преобладает в заполнении рвов, а также на глинобитном полу жилища 9 и у очагов жилища 10. Поскольку рвы по данным стратиграфии являются наиболее ранними из выявленных конструкций, помещения с петровской керамикой должны быть отнесены к самому древнему культурному слою. Этим выводам не противоречат и находки, сделанные под глиняными развалами валов. Везде, где валы залегали не на погребенной почве, а на культурных остатках, найденные фрагменты относятся только к петровской посуде. На межжилищных территориях петровская керамика преобладает только в нижних горизонтах (60 см и глубже). Керамика саргаринско-алексеевской группы связана с глубокими котлованами 1, 2, 3, 7, 8. Здесь в нижних слоях заполнения залегает до 70% грубой валиковой посуды. Самостоятельность этого комплекса и его принадлежность к последнему этапу существования поселения подтверждаются условиями залегания саргаринской керамики на межжилищных площадках. Основное ее количество сосредоточено на глубине до 50 см, ниже находки обломков валиковой посуды единичны. К последнему строительному горизонту относится и единственное наземное жилище 6. На его полу возле очагов обнаружены скопления фрагментов саргаринских горшков и несколько сосудов в развалах.

Значительное количество керамики алакульской и бишкульской групп залегает на межжилищных территориях, особенно большие скопления зафиксированы вокруг поздних котлованов с черноземным заполнением. Каких-либо четких конструкций с алакульской керамикой не сохранилось. Следует особенно выделить фрагменты алакульской посуды, найденные в ямках от столбов на дне глубоких помещений, при незначительном количестве

алакульской керамики на полах поздних жилищ. Единственным сооружением, содержащим только керамику бишкульского типа, является глубокая яма с углистым заполнением и прокалами, перекрытая полом позднего помещения 2. С существованием бишкульской посуды можно предположительно связывать территорию жилища 4, где она несколько преобладает.

Таким образом, пос. Новоникольское I является многослойным памятником. Первый этап его существования связан с керамикой петровского типа. Наиболее ранними конструкциями являются жилища 9, 10 и оборонительное сооружение. Второй этап функционирования памятника характеризуется керамикой алакульской группы. В этот период были впервые сооружены глубокие жилищные котлованы, которые неоднократно использовались при последующих заселениях площадки. Судя по большому количеству переходных алакульско-петровских черт в керамике, первые два этапа следует считать непрерывными. На третьем этапе площадка была заселена племенами — носителями керамики бишкульской группы. Единственной частично сохранившейся конструкцией является жилище 4. Возможность сосуществования бишкульской и алакульской посуды была исключена после проведения ряда других исследований памятников Петропавловского микрорайона. На поселении Бишкуль IV в составе керамического комплекса обнаружен только один фрагмент с уступчатым плечом. К последнему этапу функционирования памятника относятся жилища 1, 2, 3, 7, 8 и, предположительно, 5. При их строительстве разрушено большинство ранних конструкций. С этими сооружениями связана керамика саргаринской группы, которая является самостоятельным комплексом и принадлежит особой культуре финальной бронзы. Между вторым и третьим, а также между третьим и четвертым этапами обитания жилой площадки существовали хронологические разрывы. Поселение было покинуто после повышения уровня паводковых вод Ишима и увлажнения климата в целом. На полах поздних жилищ хорошо фиксируются слои речных наносов, а в котлованах — черноземное торфообразное заполнение.

Раскопами 1971, 1976 гг. были вскрыты остатки еще десяти-двенадцати жилищ. Значительный интерес представляют небольшие петровские и петровско-алакульские постройки, исследованные в центральной части поселка, которые по своим основным характеристикам соответствуют раскопанным ранее помещениям 9, 10. Особенно важным является стратиграфическое соотношение жилищ 11, 14, 15. Помещение 11 имеет типичный для петровского жилища глинобитный пол с небольшим количеством столбовых ямок и хорошо выраженным керамическим комплексом. Северная стенка этого сооружения уничтожена жилищем 14, которое, в свою очередь, разрезано глубоким котлованом 15 с черноземным заполнением и содержащим валиковую керамику. Хорошо определяется и культурная принадлежность жилища 14 —

на его полу значительно преобладает раннеалакульская (кулевчинская) посуда.

Очень сложной для стратиграфических наблюдений оказалась северо-западная часть раскопа 1976 г. (уч. Б—Ж/15—25). Этот участок неоднократно использовался для строительства. Здесь прослеживается не менее четырех строительных горизонтов (рис. 6). Наиболее ранними являются жилище 18 с мелким котлованом и петровской керамикой, а также ров. Прямоугольное помещение 16 с погребениями животных было построено после того, как оборонительная система перестала функционировать — его западная стенка разрушила вал. На полу жилища преобладает керамика со смешанными алакульско-бишкульскими чертами. Котлованы построек 16 и 18 частично разрушены более поздним сооружением 17 с яркой керамикой бишкульской группы. В саргаринско-алексеевское время эти участки оказались в районе функционирования двух жилищ — 16-а и 17-а. Возможно, это было одно большое сооружение, разделенное на две части, с котлованами разной глубины. Благодаря раскопу 1976 г. удалось получить целый ряд интересных и важных данных о соотношении культурных слоев. Однако плохая сохранность жилищ не позволяет использовать этот раскоп в качестве опорного для построения шкалы периодизации.

Стратиграфия поселения Петровка II. Основу для стратиграфических выкладок составил раскоп 1971 г. площадью 1728 кв. м, полностью или частично вскрывший остатки шестнадцати жилищ и оборонительное сооружение (рис. 14, 15). По форме, размерам и характерным элементам конструкций жилища подразделяются на четыре группы.

1. Жилища с 3 по 9, 13, 14 наземного типа бескаркасные с зольным заполнением. Площадь их небольшая, изменяется в пределах 40—60 кв. м. Форма жилищ близка прямоугольной, выходы короткие, полы горизонтальные, количество ямок от столбов сравнительно невелико — от 20 до 30.

2. Жилища 1, 2 полуземляночного типа с зольным заполнением, с котлованами глубиной 1—1,3 м. Площадь помещений до 200 кв. м., форма подпрямоугольная, ориентированы они по линии С—Ю. Полы южных половин жилищ углублены по отношению к северным на 0,3 м, выходы коридорообразные, основы конструкций каркасные, количество ямок от столбов ПО и 190 соответственно.

3. Жилища 10, 12, 15 — сооружения наземного типа, площадью в пределах 70—100 кв. м., форма их близка овальной.

4. Жилища 11, 16 отличаются глубокими котлованами (до 1 м) с черноземным заполнением. Исследованы они фрагментарно, поэтому о деталях их конструкции можно судить только предположительно. Форма помещений близка прямоугольной, выходы длинные коридорообразные. Исследованы также значительные участки оборонительных сооружений. При определении залегания

культурных слоев, выкидов и погребенной почвы установлена некоторая хронологическая взаимосвязь между вскрытыми конструкциями.

1. Одними из самых ранних сооружений являются рвы. Они перекрыты жилищем первого типа 7, жилищами третьего и четвертого типов 10, 11, 12, 16. Выкид из рва (или, возможно, развал небольшого вала) лежит на погребенной почве. Отдельные участки его залегания находятся на тонком культурном слое, из которого происходит керамика раннего бронзового века.

2. Жилище первого типа 7 сооружено после того, как ров перестал функционировать. Пол помещения залегает на зольном заполнении внутреннего рва.

3. Жилища второго типа 1, 2 построены после помещений первого типа. При рытье котлованов жилищ 1 и 2 разрушена более ранняя конструкция 13 (1 тип).

4. Жилища третьего типа являются одними из наиболее поздних сооружений. Жилища 12 и 10 перекрывают ров, а пол помещения 15 лежит на заполнении котлована 2. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что между функционированием жилищ 15 и 2 прошел длительный отрезок времени.

5. Жилища четвертого типа с глубокими котлованами и черноземным заполнением начали функционировать после того, как внешний и внутренний рвы утратили свое назначение и были засыпаны золой.

Приведенные выше полевые наблюдения за последовательностью культурных напластований и возведения отдельных конструкций позволяют заключить, что на поселении Петровка II существует не менее трех строительных горизонтов. Однако мы не располагаем данными о хронологическом соотношении жилищ первого типа, расположенных по восточную и западную сторону внутреннего рва. Стратиграфические наблюдения не дают ответа на вопрос об одновременности или разновременности жилищ третьего и четвертого типов и, соответственно, о взаимосвязи помещений 1 и 2 с глубокими котлованами с черноземным заполнением.

Типологический анализ керамических материалов, полученных в результате полевых исследований 1971 г., позволил выделить три группы посуды: петровскую, алакульскую и саргаринско-алексеевскую (рис. 17—21). В первой группе встречается керамика с четко выраженными чертами ранней бронзы (рис. 16). В верхних слоях жилищ 1 и 2 обнаружено примерно одинаковое количество петровской, алакульской и саргаринской посуды (табл. 8, А). Но уже на глубине 40—60 см саргаринская керамика единична. На полах котлованов жилищ второго типа резко преобладают алакульские сосуды. Совсем в другом соотношении находится керамика жилищ 10 и 11 с черноземным заполнением. Здесь на всех глубинах превалирует валиковая посуда. На полах помещений при полном отсутствии петровской и алакульской

керамики залегают только саргаринские сосуды. Правда, их немного, в пределах десятка, но это объясняется спецификой отложения культурных остатков. Внимательное наблюдение за заполнением котлованов позволяет сделать вывод о том, что жители тщательно очищали полы жилищ от золы, костей и битой посуды. Отбросы, убранные из помещений, или подсыпали к стенкам домов, или выбрасывали на кровлю. Поэтому в верхних слоях котлованов керамики намного больше, чем на полах, где она сохранилась обычно только в хозяйственных ямах.

В восточной части раскопа, где вскрыты жилища I типа, в верхнем слое толщиной 40 см в большом количестве представлены все три группы керамики. Уже на втором горизонте, на глубине 40—60 см, саргаринская посуда почти не встречается, а количество петровской керамики повышается до 65%. На полах жилищ с 3 по 9 и на площадках между помещениями сосуды петровского типа составляют 77%, а алакульская керамика — всего 23% (табл. 8, А). Связь жилищ I типа с петровской посудой хорошо подтверждается наличием в них ямок с остросереберными горшками, вскрытых в полах наземных помещений с зольным заполнением (жилища 3 и 5). Аналогичная ямка с петровским сосудом была расчищена на участке между жилищами 4 и 5. В заполнении рва, на средних глубинах (40—80 см), алакульская и петровская посуда представлена равномерно. В нижней части рва (80—100 см и глубже) керамика петровского типа значительно преобладает.

Сопоставляя данные о взаимосвязи керамических комплексов и строительных конструкций со стратиграфическими полевыми наблюдениями, можно сделать несколько выводов. Одними из ранних сооружений на исследованной территории являются ров и остатки двух жилищ (13 и 14) первого (бескаркасного) типа, связанных с петровской посудой. Однако и ранее площадка памятника уже в какой-то мере была обжита людьми, которые оставили посуду, близкую керамике ранней бронзы, известную в Северном Казахстане по поселению Вишневка [39]. На петровском этапе весь мыс был застроен небольшими по площади наземными помещениями, которые ограждались рвом и, возможно, валом. Первоначальная площадь, обведенная рвом, составляла 6000 кв. м. Так называемый внутренний ров был восточной границей памятника, но поселок быстро разрастался, и по истечении относительно непродолжительного отрезка времени появились новые жилища за пределами восточной границы. Отношения с соседями, вероятно, были далеко не мирными. По мере разрастания поселка возникла потребность в сооружении новых рвов, увеличивших огражденную площадь до 8500 кв. м. Исследованный ров — восточная граница раннего поселка — потерял свое значение, он был засыпан золой, постепенно затянут культурным слоем и попал в район застройки.

Второй этап функционирования памятника связан с жилищами-

ми 1, 2 и посудой алакульской группы. К этому времени все рвы, вероятно, полностью утратили свое значение. Площадь памятника значительно сократилась, хотя количество населения могло остаться прежним. Вместо мелких незначительных по размерам помещений появились крупные полуземляночные жилища. Это было время больших хозяйственных, социальных, культурных перемен. Керамика, обнаруженная в жилищах 1 и 2, по орнаментации близка еще петровской и только почти полное исчезновение острореберных сосудов и появление горшков с характерными алакульскими уступчиками ознаменовало новый этап в развитии керамических комплексов бронзового века. На материалах с поселения Петровка II легко можно проследить процесс формирования алакульской посуды на основе предшествующей петровской. Несомненно, что петровский и алакульский этапы в жизни поселения были хронологически неразделимы. Спустя длительный промежуток времени после прекращения функционирования алакульского поселка в эпоху финальной бронзы на мысу появилось новое население, которое строило жилища II и III типов и использовало грубую валиковую посуду.

Раскопы последующих лет полностью подтвердили выводы, сделанные на материалах экспедиции 1971 г. Новым важным дополнением явилось открытие керамики бишкульского типа и связанных с нею остатков жилых сооружений. Следует отметить, что и в подъемных сборах и в раскопе 1971 г. посуда федоровской культуры полностью отсутствовала. Неожиданное обнаружение на поселении Петровка II нового строительного горизонта еще раз свидетельствует о том, как не точна бывает наша информация о памятниках, сделанная на основании подъемных сборов или небольших по объему раскопов. Бишкульская посуда в крупных фрагментах обнаружена на полу глубокого котлована 18. Здесь же была зафиксирована ямка с развалом характерного сосуда с плавной профилировкой тулова и широко открытой горловиной. Среди бишкульских фрагментов найдено несколько обломков ярких федоровских горшков. Хронологическое соотношение федоровско-бишкульского строительного горизонта определяется двумя позициями: 1) жилище 18 пререзает петровские зольники и мелкий котлован жилища 20; 2) котлован 18 перекрывается слоем, содержащим валиковую керамику. По характеру напластований можно судить, что со времени функционирования жилища 18 и до появления носителей валиковой посуды прошел значительный хронологический период. Котлован давно разрушенного помещения затянуло серым зольником, а на нем образовался, вероятно, надутый ветром слой белой чистой золы. Новое население расчистило среднюю, наиболее хорошо сохранившуюся часть старого котлована до глубины 0,8 м и использовало его для строительства нового жилища.

Таким образом, федоровско-бишкульский строительный горизонт функционировал где-то между петровским и саргаринско-

алексеевским временем. Об этом свидетельствуют материалы раскопа II, на котором в 1981—1982 гг. был вскрыт блок типично саргаринских многокамерных построек, перекрывавших петровские оборонительные конструкции. Наиболее крупное из саргаринских жилищ (22) также было сооружено на месте постройки федоровской культуры. Однако на этот раз старый котлован был полностью подчищен, в результате чего стенки и полы раннего федоровского и позднего саргаринского жилищ фактически полностью совпали. О федоровской постройке свидетельствуют только отдельные зольные затеки у стен котлована да значительное количество (более 600) ямок от столбов, часть которых содержала зольное заполнение и фрагменты керамики федоровской группы.

Стратиграфические выкладки по поселению Петровка II не дают никаких данных о соотношении алакульских и федоровских комплексов.

Для относительной хронологии бронзового века Южного Урала важное значение имеют материалы с поселения Кулевчи III [14]. По конструктивным особенностям здесь выделяются два типа жилищ — каркасное полуземляночное (7) и бескаркасное, тяготеющее к наземным (со 2 по 6). На поселении была получена значительная коллекция керамики и комплекс металлических изделий, состоящий из 70 предметов. Керамический материал представлен двумя группами посуды — петровской и алакульской. Кроме этого, имеются многочисленные фрагменты переходного характера, сочетающие в себе черты обеих групп. Анализ распределения посуды по территориям и глубинам раскопа показал, что жилища со 2 по 6 надежно связаны с петровской керамикой, а сооружение 7 содержит алакульские сосуды (табл. 8, б). Стратиграфическая раскладка керамики свидетельствует о том, что первоначальная площадка поселения Кулевчи III была освоена в петровское время, и наиболее ранним из исследованных является жилище 6. Поздний этап жизни на поселении связан с алакульской посудой и каркасным, углубленным в материк помещением 7. Этот вывод подтверждает факт прямой стратиграфии — сохранился небольшой участок петровского строения, которое когда-то замыкало комплекс жилищ со 2 по 5 с юго-востока, а позднее было разрушено алакульской постройкой. Полевые наблюдения дают основание утверждать, что вещевого инвентаря откладывался в культурном слое поселения постепенно, на протяжении достаточно длительного промежутка времени. Наличие переходных моментов в технике домостроения и в керамических комплексах, а также бронзовый инвентарь свидетельствуют о том, что хронологических разрывов, во всяком случае значительных, в истории существования поселения не было, и его следует считать однослойным с несколькими условными строительными горизонтами, охватывающими время от средней петровки до среднего алакуля.

В Южном Зауралье в 1977 г. УКАЭ (под руководством М. К. Хабдулиной) было исследовано небольшое поселение Берсуат, расположенное в Брединском районе Челябинской области на одноименной реке — левом притоке Тобола. Раскопанный участок дал интересную стратиграфическую колонку. В основании культурного слоя залегала своеобразная срубно-алакульская посуда, ее перекрывал слой, содержащий две группы керамики заключительного этапа эпохи бронзы — саргаринскую и межовскую. Слой с валиковой посудой находился под остатками конструкций раннего железного века [138].

Важные для нашего исследования факты были получены В. Ф. Генингом при раскопках поселения Рымникское (Синташта). В предварительной публикации сообщалось, что абашевская керамика перекрывается слоями, содержащими андроновскую (алакульскую, федоровскую?) посуду. Под абашевской понимается своеобразная керамика, близкая к посуде петровской группы. Главным в этом сообщении является утверждение о том, что абашевская керамика лежит в основании культурных отложений андроновского облика [21. с. 147].

В Западном Казахстане успешную работу по выявлению стратиграфической ситуации на памятниках эпохи бронзы проделал В. В. Евдокимов. На поселении Конезавод [52, с. 111] он зафиксировал три слоя, последовательно перекрывающие друг друга, — петровский, алексеевско-саргаринский и сарматский. В Кустанайской области В. В. Евдокимов раскопал поселение Семиозерное, где выявил единовременный комплекс петровской культуры. Пока это единственный однослойный памятник начала средней бронзы урало-казахстанских степей [30]. Эталонный материал по финальной бронзе В. В. Евдокимов получил, исследуя остатки культурного слоя алексеевского поселения. Здесь было открыто жилище, содержащее только валиковую посуду [31]. Большое значение имеет типологическое вычленение Т. М. Потемкиной материалов заключительного этапа эпохи бронзы в коллекциях алексеевского поселения [102].

В Центральном Казахстане наиболее интересные данные по стратиграфии получены М. К. Кадырбаевым на поселении Атасу I, где раскопками исследована площадь в 3588 кв. м [69, с. 137—138]. Здесь выявлено два разновременных строительных горизонта. Один из них, ранний, состоял из крупных прямоугольных построек, которые разделялись столбовыми конструкциями на две части — жилую и хозяйственную. Второй, более поздний период обживания поселения связан с жилищами круглой формы, котлованы которых были врыты в толщу культурного слоя предшествующего времени. Керамический комплекс поселения Атасу I М. К. Кадырбаев разбил на три группы: I — нуринскую (федоровско-бишукульскую), II — атасускую (алакульскую) и III — валиковую (саргаринскую). Основу коллекций составляет посуда федоровской культуры. Исследователь пришел к выводу

о том, что горизонту прямоугольных помещений соответствует керамика I и II групп, а валиковая (саргаринская) посуда синхронизируется с горизонтом круглых помещений. Последующая, более детальная планиграфическая и стратиграфическая раскладка керамического материала показала, что с прямоугольными помещениями следует связывать только керамику федоровско-бишкульской группы. Алакульская посуда лежит в основании культурного слоя, она очень малочисленна, невыразительна и не может быть привязана к каким-либо жилым или хозяйственным помещениям*.

Правомерность полевых и лабораторных наблюдений, сделанных на Атасу I, полностью подтвердили результаты раскопок поселения Усть-Кенетай в Осакаровском районе Карагандинской области [33, с. 532]. Здесь было вскрыто крупное каркасное жилище с глубоким котлованом и валиковой керамикой, которое прорезало более мелкое жилище с ярким комплексом посуды федоровско-бишкульской группы. Самостоятельность керамики с валиками доказали однослойные поселения Упаис и Копа I, открытые в Центральном Казахстане [36].

Таким образом, на поселенческих памятниках андроновской культурно-исторической общности наиболее многочисленными группами керамики являются: петровская, алакульская, федоровско-бишкульская, саргаринская. В небольшом количестве в тех или иных комплексах встречена черкаскульская, межовская, бегазинская посуда. Для эпохи средней бронзы на всей обширной территории урало-казахстанских степей к наиболее ранним относятся слои, содержащие петровскую посуду. Последняя залегает в нижних горизонтах ряда многослойных поселений: Кулевчи III, Конезавод, Петровка II, Новоникольское I и др. Опорным памятником петровского типа может стать однослойное поселение Семиозерное в Кустанайском Притоболье. Слои с петровской керамикой прорезаются алакульскими постройками (пос. Петровка II, пос. Кулевчи III). Наиболее мощные напластования, содержащие федоровско-бишкульскую посуду, обнаружены на поселениях Новоникольское I в Петропавловском Приишимье и Атасу в Центральном Казахстане. Слои с федоровско-бишкульской керамикой залегают выше алакульских и петровских. Слои с саргаринско-алексеевской (валиковой) керамикой перекрывают или прорезают все предшествующие напластования эпохи бронзы. На определенных этапах развития культурных комплексов сосуществует посуда черкаскульская и федоровско-бишкульская, межовская и саргаринская, саргаринская и бегазы-дандыбаевская. Следует особо отметить стратиграфию поселения Родионовка, где представлены только два слоя — ранний федоровско-бишкульский и поздний саргаринский. Такая же последователь-

* Сообщение научных сотрудников отдела археологии ИИАЭ АН КазССР Ж. К. Курманкулова и Т. И. Кулик.

ность напластований фиксируется на поселении Атасу.

Представляется, что на фоне нового материала стратиграфия поселения Кипель утратила свое значение. Принципиальный спор о развитии бронзового века на всей полосе азиатских степей сводился, в сущности, к анализу шести сосудов, залежавших у очага на межжилищном пространстве. Требования методики 70—80-х годов сводят на нет этот спор ввиду малочисленности материала тем более, что все шесть сосудов у кипельского очага относятся к одной, федоровско-бишкульской группе.

Стратиграфические выкладки, сделанные Т. М. Потемкиной на материалах поселений Притоболья дают несколько искаженную картину, вероятно, как раз из-за неправильной трактовки состава посуды федоровской культуры. На поселениях Язево I, Камышное II, Камышное I и других наряду с многочисленной алакульской посудой исследовательница выделила небольшую группу федоровской керамики, которая составила всего 3—10% общего количества фрагментов [103; 104, с. 9—16]. Наш опыт работы на поселениях Южного Зауралья и Северного Казахстана свидетельствует, что посуда с пышной (федоровской) орнаментацией нигде не встречается как самостоятельное явление. Представляется, что бытовая керамика федоровско-бишкульской культуры отнесена к алакульским комплексам, с которыми ее сближают элементы и техника орнаментации. Это тем более вероятно, что по мелким поселенческим фрагментам бишкульские формы посуды читаются очень плохо. Последнее и привело Т. М. Потемкину к неправильному, с нашей точки зрения, выводу о совместном залегании федоровской и алакульской посуды.

Итак, стратиграфия многослойных поселений урало-казахстанских степей представляет конкретные факты, которые свидетельствуют о хронологической последовательности петровских, алакульских, федоровских, а затем саргаринских комплексов. Как же в этом свете выглядят материалы могильников, на которые часто опираются авторы, отстаивающие тезисы об одновременности алакульских и федоровских памятников и их разноэтнической атрибуции?

В отличие от соседней срубной культуры андроновские погребальные комплексы не дают стратиграфических данных. Прежде всего это связано с характером надмогильных сооружений. По нашим наблюдениям земляные курганы первоначально представляли собой конструкции, возведенные непосредственно над могильными ямами. Периферийные алакульские погребения неправильно называть впускными. Их располагали по кругу, часто в предварительно намеченных ровиках, и под общую «насыпь» они попадали много времени спустя в результате разрушения центральной (или центральных) надмогильной конструкции. На протяжении всей эпохи бронзы в степной полосе Урало-Иртышского междуречья традиции впускных захоронений не существовало, но часто на одном и том же погребальном поле фиксиру-

ются сооружения двух или трех культур бронзового века. Среди смешанных памятников такие яркие как Алыпкаш в Северном Казахстане [9], Приплодный Лог в Зауралье [88], Субботино в Западной Сибири [101].

За время наших многолетних раскопок в степной полосе Урало-Иртышского междуречья было только два случая наложения могильных ям, содержащих различные в культурном отношении материалы бронзового века. Это могильник Графские Развалины, курган 1, погребения 2, 3 и могильник Кенес, курган 2, яма 10. В обоих случаях погребения с алакульской керамикой прорезают петровские могильные ямы. Зафиксированные факты соответствуют стратиграфической колонке поселений и не вызывают сомнений. Другое дело — планиграфия погребальных комплексов. Исследователи неоднократно отмечали наличие под одной насыпью погребений с разнокультурной керамикой или залегание различных типов посуды в одной могильной яме [68, с. 53, 59; 99; 101, с. 62—63; 122]. Причины этого могут быть разные. Во-первых, единство этногенетического развития предполагает наличие самых разнообразных переходных явлений при перерастании одной культуры в другую и длительное сосуществование старых и новых форм. Для нас важно, что петровские сосуды встречаются с алакульскими, алакульские с федоровскими*, но никогда не было случая совместного залегания петровской и федоровской, алакульской и саргаринской керамики. Последнее подтверждает то, что здесь мы имеем дело с хронологически несовместимыми явлениями. Во-вторых, расположение погребальных ям под одной курганной насыпью еще не свидетельствует о том, что все они сооружены в одно и то же историческое время. Выше уже говорилось о конструктивных особенностях андроновских могильников.

При датировании погребальных комплексов необходимо учитывать соотношение традиционного и нового на различных этапах развития человеческих коллективов, деятельность которых нашла отражение в материальных остатках, объединяемых нами в археологические культуры. Проблема возникновения нового слабо разработана и в общем философском плане, и применительно к конкретным обществам прошлого или настоящего [7; 38; 72]. Это особая тема, но мы не можем не коснуться ряда примеров, которые с нашей точки зрения относятся к кругу явлений, отражающих преемственность и инновации в развитии древних культур.

Из центральных погребений и грабительских вкопов (то есть тех же центральных ям) могильника Степное происходят сосуды с ярко выраженными петровскими или, как отмечает В. С. Стоколос, абашевскими чертами [121]. Из насыпей и из периферийных

* Чаше всего это сочетание различных так называемых переходных типов керамики.

ям получена посуда по форме и орнаменту относящаяся к поздней петровке. В могильнике Кулевчи VI на раскопе 4 зафиксированы две крупные могильные ямы (№ 1,5), вокруг которых сконцентрированы погребения. Из центральных ям происходят сосуды петровского времени, из периферийных — позднепетровская посуда, причем, некоторые раннеалакульские горшки перекрыты крышками, изготовленными из сосудов с яркими чертами, характеризующими керамику среднего этапа алакульской культуры. Примерно такая же картина прослеживается в кургане 2 могильника Кенес. Время функционирования подобных памятников должно маркироваться по самым поздним находкам. Могильник Степное следует датировать не петровским, а позднепетровским временем, курган 2 могильника Кенес — позднепетровским-раннеалакульским, раскоп 4 могильника Кулевчи VI — развитым алакулем, несмотря на то, что в центральных ямах найдена характерная петровская керамика.

Особый интерес представляют материалы могильника Амангельды, где в курганах 6, 8, 9, 11, 12 большая часть сосудов из центральных ям имеет ярко выраженные алакульские черты, а на подкурганной площадке преобладает посуда с федоровской орнаментацией (амангельдинский тип). Вероятно, специфика соотношения традиционного и нового нашла отражение в материалах кургана 2 могильника Субботино. Здесь из шести могильных ям пять содержали алакульскую посуду и одна (погребение 4) — федоровскую*. При этом исследовательница памятника отмечает наличие на федоровских сосудах ряда алакульских черт [101].

Своеобразие керамических наборов центральных и периферийных погребений обусловлено, вероятно, социально-возрастным положением умерших. Кроме того, в этом своеобразии проявляется культурный традиционализм погребального обряда — на аоселении, в быту употреблялась новая, «современная» посуда, а в погребения ставили в основном посуду старых, традиционных форм. Последняя уже не использовалась для повседневных бытовых и хозяйственных нужд, и сам факт ее существования определяется ритуальными целями. Наибольший разрыв между ритуальной (погребальной) и хозяйственно-бытовой посудой характерен для федоровско-бишкульских керамических комплексов. Насколько можно судить по материалам культурного комплекса Саргары, посуда на поселениях и в могильниках заключительного этапа бронзового века также различается по целому ряду признаков.

Взаимовстречаемость «разнокультурных» сосудов под одной насыпью, или сочетание на "одних и тех же сосудах элементов

* Однако не исключено, что могильная яма с федоровскими сосудами — явление более позднего характера, и она оказалась под общей насыпью в результате наплыва грунта от разрушающейся центральной алакульской надмогильной конструкции. На относительно поздний характер погребения 4 указывает и автор раскопок.

различных культурных традиции маркируют памятники переходных этапов, а не эпохи стабилизации, когда культура выступает как оригинальное явление с присущим только ей набором признаков. Орнамент керамики отличается большей изменчивостью, чем ее форма, а, следовательно, и технология изготовления. Так, алакульская орнаментация впервые появилась на островерберных петровских сосудах, а пышные федоровские узоры отличают посуду амангельдинского (кожумбердинского) типа, для которой характерна алакульская профилировка тулова. Формирование обедненной саргаринско-алексеевской орнаментации произошло на сосудах федоровских форм.

Для решения вопросов относительной хронологии целесообразно использовать материалы по планиграфии долговременных могильников. Надежность фактов при этом определяется степенью изученности памятника. В Зауралье и Северном Казахстане пока нет полностью раскопанных могильников достаточно хорошей сохранности, тем не менее на примере ряда наиболее исследованных памятников можно проследить общие закономерности их планиграфии. Центральное место на погребальных полях занимают петровские или алакульские курганы. Федоровские располагаются довольно компактно между алакульскими сооружениями и окружают их (мог. Альпкаш, Амангельды, Графские Развалины). Конструкции поздней бронзы с черкаскульско-межовскими или саргаринскими материалами вытянуты цепочкой или сооружены хаотично на значительном расстоянии друг от друга. Такая планиграфия сближает их с могильниками раннего железного века (Приплодный Лог, Саргары).

Таким образом, перечисленные факты по относительной хронологии поселенческих и погребальных комплексов бронзового века на сегодняшний день не дают оснований для утверждения о существовании в урало-казахстанских степях различных по происхождению групп населения. Скорее они свидетельствуют о единой генеральной линии развития ряда родственных и последовательно сменяющих друг друга культур, которые целесообразно объединить в рамках андроновской культурно-исторической общности (табл. 9). Становление и развитие культур андроновской общности и соседних андронидных образований протекало в сложной исторической обстановке. В этот процесс были вовлечены разнотнические компоненты обширных территорий Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и Средней Азии. Однако в среднем регионе, в степях Урало-Иртышского междуречья, все индокультурные влияния и включения растворились в едином (индоиранском) этнокультурном массиве, и развитие общества/определялось здесь прежде всего внутренней динамикой, а не внешними импульсами.

Петровская культура

Памятники петровского типа занимают западные и центральные районы очерченного региона андроновской культурно-исторической общности. Они расположены на территории Южного Урала, юга Западной Сибири, большей части Западного, Северного и Центрального Казахстана.

В настоящее время известно несколько однослойных поселений петровской культуры: Амангельды I (Северо-Казахстанская область), Кеноткель V (Кокчетавская область), Семиозерное (Кустанайская область). Два первых памятника сильно разрушены и непригодны для проведения стационарных работ. Единственным однослойным и достаточно кратковременным поселенческим объектом, на котором производились раскопки, является поселение Семиозерное [30]. Все остальные раскопанные петровские поселения связаны с многослойными жилыми площадками. Среди наиболее значительных объектов, исследованных в Южном Зауралье, выделяются поселения Кулевчи III [13] и Синташтинское [21]. В Северном Казахстане в Приишимье раскопки производились на трех поселениях, содержащих петровские слои: Новоникольское I, Петровка II, Боголюбово I. В Центральном Казахстане поселения с ярко выраженными петровскими материалами пока не обнаружены, хотя в конце 70-х годов здесь были открыты и исследованы замечательные погребальные комплексы позднепетровского облика [35; 133]. К востоку от Иртыша материалы петровского типа не обнаружены.

Жилые сооружения петровских поселений резко отличаются от построек других культурно-хронологических этапов андроновской исторической общности. Петровские жилища имеют площадь от 25 до 100 кв. м, форма их прямоугольная, в средней части торцевой стены иногда фиксируется короткий выступ — выход в виде тамбура. Конструкции петровского типа с полным основанием можно назвать наземными, так как котлован жилища углублен в грунт не более чем на 15—20 см. Полы обмазаны слоем глины, перемешанной с крупным речным песком. Ямки от столбов единичны и в их расположении нет закономерности. Исключение составляют ямки у входа — здесь фиксируются обычно от одного до четырех углублений. Прямоугольная форма помещений, специфическое оформление входов, почти полное отсутствие столбовых углублений убеждают в том, что стены жилищ сооружались из бревен, образующих срубы примитивной вязки. Здесь могли использоваться оригинальные соединения бревен, хорошо известные по погребальным комплексам бронзового века. В жилищах зафиксировано по одному-два круглых очага наземного типа с каменными выкладками. В отдельных

случаях сохранились остатки более сложных очажных конструкций — ямки, канавки, куски прокаленной глиняной обмазки.

Характерной чертой петровских поселений является наличие оборонительных сооружений, которые представляют собой рвы глубиной от 1,5 до 2,5 м при максимальной ширине 3,5 м. С обеих сторон рвов фиксируются развалы валов — небольших насыпей из глины; основным является внутренний вал. Иногда прослеживаются остатки столбовых конструкций, которые когда-то укрепляли и усиливали внутренний вал. Площади, ограниченные рвами, на наиболее исследованных памятниках — поселениях Ново-никольское I и Петровка II — составляют примерно 5700 и 8500 кв. м. С точки зрения планиграфии оборонительные сооружения представляют собой замкнутые системы валов и рвов, прямоугольником или многоугольником опоясывающие жилые площадки. Описывая петровские комплексы мы выделили еще один вид оборонительной системы — укрепления на мысах [51, с. 51, 53]. Однако новые материалы полевых исследований (пос. Синташта), а также плохая сохранность памятников, фрагментарность полевых работ на поселениях Боголюбово, Семиозерное заставляют усомниться в существовании незамкнутых укреплений. Оборонительным сооружениям придавалось большое значение: зафиксированы следы одновременного подновления рвов. С линией укреплений и со входами в поселок связаны остатки жертвенных комплексов: черепа и крупные части скелетов домашних животных, сосуды, ритуальные очаги. Они помещались в ямах, сооруженных напротив входов, или в специально сделанных ответвлениях рвов, иногда тщательно обмазанных глиной. Застройка петровских поселков внутри оборонительных сооружений была очень плотной, однако создается впечатление, что эта плотность сочеталась со свободными участками, с площадями, которые примыкали к входам, вернее, к въездам в поселение. На поселении Кулевчи зафиксирована улочка со сточной канавой, завершенная хорошо оформленным спуском к воде [14, с. 97].

К своеобразным чертам петровских поселений следует отнести наличие в жилищах детских погребений. Они отмечены на всех поселенческих памятниках, которые подвергались стационарным исследованиям. Захоронения совершались в полах жилищ в неглубоких выемках овальной формы, ориентированных по линии З—В. В ямках, как правило, сохранились очень незначительные остатки костяков детей грудного возраста и сосуды, поставленные в головах погребенных. Детальное представление о погребальном обряде петровской культуры пока не оформлено документально на массовом археологическом материале. Однако уже сейчас можно констатировать, что петровские могильники отмечены значительным своеобразием и имеют ряд принципиально важных черт, отличающих их от погребальных комплексов алакульской эпохи. Для наиболее ранних из известных нам памят-

ников характерны так называемые сепаратные кладбища — особые погребальные поля для различных возрастных и социальных групп людей.

На р. Ишим у с. Петровка в Северном Казахстане был исследован грунтовой детский могильник [52]. Значительная его часть к моменту раскопок была разрушена карьером. Вскрыто 32 ямы длиной от 0,5 до 1 м, шириной от 0,4 до 0,8 м при глубине 0,8—1,1 м. Большинство из них расположено довольно компактно, но без видимой закономерности. Преобладающая ориентировка — З—В с небольшими отклонениями (рис. 30,2,4). В каждой из ям обнаружено от одного до трех сосудов, иногда кости животных (барана, козла), в одном случае зафиксированы украшения. Несмотря на то, что в большинстве ям найдена только керамика, их следует связывать с захоронением детей младенческого возраста, костные остатки которых не сохранились. Следы надмогильных сооружений полностью отсутствуют. В обнажении карьера была зафиксирована значительная по размерам яма (№ 33), содержащая мощные слои прокала, древесного угля и пережженных костей. Участок сепаратного детского кладбища был исследован В. А. Могильниковым в полах одного из курганов у д. Чистолебяжье на р. Тобол в Белозерском районе Курганской области [96, с. 30]. Как пережиточное явление обычай хоронить детей на отдельных кладбищах сохранился до раннеалакульского времени. Ярким примером этого служит детский могильник Алексеевского культурного комплекса, который О. А. Кривцова-Гракова ошибочно определила как «жертвенное место» [79, с. 71–73].

Вторая категория петровских погребальных памятников представлена курганными захоронениями, включающими одну крупную центральную могильную яму. Как правило, это мужские погребения, содержащие предметы вооружения, остатки боевых колесниц и скелеты лошадей. Третья категория погребальных памятников — это курганы с одной или двумя центральными ямами, вокруг которых по кольцу расположены периферийные захоронения. Петровские могильники состоят из земляных сильно оплывших насыпей обычно не выше 0,5 м и диаметром до 12—16 м. Насыпи расположены на некотором расстоянии друг от друга и их количество на погребальном поле очень невелико (от 3 до 10).

Курганы с крупными одиночными ямами иногда занимают обособленное положение и удалены от основной одновременной им группы насыпей (Новоникольское, курган 1; Бектениз, курган 4), а в отдельных случаях образуют самостоятельные могильники (Берлик I, II). На большинстве исследованных памятников встречаются погребальные сооружения как второй, так и третьей категории. В последнем случае сепаратность проявляется в отделении подростковых и детских захоронений от погребений взрослых, в объединении их в особые кольцевые погребальные поля,

где могильные ямы расположены за пределами земляных курганных конструкций, сооруженных над центральными могилами.

Захоронения в одиночных крупных ямах, принадлежащие, вероятно, особой социальной группе воинов-колесничих, исследованы в Южном Зауралье в могильниках Синташта и Николаевка II, а также в Северном Казахстане в могильниках Кенес, Улубай, Берлик, Новоникольское. Известны они и в Центральном Казахстане [35]. Погребальные камеры (размером до 4X2,5 м, глубиной 1,2—1,5 м) расположены в центре подкурганных площадок, ориентированы по линии З—В с отклонениями на СЗ—ЮЗ. У северо-восточного угла часто фиксируется выход в виде небольшого выступа в плане и ступенька. Погребения сохранились по обряду труположения. Несмотря на их плохую сохранность и массовые ограбления, можно констатировать, что в основном умерших хоронили на левом боку в скорченном положении, кисти их рук находились у лица. Преобладает слабая степень скорченности, в единичных случаях фиксируется положение на спине. В ориентировке погребенных в центральных одиночных ямах господствуют западное и северо-западное направления.

Мужские погребения содержали богатый и многообразный инвентарь. Однако в большинстве случаев в могильных ямах сохранились только керамика и единичные вещевые находки: каменные булавы, каменные и костяные наконечники стрел, кремневые пластины, костяные щитковые псалии. Среди металлического инвентаря — ножи с намечающейся рукоятью, ножи с перехватом, шилья и плоские тесла. Одним из наиболее богатых памятников эпохи бронзы степной Евразии является могильник Синташта. Здесь из 40 могил было получено более 200 изделий из металла, кости и камня. Среди находок — медные вислообушные топоры, копья с несомкнутой втулкой, тесла, двулезвийные ножи, каменные булавы и наконечники стрел [22, с. 95]. Примечательной особенностью мужских погребений является наличие в могильных ямах остатков двухколесных боевых повозок. Колесницы зафиксированы благодаря обычаю закапывать колеса примерно на 1/4 часть в грунт. В отдельных случаях на дне могильных ям сохранились не только канавки от колес, но и четкие отпечатки обода и спиц. Дышлом повозки были ориентированы на запад, диаметр колес составляет 1—1,2 м, расстояние между ступицами 1,2—1,4 м*.

Важная составная часть мужских захоронений — погребения лошадей. Обычно два конских костяка лежат на глине подкурганных площадок или в легких углублениях в материке на краю могильных ям. Головы лошадей ориентированы на З, шеи вытянуты, положение ног имитирует бег. Иногда вместо туши лошади положены черепа и кости ног. В отдельных случаях сохранились

* Не исключено, что в погребальную камеру иногда помещали не колесницу, а только колеса.

детали конской **збруи** — щитковые круглые или прямоугольные костяные псалии с шипами. Под насыпью кургана (в рамках ее современных границ) встречаются иногда одно-два овальных углубления. В **заполнении** углублений вещевые материалы обычно отсутствуют. В отдельных же случаях фиксируются зола или мелкие **фрагменты** костей домашних животных.

В крупных центральных могилах иногда совершались захоронения женщин. Однако дать полную характеристику женским погребениям пока невозможно из-за ограблений могил, а также из-за недостаточной изученности петровского погребального обряда. В женских захоронениях найдены желобчатые браслеты, подвески в полтора оборота, очковидные и крестовидные, различные металлические бусы и пронизи, мелко рубленый бисер. Замечательным памятником является женское погребение из могильника Сатан Центрального Казахстана (ограда 1, могила 4), в **котором** обнаружен кожаный наконик с бронзовыми накладками и подвесками, желобчатые браслеты, наборы бус и пронизей, ожерелья из кости. Время возникновения погребения определяется по посуде позднепетровского облика [35]. Конструктивные **особенности** центральных могильных ям и характер их заполнения **ПОЗЕОЛЯЮТ** с уверенностью говорить, что в период функционирования кладбищ это были подземные склепы, вероятно, со свободным доступом в погребальную камеру. В Южном Зауралье стенки склепов укреплены досками [23, с. 57; 121, с. 3] или обставлены массивными каменными плитами [121, с. 3—6]. В Центральном Казахстане большинство позднепетровских погребальных склепов представляют собой каменные «ящики» [133].

При **раскопках** петровских ям Северного Казахстана и Западной Сибири археологи имеют дело со слоями глины толщиной 10—15 см, которые изнутри обрамляют могилы. Анализ материала могильника **Берлик** показал, что в глине содержатся органические примеси* Вероятно, это остатки сырцовых кирпичей, сделанных из **глины** специального замеса. Планы и разрезы могильных ям свидетельствуют о том, что сырцом облицовывали все стены усыпальницы на ее полную высоту. Толстым слоем глины покрывали и под могильной ямы. Кроме глины на полу иногда фиксируется какая-то органическая подстилка — солома, кошма (?). В ряде случаев (Берлик, курган 1; Улубай, курган 1 и др.) в **основании** камеры прослеживается бревенчатая обкладка из двух-трех венцов. Бревна соединены по углам с помощью специальных торцовых вырубков. Сруб помещен внутри сырцовой облицовки усыпальницы, так что при расчистке между бревнами и материковыми стенками могилы всегда фиксируется прослойка глины толщиной до 15 см. Использование глины в оформлении

Определения **И. В. Иванова**, ст. научного сотрудника Института агрохимии и почвоведения АН СССР.

погребальных камер практиковалось и петровским населением Центрального Казахстана (могильник Сатан). В Центральном Казахстане в качестве перекрытия погребальных камер использовались каменные плиты [35]. В Южном Зауралье ямы перекрывались бревнами, положенными поперек могилы. Иногда перекрытие опиралось на один-три столба и поперечную балку [23, с. 57, 59].

Форма и объем глиняных завалов в заполнении петровских склепов Северного Казахстана позволяют предполагать наличие здесь в древности уступчатого перекрытия, образованного постепенным напуском блоков пахсы или сырца вдоль верхних краев стен погребальной камеры. Такое предположение становится вполне правомерным, если учесть широкое использование глины в качестве подручного строительного материала на поселениях петровской культуры [47]. Сырцовые погребальные сооружения хорошо известны также в позднем энеолите и ранней бронзе Южной Туркмении, а в камерах Геоксюр I и Алтын-Тепе отмечены ложносводчатые перекрытия [18; 70]. Еще одна особенность петровских погребальных конструкций заключается в наличии глиняных площадок вокруг центральных могильных ям. Для их сооружения используется, как правило, грунт (суглинок, супесь), извлеченный при рытье могилы. Расположение грунта, устойчивая округлая или многоугольная форма площадок подтверждают неслучайность подобного распределения глины по древней поверхности.

Как уже отмечалось, петровские погребальные памятники известны в настоящее время по обособленным детским кладбищам, по курганным захоронениям взрослых мужчин-воинов, редко женщин и по курганным комплексам, которые совмещают в себе центральные погребения людей зрелого возраста, а также детский и подростковый могильник, состоящий из периферийных захоронений с кольцевой планировкой. В последнем случае погребения совершались в мелких овальных ямах, вырытых в канавообразных углублениях, которые возникли в результате выборки грунта при создании центральной надмогильной конструкции. Подобные комплексы возникли, вероятно, на среднем этапе развития памятников петровского типа, но широкое распространение они получили в последующую алакульскую эпоху.

Серия металлических изделий петровского времени самая многочисленная из всех коллекций, полученных с памятников бронзового века урало-казахстанских степей. Петровские культурные слои на поселениях мы условно называем металлоносными из-за обилия в них бронзовых предметов. В эту эпоху началось активное освоение медных месторождений Урала и Казахстана, в первую очередь, наиболее доступных рудных тел с выходом минералов на поверхность [145, с. 37—47]. «Петровчане» не особенно экономили металл — вещи они часто теряли, сломанные или просто отслужившие свой срок орудия труда выбрасыва-

ли. Переплавка при избытии исходного сырья, вероятно, практиковалась редко. Кратко петровский металл можно охарактеризовать как пластинчатые изделия. Действительно, наиболее массовые орудия труда — двулезвийные и однолезвийные ножи различных типов, серпы-струги, тесла — выполнены на пластинах (табл. 15). Пластинчатая техника характерна и для женских украшений. Из тонких пластин изготавливали желобчатые браслеты, подвески в полтора оборота, овальные нашивные бляхи, плоские «шумящие» подвески, накладки на наколенники и нагрудники, пронижи и бусы. Отливали только некоторые категории украшений, например, крестовидные подвески, обнаруженные в кургане 1 могильника Графские Развалины и в культурном слое поселения Кулевчи III. На поселениях Южного Зауралья и Северного Казахстана обнаружены одностворчатые глиняные формы для отливки этих предметов.

Зольники петровских слоев насыщены изделиями из кости и камня. Но, как уже неоднократно отмечалось, поселения эпохи бронзы Урало-Иртышского региона многослойны, и отнесение каких-либо предметов к тому или иному периоду функционирования памятника всегда не бесспорно. Особенно это касается орудий труда традиционных форм, бытующих в широком хронологическом диапазоне. Характер их изменения в связи с динамикой развития и вариабельностью хозяйственной деятельности различных обществ бронзового века пока трудноуловим. Остановимся кратко на тех категориях вещей, которые определяют своеобразие петровских комплексов и известны по материалам не только поселений, но и хорошо датированных погребений.

В памятниках петровской культуры часто встречаются каменные наконечники стрел треугольной формы с усеченным основанием (табл. 10,А) и реже черешковые сейменского типа. Это единственные предметы из кремнистых пород, которые, появившись в эпоху неолита, получили широкое распространение в петровских комплексах. Каменные наконечники в урало-казахстанских степях исчезли с исчезновением петровских поселений и могильников. Интересны редкие, но устойчивые находки — каменные булавы с коническими и биконическими отверстиями. Предметы изящны по форме, тщательно отполированы. Особая роль каменных булав несомненна. В закрытых комплексах их находят в составе многочисленного и разнообразного инвентаря богатых погребений (могильники Кенес, Синташта). Постоянно встречаются в петровских могилах единичные бусы из бирюзы.

Особую яркую категорию материальной культуры петровского населения составляют костяные щитковые псалии. Они известны в памятниках всего обширного региона урало-казахстанских степей от Центрального Казахстана до Южного Урала [13; 22, с. 94, 95; 117]. Только с поселений и могильников Петропавловского Приишимья происходят тринадцать экземпляров псалий.

На поселении Петровка II обнаружено четыре псалия, три из которых представляют собой заготовки, сделанные из рога лося. Это свидетельствует об их массовом изготовлении. Псалии, найденные в Петропавловском Приишимье, по форме щитка целесообразно разделить на три типа: прямоугольные, круглые (дисковидные), сегментовидные. Подавляющее большинство изделий имеет шипы, вырезанные из кости вместе с планкой. Форма псалиев зависела прежде всего от материала, из которого изготавливался предмет. Эволюция же шла в одном направлении — к появлению экземпляров с дополнительным торцовым отверстием в щитке, к уменьшению количества шипов и, в конечном счете, к их полному исчезновению.

Завершая краткую характеристику материальной культуры петровских комплексов, необходимо указать, что петровское время связано с окончательным утверждением производящей экономики. Топография поселений богатый вещевой и остеологический материал свидетельствуют о том, что ко второй четверти II тысячелетия до н. э. в степях к востоку от Урала сложились тот тип комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства и тот состав стада, которые еще целое тысячелетие будут определять экономику населения всей бронзовой эпохи. Утверждение производящего хозяйства протекало, видимо, в напряженной борьбе с чуждым в этническом плане населением периферийных областей, проживающим в зоне лесостепь—лес и сохраняющим присваивающую экономику. Не исключено, что враждебные отношения возникали и между отдельными родственными коллективами. Эта борьба нашла отражение в сложной системе оборонительных укреплений петровских поселков и высоком уровне развития боевого колесничества.

Вопрос о происхождении петровской культуры не может быть полностью решен на той источниковедческой базе, которой мы располагаем. Однако несомненно, что сложилась она на местной основе при самом тесном взаимодействии с западными абашевскими и раннесрубными племенами и не без влияния южных земледельческих культур. В качестве основного этнического компонента, вероятно, выступало степное постботайское и постсуртандинское население, материальная культура которого пока изучена очень мало. Памятники энеолитического времени типа Суртанды [92] и Ботая [41] по времени слишком далеко отстоят от петровской эпохи для того, чтобы конкретно проследить их взаимосвязь. Вторым важным компонентом следует считать лесостепное население западно-сибирского круга, оставившее нам памятники вишневого типа [126].

Район формирования раннепетровских племен, по нашим сегодняшним представлениям, связан со степной и лесостепной полосой Южного Зауралья и прилегающих районов Западной Сибири, Западного и Северного Казахстана (в пределах Урало-Ишимского междуречья).

Алакульская культура

В позднепетровское время андроновское население продвинулось на восток почти до Иртыша и на юг до контактной зоны с земледельческими оазисами Средней Азии и Южного Казахстана. Неизменными остались западная и северная границы. На западе она проходила по р. Урал от Северного Прикаспия к Оренбургским степям, затем, обгибая отроги Уральского хребта, шла на северо-восток к среднему течению Исети. Северная граница расселения андроновцев совпадала со стыком двух ландшафтных зон — лесостепи и леса. Именно в этих пределах, занятых позднепетровскими племенами, и формировалась алакульская культура. Она выросла на базе петровской культуры, что привело к появлению многообразных ко-
торые мы называем кулевчинскими. Взаимодействие старого и нового ярко проявляется в керамике, различных категориях вещевого инвентаря, архитектуре поселков, в погребальном обряде. Процесс этот пока не изучен во всей его глубине и многообразии. Однако уже сегодня при характеристике основных черт алакульских памятников можно проследить генетическую взаимосвязь двух культур.

На всей территории андроновской культурно-исторической общности пока нет ни одного полностью исследованного алакульского поселка. Нам известны лишь остатки нескольких сооружений, обнаруженных в основном на многослойных памятниках. Для алакульских жилищ, в отличие от петровских, характерны большие размеры (от 100 до 200 кв. м.). Это жилища полуземляночного типа, имеющие удлиненные прямоугольные котлованы глубиной от 0,6 до 1,3 м. Выходы в них, как правило, угловые, коридорообразные, длиной от 1 до 5 м. Помещения разделены на две части, что хорошо фиксируется по преднамеренно оставленным при строительстве выступам материкового грунта или по четко выраженному ряду столбовых ямок. Иногда одну из частей жилища углубляли относительно другой на 0,4—0,5 м. Количество очагов в помещении — от 1 до 8, они состоят из мелких овальных ям, сочетающихся с каменными выкладками или возвышениями из материковой глины. Интересной особенностью "жилищ поселения Тасты-Бутак, которые относятся, вероятно, к позднеалакульскому времени и переходному кожумбердынскому этапу, является наличие в них колодцев со стенками, укрепленными плетнем из саксаула.

На поселениях лесостепной зоны основным материалом для сооружения жилищ служили березовые бревна. На полах помещений фиксируются до 200 ямок от столбов глубиной от 0,2 до 0,5 м. Каркасом, несущим основную нагрузку, были ряды столбов, вкопанных вдоль стен котлованов, а также два ряда столбов, расположенных параллельно длинным сторонам помещения и разделяющих его на три примерно равные части. Остатки этих

конструкций фиксируются всегда достаточно четко, несмотря на большое количество ямок, следов различных перегородок и ремонта жилищ. Оформление основы стен, вероятно, было различным. Бревна, плетень, камыш с глиняной обмазкой, пласты чернозема, зола — все шло на утепление помещений в суровых условиях континентального климата. Для реконструкции кровли нет достаточных сведений, она могла быть и пирамидальной, и плоской с небольшим уклоном для стока воды. Крупные алакульские полуземлянки с каркасными бревенчатыми конструкциями выявлены в Зауралье на пос. Кулевчи III (жилища 4, 7), в Северном Казахстане на пос. Явленка I (жилища 2, 3) и пос. Петровка I (жилище 1,2).

В строительстве и оформлении жилищ на поселениях Южного Урала и Зауралья широко применялся камень. Из него возводили внутренние перегородки, им ограждали очаги, делали выкладки для различных хозяйственных нужд, из каменных плит сооружали основания стен (пос. Шандаша [83], Ушкатты [5], Тасты-Бутак [119; 120]). Такие постройки отличаются меньшим размером по сравнению с каркасными полуземлянками. Дерево использовалось здесь в ограниченном количестве и в основном только для перекрытий. Перекрытия представляли собой, вероятнее всего, пирамидальный сруб с плоским верхом и были аналогичны конструкциям, восстановленным М. П. Грязновым при исследовании землянок бронзового века у хутора Ляпичева [27]. Возможно, что отмеченные особенности техники сооружения жилищ западного региона объясняются не только ограниченным количеством леса, но и прямым влиянием домостроительных традиций срубной культуры. Планировка алакульских поселков не выявлена. Создается впечатление, что жилища часто возводились парно, плотно примыкая длинными сторонами друг к другу. Таких групп на поселении несколько, и расстояние между ними может быть значительным, достигая многих десятков метров (пос. Петровка II, Явленка I). Оборонительные конструкции, характерные для петровской культуры, исчезли и на всем протяжении бронзового века в изучаемом регионе больше не встречались*.

На обширной территории распространения алакульских памятников вскрыты сотни различных погребальных сооружений: земляные и каменные курганы, прямоугольные и круглые каменные оградки, земляные курганы в сочетании с каменными кольцами, курганы с каменными панцирями и кольцами и т. д. Классификация их и территориально, и хронологически затруднена. Это связано с тем, что могильники вскрываются, как правило, частично. Выбор той или иной конструкции, предназначенной для раскопок, зависит от воли автора. Между тем, на одном погреб-

* Исключение, кажется, представляет городище у с. Черноозерье, содержащее посуду федоровско-бишкульской группы [12].

бальном поле, как правило, сосредоточены надмогильные сооружения различных этапов бронзового века, и до полного вскрытия часто невозможно судить об их хронологии и культурной принадлежности. Сегодня можно наметить только общие тенденции развития погребальных конструкций алакульской культуры.

Для раннего этапа наиболее распространенной является круговая планировка семейного кладбища. В центре располагались одна-две крупные могильные ямы, остальные — по кругу в одно или два кольца. В центральных могилах находятся захоронения мужчин или парные погребения мужчин и женщин, вокруг расположены детские, подростковые и женские погребения. Количество периферийных могил может быть различно — от двух-трех до сорока. Первоначально осваивали южную половину погребальной площадки.

Принцип сооружения раннеалакульских семейных кладбищ был следующим: определялся центр, намечались границы будущего могильного поля и строились центральные погребальные камеры. Затем выбиралось кольцевое канавообразное углубление. Грунт из него использовался в качестве строительного материала при возведении земляных надмогильных конструкций над основными погребениями. Могилы детей и подростков устраивали у основания этих конструкций в кольцевых канавках, что и создавало круговую композицию кладбищ. Подобная планировка хорошо известна по могильникам Южного Урала: Алакульский [112], Кулевчи VI [16, с. 143], Хабарное I, курган 15 [135, с. 137—138]. В западной Сибири это могильники Субботинский [101] и Чистолебяжье [95]. В Северном Казахстане — Семипалатное, Амангельды, курган 6, Улубай [8]. Большая группа погребальных памятников с круговым принципом размещения могил выделяется и в Центральном Казахстане. Среди них могильники Былкылдак [90, с. ИЗ], Бозинген [34], Жаман-Узен II [1, с. ПО].

На среднем и позднем этапах развития алакульской культуры широкое распространение получили курганы и ограды, содержащие по одной могильной яме. Иногда ограды объединяют несколько могил, расположенных в ряд или хаотично. Часто встречаются каменные пристройки с детскими или подростковыми захоронениями к основной ограде. Ориентировка могильных ям в Приуралье тяготеет к широтной [25, с. 187], в Южном Зауралье она нестабильна [111, с. 101]. Особенно велик разноразличия, когда в статистику включаются данные по погребальным комплексам с круговой планировкой. В Центральном Казахстане для могильных ям алакульского (атасуского) времени характерно довольно устойчивое расположение по линии З—В [90, с. 91—154]. Аналогичную ориентировку отражают погребения тазабагыябского варианта Средней Азии [64]. Погребальные камеры различных районов оформлены в виде либо деревянных рам, либо каменных ящиков.

Алакульцы хоронили своих умерших по обряду трупоположения на левом боку в скорченном положении, с согнутыми в локтях руками, кисти рук покойного располагали у лица. Изредка встречаются захоронения на правом боку, особенно в случаях парных разнополюх погребений, в которых мужчина положен на левый бок, а женщина — лицом к нему, на правый. На большей части территории, занятой алакульским населением, преобладает западная ориентировка погребенных с отклонениями в ту или иную сторону. Однако встречаются и такие яркие исключения, как могильник Алексеевский, где умершие положены головой на восток [79, с. 64—65]. На позднем этапе развития алакульского общества в погребальном обряде появились элементы кремации, а в отдельных случаях фиксируются факты полного трупосожжения (могильники Тасты-Бутак I, Кулевчи VI [16, с. 142; 120, с. 53]). У головы, а иногда у груди погребенного обычно помещали один-три сосуда. Оружие и орудия труда в могилах встречаются относительно редко, зато в массе представлены богатые наборы женских украшений. Погребения сопровождаются костями овцы, лошади или коровы. Целые скелеты лошадей встречаются очень редко и отмечены только в памятниках, относящихся к раннему этапу развития культуры. Кости жертвенных животных обычно находят на древней поверхности подкурганых площадок или по краям могильных ям.

Многочисленные орудия из камня и кости, собранные при раскопках из алакульских слоев, представлены изделиями, которые широко распространены в памятниках бронзового века Евразийских степей. Характерные для петровского времени каменные наконечники стрел с усеченным основанием и каменные булавы встречаются в алакульских комплексах как исключение. Костяные щитковые псалии продолжали бытовать, однако они заметно видоизменились, и количество их находок резко сократилось. У алакульских щитковых псалиев исчезли шипы и появилось боковое отверстие, которое расположено перпендикулярно центральному. В нижней части планки на ряде экземпляров оформился цилиндрический выступ с фиксаторами (могильник Алакульский, курган 13; могильник Новоникольское, курган 5). Алакульские псалии отличаются изяществом, они более тонки, но, вероятно, и менее прочны. Изделия часто украшали геометрическими орнаментами. Особенно поражает сложностью и тонкостью рисунка экземпляр из могильника Новоникольское в Северном Казахстане (табл. 10, Б).

Исчезновение погребений со скелетами лошадей и с остатками колес, единичность находок щитковых псалиев, появление среди них богатых парадных, но непрактичных образцов — все это, по нашему мнению, свидетельствует об упадке колесничества. Вероятно, уже в позднем алакуле воин-колесничий окончательно утратил свое значение и уступил место воину-всаднику с особой спецификой уздечного набора и псалиями в виде стержня.

Алакульская эпоха по сравнению с предыдущей петровской — период довольно стабильного развития андроновского общества. Однако где-то во второй половине XVI в. до н. э. — на рубеже XIV—XIII вв. до н. э. в его экономической и социальной жизни произошли резкие изменения, которые вызвали активные перемещения человеческих коллективов. В конечном итоге эти процессы привели к сложению в урало-казахстанских степях новой федоровской культуры, а в смежных районах — ряда культур андронидного облика.

Федоровская культура

Во второй половине XIV — начале XIII вв до н. э. население андроновской культурно-исторической общности значительно расширило свою территорию. Если алакульские общины обитали в степной и лесостепной полосе между Уральским хребтом и левобережьем Иртыша, то федоровцы осваивали новые земли, продвигаясь далеко на восток, вплоть до правобережных притоков Енисея. Значительно изменились и северные границы культурной общности. Федоровцы проникли в пределы нынешней таежной зоны по бассейнам Иртыша и Тобола. Огромное влияние они оказали на соседнее северо-восточное население пограничной зоны лесостепь — лес, где развивались андронидные сузгунская и еловская культуры. На северо-западе мощный андроновский импульс определил специфику сложения черкаскульской культуры.

На южных границах общности отдельные памятники алакульского (тазабагъябского) типа сменил пласт федоровских поселений и могильников. Федоровские памятники известны в районе хребта *Каратау*, в бассейнах рек Чу и Или, в горных долинах Северного Тянь-Шаня, вблизи земледельческих оазисов Средней Азии. В федоровское время сократились только юго-западные границы андроновской культурно-исторической общности. Традиционные районы Приуралья и юго-восточного Зауралья, тесно связанные со становлением и развитием петровских и алакульских общин, теперь заняли срубные племена, продвинувшиеся сюда с Поволжья. Степные памятники федоровской культуры Зауралья известны только по притокам р. Тобол, берущим начало в Уральских горах. Из речных долин, составляющих бассейн р. Урал, андроновцы были вытеснены срубными племенами. Классические федоровские памятники в Оренбуржье, Орско-Актюбинском районе и предгорьях Мугоджар отсутствуют. Западной границей федоровской культуры в срединных степях Казахстана стала *Тургайская ложбина*.

На всей территории обитания федоровских племен археологические памятники располагаются далеко не сплошным массивом. Районирование поселений и могильников заметно изменилось по сравнению с предыдущей алакульской эпохой. В целом количе-

ство памятников и районов обитания на территории урало-казахстанских степей сократилось, что, безусловно, связано с дальнейшей аридизацией климата и сокращением экологических ниш, удобных для обитания человеческих коллективов. Значительная часть жилых площадок, освоенных в петровско-алакульскую эпоху, перестала функционировать, однако места с наиболее благоприятными условиями обживались необычайно активно и эксплуатировались в течение длительного отрезка времени. Несомненно, максимально удобными для ведения комплексного хозяйства в последней трети II тысячелетия до н. э. были районы таких крупных поселений, как Язево и Алексеевское (в Притоболье), Новоникольское I и Карлуга II (в Северном Казахстане), Атасу (в глубинных степях Сары-Арки).

Одна из наиболее значительных групп федоровских памятников связана с Центральным Казахстаном. Поселения и могильники сосредоточены здесь по микрорайонам в плодородных горных долинах, в которых произрастала довольно богатая древесная и луговая растительность. Оазисы среди сухих каменистых полупустынь возникали в местах выхода грунтовых вод. Археологические памятники, расположенные в таких микроландшафтах, отличаются наибольшей долговременностью. Площади поселений достигают здесь 20—40 тыс. кв. м, а погребальные поля включают сотни надмогильных сооружений [69, с. 134—136; 90, с. 71—91; 204—219]. Федоровские памятники, обнаруженные в Центральном Казахстане, наиболее разнообразны. Кроме поселений и могильников здесь сосредоточены многочисленные рудники, остатки древних оросительных систем, менгиры и каменные жертвенные круги.

Федоровские памятники к востоку от Иртыша известны в основном по материалам могильников. Количество поселений здесь по сравнению с западными районами относительно невелико, а культурные слои слабо выражены и отличаются плохой сохранностью. Эти обстоятельства, а также удивительное единобразие погребальных обрядов и вещевого инвентаря свидетельствуют о кратковременности пребывания федоровского населения в Южной и Западной Сибири [86 с. 46—53; 93, с. 3—10]. Домостроительство и планировка поселков федоровской культуры изучены плохо. Как правило, федоровские жилые площадки полностью перекрываются мощными напластованиями, содержащими валиковую керамику. Крупные глубокие котлованы жилищ заключительного этапа бронзового века обычно полностью изменяют планировку ранних поселков и уничтожают остатки предыдущих архитектурных сооружений.

На основе имеющегося в нашем распоряжении материала можно выделить две тенденции в развитии домостроения федоровской культуры: возведение небольших каркасных наземных построек и крупных прямоугольных сооружений полужемляночного типа. Ярким образцом облегченной каркасной конструкции)

является сооружение, исследованное на однослойном поселении Бишкуль IV в Петропавловском Приишимье [49, с. 124—125]. Оно имело форму неправильного квадрата с сильно закругленными углами. Сохранилась часть помещения площадью 140 кв. м. Котлован только подрезал погребенную почву и почти не углублен в материк. В северной части сооружения прослеживается короткий коридорообразный выход. Основу каркаса составляли столбовые конструкции: на полу помещения обнаружено более 60 ямок. В отличие от собственно алакульских жилищ, количество ямок вдоль границ котлована федоровских строений незначительно. Основная их масса расположена вокруг центральной площадки помещения. В средней части жилища обнаружены два очага и обугленная бревенчатая рама размером 1,3X1,8 м. По расположению рамы можно предположить, что она была центральной конструкцией перекрытия, рухнувшего во время пожара. Стены такого сооружения не могли быть вертикальными. Их образовывали, вероятно, наклонно поставленные плахи или бревна, нижний конец которых устанавливался на край котлована, а верхний укладывался на прямоугольную бревенчатую раму, поддерживаемую рядом столбов, отстоящих на 1,5—2 м от внутренних границ помещения. Здесь же лежали и концы плах перекрытия. Верхняя часть крыши опиралась на центральную раму малых размеров, которая располагалась над очагом. Такое жилище имело пирамидальную форму, стенки его для утепления подсыпали золой и, вероятно, обкладывали шкурами животных. Вариантом описанной конструкции следует считать жилища поселения Черноозерье, исследованное в Западной Сибири В. П. Викторovým и В. А. Борзуновым [12]. Подобное же устройство имеет жилище верхнего горизонта поселения Усть-Нарым в Восточном Казахстане, описанное С. С. Черниковым [143, с. 35—36, 218]. Оно содержало керамику, аналогичную посуде поселения Канай, хорошо соотносящуюся с поселенческими керамическими комплексами федоровской культуры Зауралья, Северного и Центрального Казахстана.

Вторая тенденция в развитии домостроения федоровской культуры продолжает алакульские традиции. Крупные прямоугольные сооружения полуземляночного типа известны на поселениях Новоникольское I (жилище 4) и Атасу, где выделен особый горизонт прямоугольных домов [69, с. 137]. Площадь федоровских нуринских построек на Атасу составляет от 150 до 200 кв. м. Характерной их особенностью является выраженное функциональное назначение, среди сооружений выделены «дом земледельца» и «дом гончара». В отдельных постройках зафиксированы уникальные по сохранности металлические печи с остатками бронзолитейного производства. Наряду с крупными полуземлянками на поселении Атасу функционировали и легкие каркасные сооружения наземного типа.

Федоровские могильники представляют собой компактные

группы курганов и оград, расположенные на мысах или возвышенных участках береговых террас. В целом они имеют более свободную планировку на могильном поле по сравнению с предельно плотным размещением алакульских курганов. Иногда федоровские погребальные конструкции из компактной группы переходят в цепочку, вытянутую вдоль берега реки. Надмогильные сооружения обычно состоят из невысокой насыпи (0,2—0,5 м), по основанию которой проходит круглая или четырехугольная ограда. Последняя состоит из плит, вертикально врытых в грунт или уложенных плашмя на древнюю поверхность. Встречаются и бескурганые захоронения, состоящие из одних каменных оград. На Южном Урале и в Центральном Казахстане рядом с надмогильными сооружениями иногда стоят крупные камни-менгиры (могильники Приплодный Лог, Путиловская Займка). В могильниках группы Бугулы почти у каждого погребения находилась каменная плита, ориентированная плоскостью по линии В—З [90, с. 63, 64, 73—78].

В Северном Казахстане, в пределах Западно-Сибирской низменности, на Оби и в ряде других районов, где камень как строительный материал отсутствует, федоровские курганы повсеместно представлены земляными холмами без оград. В восточных районах встречаются грунтовые могильники [93, с. 29]. В Южном/Зауралье, в районах Казахского мелкосопочника и в степях! Сары-Арки фиксируются двоякие круглые ограды, состоящие из колец, вписанных друг в друга. Иногда внутренние кольца сочетаются с прямоугольными выкладками. На поздних этапах развития федоровской культуры появились более сложные каменные конструкции со входами — «коридорами», обводными галереями и т. д. В пределах каменной ограды расположена обычно одна, реже две могильные ямы. Глубина ям не более 1 м, размеры, как и в алакульское время, соответствуют возрасту умершего. Ориентировка могильных ям по всем регионам распространения федоровской культуры характеризуется значительной устойчивостью и колеблется в пределах основного направления З—В. Погребальные камеры оформлены по-прежнему деревянной обкладкой, примитивными срубами или каменными ящиками. Отличительной чертой федоровских памятников Центрального Казахстана является широкое распространение цист — своеобразных склепов, облицованных горизонтально уложенными плитками камня [4, с. 36].

Начало федоровской эпохи ознаменовалось значительным изменением металлического инвентаря. При этом прослеживается прямая преемственность между алакульскими и федоровскими металлическими изделиями. По-прежнему широкое распространение имели ножи с выемкой, которые правомерно определить как кинжалы. Однако длина их лезвия увеличилась, а выемка переместилась от лезвийной части клинка к рукояти. Эволюция серпов шла в направлении увеличения изгиба лезвия и выделе-

ния рукояти. На гладко-вислообушных топорах раннеалакульского времени появились новые морфологические признаки — валиковые утолщения на стенках проушных отверстий. К началу федоровского времени фактически исчезли пластинчатые изделия. Усложнение технологических приемов отразилось не только на орудиях труда, но и на металлических украшениях. В федоровских как ли-

и тые браслеты с рожками, литые серьги с раструбом, бляшки с петелькой [2, с. 11, 23]. " "

На федоровских поселениях, по сравнению с предыдущей алакульской эпохой, увеличилось количество костяных изделий, связанных с обработкой кожи. Вероятно, это свидетельствует о возрастании роли скотоводства в комплексном хозяйстве андроновских коллективов. Впервые широкое распространение получили стержневые костяные роговые псалии (пос. Атасу, Карлуга и др.). На некоторых экземплярах (табл. 10, В) сохранились архаические черты — изделия имеют два отверстия, а у одного из оснований — цилиндрический выступ, напоминающий завершение планки алакульского псалия с круглым щитком.

В первой половине XII в. до н. э. произошло перерастание федоровских комплексов и ряда соседних андроновидных культур в культуру валиковой керамики. На Енисее и Оби существование федоровских памятников было особенно кратковременным. Федоровские племена здесь были или вытеснены, или вошли в состав карасукского населения. Одна из форм тесного взаимодействия карасукских и позднефедоровских элементов привела к сложению в Восточном и Центральном Казахстане оригинальной бегазы-дандыбаевской культуры. В Западной Сибири активное наложение карасука на андроновский пласт способствовало оформлению ирменской культуры. На Среднем Урале на основе черкаскульских памятников сформировалась межовская культура, в Средней Азии на почве позднефедоровских — амирабатских. На огромной территории урало-казахстанских степей оформились своеобразные памятники саргаринского типа.

Межовскую, саргаринско-алексеевскую, амирабатскую, ирменскую и бегазы-дандыбаевскую культуры целесообразно объединить в рамках заключительного этапа андроновской культурно-исторической общности, поскольку основу их сложения и развития в целом, несмотря на различные инокультурные влияния и включения, определял андроновский культурный компонент. Одним из отличительных признаков памятников финального этапа стала керамика с валиком. Все перечисленные выше культуры обнаруживают определенное сходство с культурными образованиями, которые сформировались в позднем бронзовом веке на базе срубной культуры. Это сходство, возникшее под влиянием различных факторов социально-экономического и этнокультурного порядка, является основанием для объединения культур валиковой керамики Евразийских степей в единую куль-

турно-историческую область. Различные аспекты отмеченного единства уже нашли отражение в специальной литературе у различных авторов [58, с. 16; 147].

Период конца бронзового века изучен в пределах андроновской культурной общности неравномерно. Памятники с валиковой посудой, преимущественно поселения, известны в Приаралье [65, с. 147—210], Восточном [143, с. 52—61, 98—102], Центральном [91] и Северном Казахстане [58]. Отдельные находки свидетельствуют об их распространении в Западном Казахстане [17; 25, рис. 20, 3]. Однако культурная атрибуция этих материалов только разрабатывается, поэтому кратко остановимся только на одном, наиболее изученном и глубинном регионе андроновского мира — Северном Казахстане, где недавно была выделена саргаринская (саргаринско-алексеевская) культура.

В настоящее время в Северном Казахстане известно 47 поселений и 1 могильник заключительного этапа бронзового века, на 15 памятниках проведены стационарные исследования. Культура занимала лесостепную и степную зоны Тоболо-Ишимского междуречья [58]. Исследования последних лет убедительно свидетельствуют о единокультурности северо-казахстанских и синхронных им центрально-казахстанских памятников, представленных в настоящее время поселениями и отдельными находками в могильниках [91]. Две эти группы памятников на данном этапе исследования разделяет слабо изученная полоса шириной около 200 км. Решение вопроса о локальных различиях северо-казахстанских и центрально-казахстанских памятников потребует дальнейших полевых и лабораторных исследований.

Большинство поселений саргаринско-алексеевской культуры связано с традиционными, давно обжитыми площадками на первых надпойменных террасах, на которых обитали различные племена бронзового века. На многослойных поселениях слои саргаринской культуры завершили стратиграфическую колонку напластований. В настоящее время известны только два однослойных поселения — Саргары и Петровка IV, материалы которых стали основой для выделения культуры заключительного этапа бронзового века.

Анализ материалов стационарных и разведочных обследований показывает, что поселения саргаринско-алексеевской культуры четко разделяются по своим размерам на две группы — крупные, площадью 10—30 тыс. кв. м (Новоникольское I, Саргары, Коньсбай), и мелкие, площадь которых не превышает 1000 кв. м. На поселениях первой группы насчитывается от 10 до 20 впадин от жилищных котлованов, на поселениях второй группы фиксируется обычно три-четыре впадины (Петровка III, Владимиро-Борисовка I). В некоторых случаях небольшие поселения саргаринской культуры отмечены только подъемным материалом, происходящим из очень тонких культурных слоев. Выявлено три основных типа планировки поселков саргаринской

культуры. В первом случае жилища располагаются вдоль кромки берега в один-два ряда. При этом расстояние между постройками может быть различным. Во втором случае планировка вдоль линии берега сочетается с планировкой жилищ по кругу (Новоникольское I, Виноградовка VI). Жилища расположены здесь недалеко друг от друга и опоясывают площадки размером 500—800 кв. м. Третий тип планировки — сплошная застройка. На поселении Саргары, которое является наиболее характерным памятником с такой планировкой, 16 сооружений расположены компактно на расстоянии 0,5—3 м друг от друга [57, с. 35—37]. Системой проходов они соединены в две группы.

На поселениях саргаринской культуры Северного Казахстана исследовано 44 постройки. По форме, глубине котлованов и внутреннему устройству они разделены на четыре типа. К первому отнесены крупные полуземляночные жилища прямоугольной удлиненной формы площадью 200—400 кв. м и глубиной 0,7—1,5 м (табл. 10, Г). Постройки имеют от двух до пяти коридорообразных выходов или переходов в другие жилища. Внутри помещений обнаружено от одного до семи очагов. Постройки II типа характеризуются аналогичными признаками, но имеют квадратную форму, что существенно отражается на их конструкции и интерьере. Сооружения I и II типов представляют собой сложный жилой и хозяйственный комплекс без четкого изолированного разделения жилых и производственных площадей. К III типу относятся овальные и округлые в плане наземные постройки хозяйственного назначения площадью 90—160 кв. м. Они имеют по одному выходу в виде короткого тамбура или проема. В отдельный тип выделены многоугольные сооружения. Постройка 2 пос. Саргары, отнесенная к этому типу, обращает на себя особое внимание. Наличие жертвенных комплексов в полу сооружения, отсутствие в заполнении котлована керамики, орудий труда и других свидетельств постоянного обитания человека подчеркивает его особую, вероятно, культовую роль на поселении.

Богатый материал для реконструкции жилищ и поселка в целом происходит с поселения Саргары. Все постройки — каркасные. Их основу составляет система из нескольких рядов столбов высотой около 3 м, на которые опираются кровля и стены. Крайние ряды столбов впущены в котлован и расположены в 0,5—0,75 м от его краев. Стены жилищ наклонные, а кровля в зависимости от формы котлована плоская или усеченно-пирамидальная. Края котлована укреплены плетнем или каменной облицовкой, в них устроены ниши и хозяйственные ямы. Пол в жилищах утрамбован или обмазан глиной. Остатки очагов фиксируются в виде пятен прокала, а также развалов глины и камня. Встречаются очаги в канавках длиной до 3 м, забутованных камнем.

Материал по погребальному обряду ограничен данными Саргаринского могильника и отдельных погребений: ограда 1, могильник Ёоровое; курган 3, могильник Ак-куль [100]; погребение

ние 2, могильник Новоникольское. Могильник Саргары исследован полностью. Это единственный погребальный памятник культуры. На погребальном поле площадью более 7000 кв. м без определенной закономерности разбросаны 32 могильные ямы. В древности большинство погребений было отмечено на поверхности каменными конструкциями, которые в настоящее время не фиксируются. Значительная часть ям ограблена, однако с полной уверенностью можно говорить о том, что это единственный комплекс, отражающий сложные идеологические представления саргаринского общества. В одиннадцати ямах могильника были обнаружены остатки погребенных, сопровождаемые саргаринской керамикой. В остальных зафиксированы костяки без инвентаря или керамика без следов погребенных. Часть ям не содержала материальных остатков вообще, некоторые из них имели золистое или углистое заполнение.

Преобладающим видом надмогильной конструкции является каменная ограда круглой или квадратной формы, сооруженная из одного-двух рядов плит, уложенных плашмя (табл. 10, Г). Встречаются каменные набросы-панцири из плоских плит. Размеры каменных конструкций 3—4 м в поперечнике. Могильные ямы имеют в основном овальную форму. Размеры ям 1,2—2,4×0,7—1,7, глубина 0,7—1,3 м, ориентировка — неустойчивая. Две ямы содержали каменные ящики, в двух обнаружена частичная обкладка стенок. Положение скелета зафиксировано в восьми погребениях. Умершие захоронены в скорченном положении, в пяти случаях — на правом боку, в трех — на левом. Руки их согнуты в локтях так, что кисти рук находятся у лица или на уровне груди. Ноги обычно скрещены. Ориентировка погребенных неустойчивая.

Материальная культура заключительного этапа бронзового века характеризуется многочисленными изделиями из металла, камня, кости. Металлообработка в конце эпохи бронзы явно переживала кризис. Это выразилось, с одной стороны, в сокращении производства металлических изделий (на поселении Саргары на площади 6500 кв. м обнаружено только около 40 бронзовых изделий, включая капли и всплески, а в двух жилищах поселения Петровка IV вообще отсутствуют следы металлургического производства), с другой стороны, в образовании многочисленных кладов, которые выявлены на периферии андроновского культурного ареала [73; 84; 97]. В саргаринско-алексеевскую I эпоху получили распространение двухлопастные втульчатые лавролистные наконечники стрел предскифского и раннескифского времени. Вошли в обиход однолезвийные ножи без выделенной рукояти с кольцевым навершием. Широко бытовали тесла с уступом, косари, двулезвийные ножи с кольцевым упором, втульчатые желобчатые долота, однолезвийные ножи с выделенной рукоятью и т. д. Каменные орудия многочисленны и разнообразны: зернотерки, терочки, песты, колотушки, молоты, топоры, шлифоваль-

ные плиты, лошила, пращевые камни и другие поделки. Среди изделий из кости много тупиков и рукоятей для металлических орудий.

Мы кратко описали культуры андроновской общности, уделяя особое внимание глубинным степным районам, в которых менее всего проявилось влияние неандроновских культурных образований. В срединном регионе урало-казахстанских степей все инкультурные влияния и включения растворялись в мощном этнокультурном андроновском массиве, и развитие общества определялось здесь прежде всего внутренней динамикой, а не внешними импульсами. Представленные выше культуры генетически связаны между собой и являются культурно-хронологическими этапами развития андроновской общности. Петровская культура сформировалась, вероятно, на базе местных степных общин ботайско-суртандинского круга, включив в себя значительный пласт населения лесостепной полосы Западной Сибири. Сложение петровской культуры протекало при тесном взаимодействии со степными культурами Европейской части СССР и контактах с земледельцами Средней Азии.

Петровская культура на протяжении своего развития претерпела значительные изменения и в XV в. до н. э. постепенно переросла в культуру алакульскую, что сопровождалось появлением целого ряда памятников переходного типа, которые мы называем кулевчинскими. Динамика трансформации петровских комплексов в алакульские выражалась в изменении формы сосудов, технологии их изготовления и орнаментации. Сосуды становились более стройными, шейка их удлинялась, острое ребро постепенно переходило в уступ. Алакульцы наследовали от петровчан многие элементы погребального обряда, в том числе круговую планировку семейных кладбищ.

Различие в технике строительства жилищ не нарушает нашего представления о генетической взаимосвязи петровской и алакульской культур. Уже в позднепетровское время социально-экономические процессы, происходящие в обществе, требовали создания все более и более крупных жилищ. Размеры срубов, ограниченные длиной бревен, не могли предоставить необходимой жилой и хозяйственной площади, перекрытой кровлей. На поселениях стали появляться длинные постройки, состоящие из двух срубов, приставленных торцами друг к другу. По сравнению с ранними конструкциями жилища увеличились по площади в четыре раза, вероятно, они объединяли четыре сруба (жилище 4, поселение Кулевчи III) [14, с. 95]. Таким образом, традиционное петровское жилище малых размеров, характерное для раннего и среднего этапов развития культуры, стало исходной мерой домостроения кулевчинского этапа. Однако нерациональность техники срубов при создании значительных по площади жилых и хозяйственных построек стала очевидной. В конечном итоге приемы строительства резко изменились — срубы уступили место каркас-

ным постройкам. Динамика изменения величины жилищ и строительных приемов прослеживается на всех известных нам поселениях петровско-алакульского времени (Петровка II, Кулевчи III, Новоникольское I).

Культура сформировалась на основе алакульской. Переходные комплексы кожумбердынского (амангельдинского) типа, в которых сочетаются алакульские и федоровские черты, широко распространены по всей территории, освоенной андроновцами к концу XIV в. Они отражают не сосуществование, а генетическую взаимообусловленность двух культур, сменяющих друг друга во времени. Широко известна посуда амангельдинского типа — горшки с уступчатым плечом, с пышной геометрической орнаментацией. Большая консервативность технологии изготовления посуды, а, следовательно, и ее формы по сравнению с орнаментацией фиксируется на многочисленных материалах различных районов от Приуралья до казахстанских степей [6, с. 70; 79, с. 147—149]. Сочетание федоровских и алакульских черт в керамике отмечают и исследователи Сибири [93, с. 44]. Прямым преемником алакульских гончарных традиций является посуда бишкульской подгруппы — поселенческая керамика федоровской культуры.

Трупосожжение как особая форма погребального обряда возникло еще в позднеалакульское время: исследователи отмечают следы огня на костных остатках умерших. На кожумбердынском этапе распространились погребальные комплексы, в которых сочетаются обряды кремации и ингумации [136]. От алакульской погребальной обрядности федоровцы унаследовали формы могильных ям, их размеры и ориентировку. Интересно, что даже при устойчивом обряде трупосожжения федоровцы отдавали дань более древнему обычаю ингумации, помещая в могилу не только пепел сожженного, но и куклу, изображающую покойника в его одежде и украшениях. Такие факты неоднократно отмечал М. П. Грязное для Сибири. Убедительный материал о расположении куклы в погребальной камере был получен в Южном Зауралье при исследовании могильника Кулевчи VI. В восточных и Казахстана и в Сибири обряд трупосожжения не стал господствующим. Чем дальше на восток, тем реже встречается кремация. Вероятно, это связано с соотношением традиционного и нового в жизни общества. Чем дальше отрывается какая-либо группа населения от традиционной территории обитания, попадая в инородное окружение, тем устойчивее ее традиции, тем чаще она возвращается к старым, более древним нормам и обычаям. Культурная преемственность алакуль—федорово прослеживается и в архитектуре. Она проявилась в сооружении крупных полуземлянок. В позднем алакуле появились те легкие каркасные жилища наземного типа (жилище I, поселение Кулевчи III), которые стали характерными для федоровской эпохи.

Новые материалы по андроновской проблематике свидетель-

ствуют о неразрывной связи федоровских комплексов с культурами валиковой керамики. Истоки керамики саргаринского типа очень трудно найти в классической федоровской посуде из погребений. Зато близость всего набора саргаринско-алексеевских сосудов посуде бишульской подгруппы несомненна. Она прослеживается и в общих пропорциях керамических изделий, и в орнаментации. Валики впервые появились на федоровской керамике (поселения Дуван [76], Явленка [44] и др.) и стали основным украшением сосудов заключительного этапа бронзового века. Саргаринские жилые и хозяйственные постройки явились дальнейшим развитием федоровского домостроения. В формировании культуры валиковой керамики заключительного этапа эпохи бронзы приняли участие многие компоненты. Однако ведущим пластом был федоровский, и это в конечном итоге обусловило социальное-экономическое и культурное развитие всего региона.

Специфику андроновской культуры во многом определяет комплексное хозяйство, которое сложилось в петровскую эпоху. С исследованных памятников андроновской культурно-исторической общности происходит значительный материал, позволяющий судить об основных направлениях хозяйственной деятельности населения. Источниками для реконструкции экономики этого времени являются данные по топографии поселений, разнообразные орудия труда, остатки ирригационных сооружений и остеологические коллекции. Ведущей формой хозяйственной деятельности на протяжении всей истории андроновской общности являлось скотоводство. Еще в петровскую эпоху сложился трехкомпонентный состав стада (крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот и лошадь). Что касается процентного соотношения различных животных в стаде, то оно не было неизменным ни в хронологическом, ни в территориальном отношении. Население северных, приближенных к лесу районов общности занималось также свиноводством. В южных районах заметное место в стаде отводилось мелкому рогатому скоту. В целом динамика развития скотоводческого хозяйства состояла в увеличении роли животных, способных к самостоятельному добыванию корма и свободному выпасу, — мелкого рогатого скота и особенно лошади. В петровскую эпоху лошадь играла важную роль в военном деле, о чем свидетельствуют материалы многочисленных погребений. На мясо лошадь забивалась, вероятно, в исключительных случаях. На памятниках петровской культуры количество лошадей в стаде составило от 4 до 12% (поселения Мирный III, Мирный IV, Петровка), а по остеологическим материалам поселений заключительного этапа бронзового века удельный вес лошади достиг 30—36% [59]. Уже на ранних этапах существования андроновской общности скотоводство носило довольно подвижный, отгонный характер, о чем свидетельствуют долговременные поселки петровской и алакульской культур.

Земледелие было стабильной, хотя и менее продуктивной, чем скотоводство, отраслью хозяйственной деятельности населения андроновской общности. Все поселения расположены вблизи удобных для земледелия пойменных участков или выходов ключей и ручьев. О форме земледельческого хозяйства непосредственных сведений нет. Однако довольно многочисленные находки орудий вторичной обработки почвы позволяют предположить существование примитивного пашенного земледелия, которое базировалось на лиманном орошении. Охота и рыболовство в хозяйстве населения андроновской общности играли незначительную роль.

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ, ИССЛЕДОВАННЫЕ СКАЭ-УКАЭ В 1966-1987 г.

№ по карте	Наименование памятника	Область, район, населенный пункт	Водоём	Год исследован
1	2	3	4	5
1	Городище Аркаим	Челябинская область, Брединский район, с. Александровка	р. Караганка	1987
2	Могильник у с. Александровка	Челябинская область, Брединский район, с. Александровка	р. Караганка	1987
3	Поселение Черкасы	Челябинская область, Кизильский район, с. Черкасы	р. Караганка	1987
4	Поселение Синташты	Челябинская область, Брединский район, пос. Рымникский	р. Синташты	1983 1984 1985
5	Могильник Синташты	Челябинская область, Брединский район, с. Рымникское	р. Синташты	1983 1984
6	Поселение Берсуат	Челябинская область, Брединский район, с. Степное	р. Берсуат	1977
7	Могильник Берсуат	Челябинская область, Брединский район, с. Степное	р. Берсуат	1977
8	Могильник Путиловская Заимка	Челябинская область, Троицкий район, с. Степное	р. Уй	1981 1982
9	Менгир у с. Степное	Челябинская область, Троицкий район, с. Степное	р. Уй	1982
10	Могильник Приплодный Лог	Челябинская область, Троицкий район, с. Подгорное	р. Уй	1978
11	Могильник Каменка	Челябинская область, Троицкий район, с. Каменка	р. Уй	1986
12	Могильник Кесене	Челябинская область, Варненский район, с. Варна	оз. Кесене	1983 1984
13	Поселение Городищенское III	Челябинская область, Варненский район, с. Городищенское	р. Карагайлы-Аят	1980
14	Поселение Кара-Оба	Челябинская область, Варненский район, с. Кулевчи	р. Карагайлы-Аят	1980

1	2	3	4	5
15	Поселение Кулевчи III	Челябинская область, Варненский район, с. Кулевчи	р. Караталы-Аят	1978 1979 1980
17	Могильник Кулевчи VI	Челябинская область, Варненский район, с. Кулевчи	р. Караталы-Аят	1979 1980
17	Поселение Кулевчи IV	Челябинская область, Варненский район, с. Кулевчи	р. Караталы-Аят	1980
18	Курган у Змеиной Горки	Челябинская область, Варненский район, с. Владимировка	р. Арчаглы-Аят	1985
19	Курган Соколок	Челябинская область, Варненский район, с. Николаевка	р. Аят	1984
20	Могильник Николаевка	Челябинская область, Чесменский район, с. Климовка	р. Аят	1984
21	Могильник Соколовка	Северо-Казахстанская область, Соколовский район, с. Соколовка	р. Ишим	1978
22	Поселение Вишневка I	Северо-Казахстанская область, г. Петропавловск, с. Вишневка	р. Ишим	1970 1981
23	Поселение Бишкуль I	Северо-Казахстанская область, Ленинский район, с. Бишкуль	оз. Бишкуль	1967
24	Поселение Бишкуль IV	Северо-Казахстанская область, г. Петропавловск	р. Ишим	1970
25	Могильник Семипалатное	Северо-Казахстанская область, Ленинский район, с. Семипалатное	р. Ишим	1969
26	Поселение Боголюбово I	Северо-Казахстанская область, Бишкульский район, с. Боголюбово	р. Ишим	1970
27	Поселение Новоникольское I	Северо-Казахстанская область, Ленинский район, с. Новоникольское	р. Ишим	1969 1970 1971 1977
28	Могильник у с. Новоникольское	Северо-Казахстанская область, Бишкульский район, с. Новоникольское	р. Ишим	1977
29	Поселение Карлуга II	Северо-Казахстанская область, Бишкульский район, с. Карлуга	р. Ишим	1980

1	2	3	4	5
30	Поселение Явленка I	Северо-Казахстанская область, Ленинский район, с. Явленка	р. Ишим	1967
31	Могильник Амангельды I	Северо-Казахстанская область, Ленинский район, с-з Амангельды	р. Ишим	1968 1969
32	Могильник Петровка	Северо-Казахстанская область, Ленинский район, с. Петровка	р. Ишим	1970 1968
33	Поселение Петровка I	Северо-Казахстанская область, Ленинский район, с. Петровка	р. Ишим	1985 1985
34	Поселение Петровка II	Северо-Казахстанская область, Ленинский район, с. Петровка	р. Ишим	1971 1976 1981 1972
35	Поселение Петровка III	Северо-Казахстанская область, Ленинский район, с. Петровка	р. Ишим	
36	Поселение Петровка IV	Северо-Казахстанская область, Ленинский район, с. Петровка	р. Ишим	1976 1977
37	Поселение Петровка V	Северо-Казахстанская область, Ленинский район, с. Петровка	р. Ишим	1985
38	Могильник Кенес	Северо-Казахстанская область, Сергеевский район, с. Кенес	р. Ишим	1974 1975 1979
39	Могильник Берлик II	Северо-Казахстанская область, Сергеевский район, с. Берлик	р. Ишим	1979 1981 1983 1980
40	Могильник Аксайман	Северо-Казахстанская область, Сергеевский район, с. Берлик	р. Ишим	1981
41	Могильник Бурлук I	Северо-Казахстанская область, Сергеевский район, д. Коноваловка	р. Ишим	1967 1968
42	Могильник Алыпкаш	Северо-Казахстанская область, Сергеевский район, с-з Афанасьевский	р. Ишим	1974 1975 1976
43	Могильник Графские Развалины	Северо-Казахстанская область, Сергеевский район, с. Двойники	р. Ишим	1980 1982 1983 1980
44	Могильник Бектениз	Северо-Казахстанская область, Сергеевский район, с. Двойники	р. Ишим	

1	2	3	4	5
45	Могильник в урочище Улубай	Северо-Казахстанская область, Сергеевский район, с. Двойники	р. Ишим	1977
46	Могильник Аксуат	Кустанайская область, Наурзумский район, с. Старый Наурзум	оз. Аксуат	1985
47	Поселение Якши-Янгизтау	Кокчетавская область, Арык-Балыкский район, с. Акан-Бурлук	оз. Якши-Янгизтау	1980
48	Могильник Куропаткино II	Кокчетавская область, Красноармейский район, с. Кусепское	р. Чаглинка	1971 1972
49	Могильник Жабай-Покровка	Целиноградская область, Атбасарский район, с. Покровка	р. Жабай	1973 1974 1975
50	Курганы на р Жабай	Целиноградская область, Атбасарский район, с. Покровка	р. Жабай	1972 1973 1976
51	Каменный ящик у с. Жабай-Покровка	Целиноградская область, Атбасарский район, с. Покровка	р. Жабай	
52	Поселение Жабай-Покровка II	Целиноградская область, Атбасарский район, с. Покровка	р. Жабай	1972
53	Поселение Саргары	Целиноградская область, Атбасарский район, с. Покровка	р. Жабай	1972 1973 1974
54	Могильник Саргары II	Целиноградская область, Атбасарский район, с. Покровка	р. Жабай	1974 1975 1976 1982
55	Поселение Родионовка	Целиноградская область, Атбасарский район, с. Родионовка	р. Ишим	
56	Поселение Павловка	Кокчетавская область, Зерендинский район, с. Павловка	р. Чаглинка	1983
57	Могильник Павловка	Кокчетавская область, Зерендинский район, с. Павловка	р. Чаглинка	1983
58	Поселение Виноградовка VI	Кокчетавская область, Красноармейский район, с. Виноградовка	р. Балга-Карасу	1971
59	Поселение Баландино	Тюменская область, Казанский район, с. Баландино	р. Ишим	1984

Вид кровельного покрытия	Группы керамич. элемента	Петровская		Амальгуская		Амальгуская		Серебряно-Александровская	
		кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
1	ВОРОТИНКА								
2	ВАЛИК							33	9,0
3	XXXXX							105	30,0
4				5	3,0			129	36,0
5	XXXX			1	0,5				
6	XXXX			2	1,0				
7	XXXX			1	0,5				
8	XXXX			1	0,5				
9	XXXX			1	0,5				
10	XXXX			2	1,0				
11	XXXX			1	0,5				
12	XXXX			4	3,0				
13	XXXX			4	3,0				
14	XXXX			1	0,5				
15	XXXX			2	1,0	3	4,0		
16	XXXX			5	3,0	6	8,0		
17	XXXX			3	2,0	2	3,0		
18	XXXX					1	1,0		
19	XXXX			10	7,0	14	19,0		
20	XXXX			3	2,0	1	1,0		
21	XXXX			5	3,0	4	5,0	1	
22	XXXX			20	14,0	22	31,0		
23	XXXX		69,0	106	74,0	27	37,0	45	13,0
24	XXXX		3,0	9	6,0	8	11,0	57	16,0
25	XXXX		29,0	16	12,0	1	1,0	16	4,0
26	XXXX		1,0	5	3,0	1	1,0		
27	XXXX		3,0	13	9,0	40	14,0		
28	XXXX		2,0	2	1,0	1	1,0		
29	XXXX		40,0	65	52,0	26	40,0		
30	XXXX		5,0	3,0	2	1,0	1	1,0	
31	XXXX		8,0	13	9,0				
32	XXXX		1,0	6	4,0				
33	XXXX		3,0	4	3,0	6	4,0		
34	XXXX		2,0	3	2,0	2	1,0		
35	XXXX		1,0	1	1,0	2	1,0		
36	XXXX		12,0	19	12,0			39	11,0
37	XXXX		6,0	10	6,0			1	
38	XXXX		1,0						
39	XXXX		0,6	1	0,6				
40	XXXX		1,0	2	1,0				
41	XXXX		1,0	2	1,0				
42	XXXX		1,0	1	1,0				
43	XXXX		1,0	2	1,0				
44	XXXX		6,0	10	6,0				
45	XXXX		1,0	2	1,0				
46	XXXX		2,0	3	2,0				
47	XXXX		4,0	6	4,0				
48	XXXX		6,0	9	6,0				

Табл. 2. Коррекция элементов орнамента керамических комплексов поселения Ново-Никольское I

ГРУППЫ КЕРАМИКИ	ПАМЯТ- НИКИ	ПЕТРОВСКАЯ				АЛАКУЛЬСКАЯ				БИШКУЛЬСКАЯ				САРГАРИНСКО- АЛЕКСЕЕВСКАЯ	
		ПЕТРОВКА II		НОВНИКОЛЫ СКОЕ I		ПЕТРОВКА II		НОВНИКОЛЫ СКОЕ I		БИШКУЛЬ IV		НОВНИКОЛЫ СКОЕ I		ПЕТРОВКА II	
		кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
1		1	0,1												
2		4	0,4												
3		2	0,2												
4	НОГТЕВОЙ ЗАЩИП	12	1,2	11	1,5										
5		7	0,7	15	2,0										
6		2	0,2	1	0,1										
7		2	0,2	1	0,1										
8				1	0,1	1	0,3								
9		5	0,5	9	1,2	2	0,5				6	1,7			
10		124	12,1	49	6,7	13	3,4	9	1,2	24	6,0	18	5,2	1	0,9
11	ЖЕЛОБОК	410	40,5	257	34,8	145	38,1	40	5,2	58	14,5	94	27,3	12	10,2
12	ГОРИЗОНТ. ЛИНИЯ	41	4,1	54	7,3	10	2,6	335	43,4	110	27,3	49	14,2	18	15,4
13		258	25,5	239	32,3	144	37,9	274	35,5	166	41,2	116	33,7	10	8,5
14		70	7,0	68	9,2	13	3,5	34	4,4	7	1,8			1	0,9
15				9	1,2	5	1,3	19	2,5	6	1,5	4	1,2		
16			0,1					1	0,1	1	0,2				
17		4	0,4	7	1,0	6	1,6	8	1,1	1	0,2				
18	МММ	60	5,9	13	1,8	39	10,3	7	0,9						
19		2	0,2	1	0,1	1	0,25								
20		7	0,7	4	0,6	1	0,25	3	0,4					23	19,6
21								1	0,1					1	0,9
22								2	0,3						
23								15	1,9	16	4,0	46	13,4	31	26,5
24								1	0,1						
25								1	0,1	1	0,2				
26								4	0,5	8	2,0	5	1,5		
27								13	1,7	3	0,7	2	0,6		
28								3	0,3	1	0,2				
29								2	0,3	1	0,2	4	1,2	20	17,1
			100		100		100		100		100		100		100

Табл. 3. Корреляция элементов орнамента керамических комплексов с поселений эпохи бронзы Петропавловского Приишмыя

№	ЭЛЕМЕНТЫ ОРНАМЕНТА	ПЕТРОВКА	АЛАКУЛЬ	СЕМПОЛАТНОЕ	АМАНГЕЛЬДЫ	ПЕТРОПАВЛОВСК
1		12,5				
2		0,7				
3		1,0				
4		0,3				
5			0,2			
6			0,1			
7			0,2			
8		1,8	0,1			
9		0,7		0,2		
10		9,5	1,7	1,6	0,2	1,5
11	ЖЕЛОБОК	38,5	13,2	4,8	6,0	5,7
12	ГОРИЗОНТ. ЛИНИЯ	2,8	34,1	38,6	35,1	39,2
13		2,4		8,6	15,7	6,0
14		21,4	41,1	25,2	22,0	27,9
15		0,3	0,8	0,2	0,4	1,1
16		8,1	6,3	7,6	6,2	9,0
17			0,9	1,8	1,8	0,7
18			0,1	0,2	3,2	1,5
19			0,2	4,0	2,1	1,5
20			0,1		0,2	
21			0,4	0,6	1,1	
22			0,1	0,4	0,5	
23				1,4	0,2	
24			0,2	0,2		
25			0,1	1,0		
26			0,1	0,6		
27				0,4	0,3	
28				1,4	3,8	3,8
29				0,6		0,4
30					0,2	0,4
31					0,3	
32					0,2	0,7
33					0,5	0,4
34						0,4
		100	100	100	100	100

Табл. 4. Корреляция элементов орнамента керамических комплексов из могильников эпохи бронзы

ГРУППЫ КЕРАМИКИ		ПЕТРОВСКАЯ			АЛАКУЛЬСКАЯ			АМАНГЕЛЬДИНСКАЯ		БИШКУЛЬСКАЯ		САРГАРИНСКО-АЛЕКСЕЕВСКАЯ	
ТЕХНИКА	ПАМЯТНИКИ	МОГИЛЬНИК ПЕТРОВКА	ПОСЕЛЕНИЕ ПЕТРОВКА II	ПОС. НОВОНИКОЛЬСКОЕ	ПОСЕЛЕНИЕ ПЕТРОВКА II	ПОС. НОВОНИКОЛЬСКОЕ	МОГ. СЕМИПОЛАТНОЕ	МОГИЛЬНИК АМАНГЕЛЬДИН	МОГ. ПЕТРОВПАВЛОВСКИЙ	ПОСЕЛЕНИЕ БИШКУЛЬУ	ПОС. НОВОНИКОЛЬСКОЕ	ПОСЕЛЕНИЕ ПЕТРОВКА II	
		НАРЕЗКА И ПЛОСКИЙ ШТАМП		36,7	45,7	42,4	54,2	57,1	60,6	33,6	18,5	39,1	48,3
ГРЕБЕНЧАТЫЙ ШТАМП		4,6	8,5	11,8	21,0	25,4	32,6	59,3	74,3	32,8	19,2	5,1	
ЖЕЛОБКИ		48,3	35,0	37,1	21,7	10,1	4,8	6,9	5,5	20,6	27,0	10,5	
ЯМКИ		8,1	8,9	5,9	2,1	1,8	2,0	0,2	1,9	6,5	5,5	15,4	
ЩЕПА		2,3											
ВЕРЕВОЧКА			1,9	2,8	1,0	4,2				1,0			
ПРОЦЕДНИК ГРЕБЕНЧАТЫЙ						1,4							

Табл. 5. Техника орнаментации керамических комплексов с памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишмья

ГРУППЫ КЕРАМИКИ ПАМЯТНИКИ	Петровская мог. Петровка	Петровская пос. Петровка II	Петровская пос. Новоникольское I	Алакульская пос. Петровка II	Алакульская пос. Новоникольское I	Алакульский могильник	Алакульская мог. Семипалатное	Амангельдинская мог. Амангельды	Амангельдинская мог. Петропавловский	Бишкульская пос. Бишкуль IV	Саргаринско- Алексеевская пос. Петровка II
	Петровская мог. Петровка		82,5	77,2	71,4	36,0	45,8	41,0	36,5	42,2	46,7
Петровская пос. Петровка II	82,5		82,9	80,1	42,2	51,3	50,3	46,0	51,1	52,2	25,3
Петровская пос. Новоникольское I	77,0	82,9		80,8	53,9	62,1	52,3	47,4	56,1	63,3	28,4
Алакульская пос. Петровка II	71,4	80,1	80,8		51,5	60,3	50,1	48,1	50,1	61,7	23,4
Алакульская пос. Новоникольское I	36,0	42,2	53,9	51,5		82,3	79,1	73,5	83,1	75,4	33,6
Алакульский могильник	45,8	51,3	62,1	60,3	82,3		98,8	67,9	77,3	86,8	35,9
Алакульская мог. Семипалатное	41,0	50,3	52,3	50,1	79,1	98,8		82,9	88,1	62,8	33,9
Амангельдинская мог. Амангельды	36,5	46,0	47,4	48,1	73,5	67,9	82,9		84,3	62,1	35,2
Амангельдинская мог. Петропавловский	42,2	51,1	56,1	50,1	83,1	77,3	88,1	84,3		67,9	36,3
Бишкульская пос. Бишкуль IV	46,7	52,2	63,3	61,7	75,4	86,6	62,8	62,1	67,9		40,1
Саргаринско- Алексеевская пос. Петровка II	23,3	25,3	28,4	23,4	33,6	35,9	33,9	35,2	36,3	40,1	

Табл. 6. Абсолютное сходство керамических комплексов эпохи бронзы по элементам орнамента

	ВЕДУЩИЕ ТИПЫ КЕРАМИКИ		ПОЗДНЯЯ БРОНЗА				РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК	СООТНОШЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ	ВЕДУЩИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
	ПАМЯТНИКИ	СРЕДНЯЯ БРОНЗА	ОБДОРОВОЕ (ДЖИЛЬСКОЕ)	ЧЕРНАС-КУЛЬСКОЕ	САГА-РАНСКОЕ	МЕКОСКОЕ			
ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ	КУЛЕВЧИ III								Н.Б. ВИНЮГАНОВ
	РЫМНИНСКОЕ /ОНТАШТЫ/								В.Ф. ГЕНИНГ А.Д. ПРЯКИН
	БЕРСВАТ								М.К. ХАБДУЛИНА
	КАМЫШНОЕ II								Т.М. ПОТЕМКИНА
	ЯЗЕВО I								Т.М. ПОТЕМКИНА
ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН	ЮНЕЗАВОД							В.В. ЕВДОКИМОВ	
	СЕМИЗЕРНОЕ							В.В. ЕВДОКИМОВ	
	АЛЕКСЕЕВКА							В.В. ЕВДОКИМОВ	
СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН	ПЕТРОВКА II								Г.Б. ЗДАНОВИЧ С.Я. ЗДАНОВИЧ
	НОВОНКОЛЬСКОЕ I								Г.Б. ЗДАНОВИЧ
	САРГАРЫ								С.Я. ЗДАНОВИЧ
	РОДИОНОВКА								Т.С. МАЛЮТИНА
	БНШКУЛЬ IV								В.Ф. ЗАЙБЕРТ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН	АТАСУ								М.К. КАДЫРБАЕВ Т.И. КУЛИК Ж.КУРМАНЖУЛОВ
	КОГА								В.В. ЕВДОКИМОВ
	УПАИС								В.В. ЕВДОКИМОВ
	УСТЬ-КЕНЕТАЙ /САДОВОЕ /								В.В. ЕВДОКИМОВ

Табл. 7. Ведущие типы керамики и соотношение культурных слоев на поселениях андроновской культурно-исторической общности

ГЛУБИНА В СМ	СЛОИ	ЖИЛИЩА 1,2			ЖИЛИЩА 3-9			ЖИЛИЩА 10,11		
		ГРУППЫ КЕРАМИКИ			ГРУППЫ КЕРАМИКИ			ГРУППЫ КЕРАМИКИ		
		І	ІІ	ІІІ	І	ІІ	ІІІ	І	ІІ	ІІІ
0-40		27	37	36	32	45	23	20	13	67
40-60		44	44	12	65	29	6	21	32	47
60-80		44	48	8	73	19	8			100
80-100		26	74		77	23			33	67
100 и ГЛУБЖЕ		24	76		67	25	8			

ГЛУБИНА В СМ	СЛОИ	ЖИЛИЩА 6,8			ЖИЛИЩА 2-5		ЖИЛИЩА 1,7	
		ГРУППЫ КЕРАМИКИ			ГРУППЫ КЕРАМИКИ		ГРУППЫ КЕРАМИКИ	
		І	ІІ	ІІІ	І	ІІ	І	ІІ
0-20		30	70		26	74	19	81
20-40		69	31		34	66	34	66
40-60		88	12		76	24	41	59
60-80		70	30		88	12	26	74
80-100		86	14		73	27	33	67
100 и ГЛУБЖЕ		80	20		100		17	83

ГЛУБИНА В СМ	СЛОИ	ЖИЛИЩЕ 7				ЖИЛИЩЕ 8			ЖИЛИЩЕ 9		
		ГРУППЫ КЕРАМИКИ				ГРУППЫ КЕРАМИКИ			ГРУППЫ КЕРАМИКИ		
		І	ІІ	ІІІ	ІІІІ	І	ІІ	ІІІ	І	ІІ	ІІІ
0-40		22	19	59	23	35	44	47	22	31	
40-60		23	23	54	36	32	32	71	7	22	
60-80		11	19	70	17	38	45	65	12	23	
80-100		13	18	69	24	13	63	87	4	9	
100 и ГЛУБЖЕ		65	24	11	93		7	100			

ГЛУБИНА В СМ	СЛОИ	ЖИЛИЩЕ 3				ПЛОЩАДКА МЕЖДУ ЖИЛ. 3-5				ПЛОЩАДКА МЕЖДУ ЖИЛ. 6,7,8			
		ГРУППЫ КЕРАМИКИ				ГРУППЫ КЕРАМИКИ				ГРУППЫ КЕРАМИКИ			
		І	ІІ	ІІІ	ІІІІ	І	ІІ	ІІІ	ІІІІ	І	ІІ	ІІІ	ІІІІ
0-40		10	59	31		21	65	14	27	37	36		
40-60		10	36	52		46	38	16	21	50	29		
60-80		7	23	70		74	13	13	54	23	23		
80-100						67	33	67	25	8	70	19	11
100 и ГЛУБЖЕ											100		

Табл. 8. Стратиграфическая ситуация и распределение сосудов (%) по территориям и горизонтам на многослойных поселениях Северного Казахстана и Южного Урала:

А — поселение Петровка II. Б — поселение Кулевчи III; Г — поселение Новоникольское I; 1 — гумусированная сусесь темно-коричневого цвета. 2 — зольник светлый. 3 — зольник серый. 4 — гумусированная сусесь черного цвета, полы саргаринских жилищ. 5 — зольная сусесь, полы алакульских жилищ; 6 — зольник светло-коричневый с участками глиняной обмазки, полы петровских жилищ. 7 — песчано-зольный грунт, заполнение петровских котлованов и рва

I группа — сосуды петровской культуры, II группа — сосуды алакульской культуры, III группа — сосуды саргаринской культуры

XVII - XV			XV - XIV			XIV - XII			XII - IX			ВЕКА ДО Н.Э.		
ПЕТРОВСКАЯ КУЛЬТУРА			АЛАКУЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА			ФЕДОРОВСКАЯ КУЛЬТУРА			КУЛЬТУРЫ ВАЛКОВОЙ КЕРАМИКИ			АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ		
РАННИЙ	СРЕДНИЙ	ПОЗДНИЙ	РАННИЙ	СРЕДНИЙ	ПОЗДНИЙ	РАННИЙ	СРЕДНИЙ	ПОЗДНИЙ	РАННИЙ	СРЕДНИЙ	ПОЗДНИЙ	СТАТЬИ	ПАМЯТНИКИ	
												КУЛЕВЧИ III	ПОСЕЛЕНИЯ	
												СЕМИОЗЕРНОЕ		
												ВИШКУЛЬ IV		
												НОВОНИКОЛЬСКОЕ I		
												САРГАРЫ		
												АТАСУ		
												УСТЬ-КЕНЕТАЙ		
												КАНАЙ		
												БОЛЬШОЙ ЛОГ		
												КЛЮЧИ		
												АЛАКУЛЬСКИЙ	МОГИЛЬНИКИ	
												ФЕДОРОВСКИЙ		
												ТАСТЫ-БУТАК		
												АЛЕКСЕЕВСКИЙ		
												АМАНГЕЛЬДЫ		
												СЕМИПАЛАТНОЕ		
												БЕРЛИК		
												САРГАРЫ		
												БОРОВОЕ		
												СУХОЕ ОЗЕРО		

Табл. 9. Развитие культур андроновской культурно-исторической общности и место отдельных памятников в системе относительной хронологии

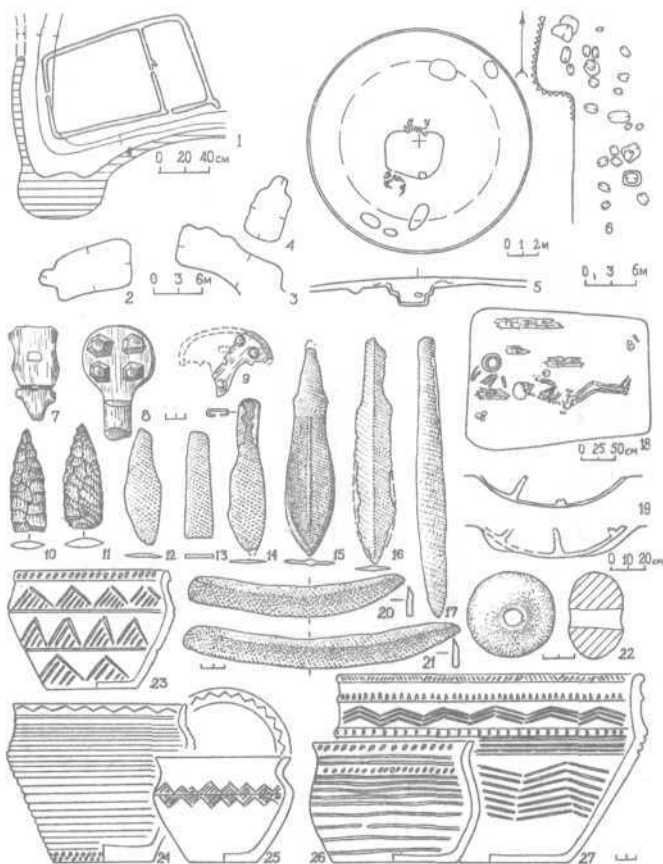

Табл. 10, А. Этапы развития бронзового века урало-казахстанских степей. Основные элементы материальной культуры. Петровская культура:

1, 2 — поселение Петровка II, общий план жилища 6, 3, 4 — поселение Кулевчи III, жилища 4, 6, 5 — могильник Берлик II, курган 2; 6, 12 — могильник Петровка, 7 — могильник Аксайман, курган 2; 8, 17, 23 — поселение Петровка II, 9, 10—11, 14 — поселение Новоникольское I; 13, 16, 18, 24 — могильник Кенес, курган 2, яма 1, 15, 22 — могильник Кулевчи VI, курган 4, яма 5; 19 — могильник Берлик II, курган 2, яма 1, разрезы канавок, 20 — поселение Кулевчи III; 21 — поселение Камышное II; 25 — могильник Раскатица, 26 — могильник у с. Петровка, подъемный материал, 27 — могильник Кенес, курган 2, яма 10; 7—9 — кость; 10—11, 22 — камень, 12—17, 20—21 — бронза; 23—27 — глина

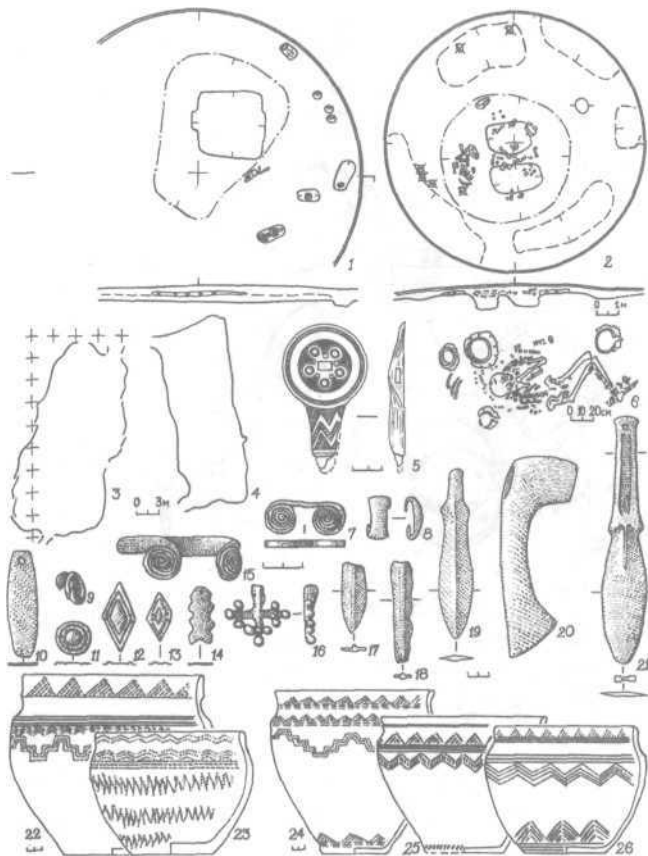

Табл. 10, Б. Этапы развития бронзового века урало-казахстанских степей. Основные элементы материальной культуры.

Алакульская культура:

1 — могильник Семипалатное, курган 5, 2 — могильник Алыпкаш, курган 32; 3 — поселение Кулевчи 111, жилище 7, 4 — поселение Петровка II, жилище 1; 5, 25 — могильник Новоникольское, курган 5, яма 2; 6—16, 22—23 — могильник Алыпкаш, курган 32, погребение 4, 17, 18 — могильник Семипалатное, курган 5, яма 5, 19, 20, 24 — «Царев Курган», погребение 7, 21 — поселение Новоникольское I; 26 — могильник Алакульский, курган 13, яма 8; 5 — кость, 7—21 — бронза, 22—26 — глина

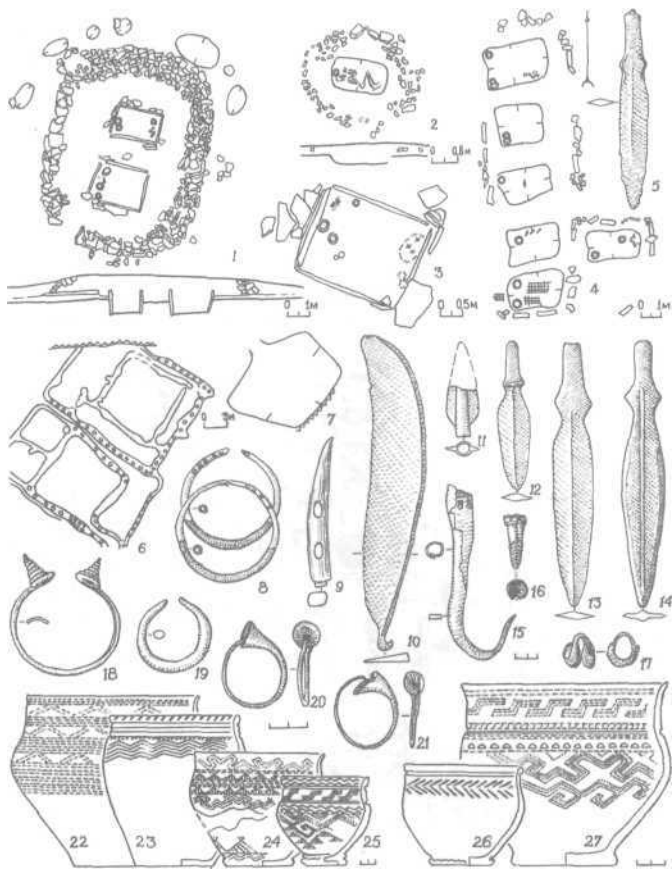

Табл. 10, В. Этапы развития бронзового века урало-казахстанских степей. Основные элементы материальной культуры. Федоровская культура:

1 — могильник Путиловская Займка II, курган 4; 2, 25 — могильник Бурлук, курган 6, 3. 8. 14 — могильник Путиловская Займка II, курган 7, яма 1; 4 — могильник Биерык-коль, ограда 23. 6, 12, 15, 22 — поселение Павловка, жилища 1, 2. 7. 2. 3 — поселение Бишкуль IV; 9 — поселение Карлуга II; 5, 10 поселение Явленка I, жилище 1; 11 — могильник Биерык-коль, ограда 23, яма 3. 13. 27 — могильник Путиловская Займка II, курган 4, ящик 2; 16, 17 — могильник Алыпкаш, курган 25, яма 3; 18 — могильник Алыпкаш курган 12, яма. 19 — могильник Алыпкаш, раскоп I, яма 6; 20, 21 — чогильник Соколовка, раскоп II, яма 1. 24 — могильник Амангельды, курган 4 яма 1; 26 — могильник Путиловская Займка II, курган 6, яма 2; 5, 8 10—15, 18—21 — бронза; 16, 17 — золотая фольга, бронза. 22 — 27 — глина

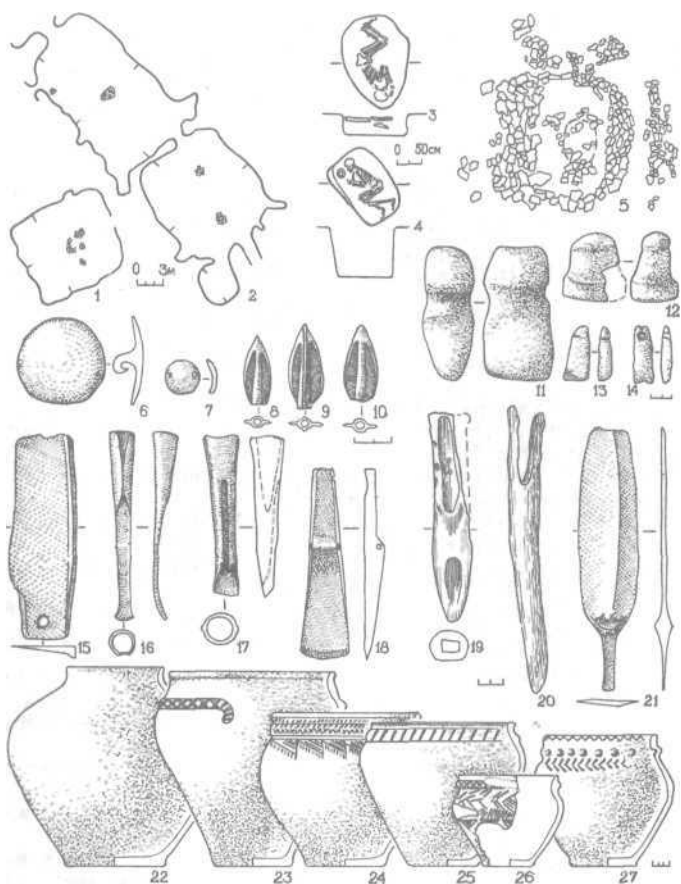

Табл. 10, Г. Этапы развития бронзового века урало-казахстанских степей. Основные элементы материальной культуры. Саргаринско-алексеевская культура:

1 — поселение Петровка IV. 2, 7—11. 22 — поселение Саргары; 3—5. 21 — могильник Саргары; 6 — поселение Петровка III; 12—14. 20. 23. 25 — поселение Новоникольское I; 15—18 — поселение Петровка II; 19, 27 — поселение Ильинка I. 24 — поселение Алексеевское. 26 — могильник Жукей II, 6—10. 15—18, 21 — бронза. 11—14 — камень; 19, 20 — кость; 22—27 — глина

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесова Н. А.* Жаман-Узен II — атасуский могильник Центрального Казахстана//КСИА. 1975. Вып. 142.
2. *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1979.
3. *Акишев К. А.* Эпоха бронзы Центрального Казахстана: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1952.
4. *Акишев К. А., Байбаков К. М.* Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979.
5. Андроновская культура//САИ. 1956. Вып. ВЗ—2.
6. *Аргентовский Ю. П.* Производство археологических раскопок. Акмолинская область//ОАК за 1911 год. II., 1914.
7. *Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики// Исследования по общей этнографии. М., 1979.
8. *Бекишев А. Е., Бойко Т. А., Зданович Г. Б., Хабдулина М. К.* Археологические памятники Среднего Приишимья//АО—1978. М., 1979.
9. *Бойко Т. А., Татарищева Н. С.* Раскопки могильника Алыпкаш в Среднем Приишимье//АО—1974. М., 1975.
10. *Бойко Т. А., Татарищева Н. С.* Алыпкашский могильник — новый памятник эпохи бронзы Северного Казахстана//Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
11. *Бухонина Т. А.* Могильник эпохи бронзы Куропаткино II на р. Чаглинка//Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
12. *Викторов В. П., Борзунов В. А.* Городище эпохи бронзы у с. Черноозерье на Иртыше//Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15.
13. *Виноградов Н. Б., Зданович Г. Б.* Исследование Кулевчинского комплекса эпохи бронзы//АО—1979. М., 1980.
14. *Виноградов Н. Б.* Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье//КСИА. 1981. Вып. 169.
15. *Виноградов Я. Б.* Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1983.
16. *Виноградов Н. Б.* Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесах Южного Зауралья//СА 1984. № 3.
17. *Галкин Л. Л.* Исследования в Гурьевской области//АО—1979. М., 1980.
18. *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959—1961 гг на Алтын-Тепе//СА. 1967. № 4.
19. *Генинг В. Ф.* Проблемы изучения железного века Урала//ВАУ. 1961. Вып. 1.
20. *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок//СА. 1973. № 1.
21. *Генинг В. Ф., Прахин А. Д.* Синташтинское поселение//АО—1974. М., 1975.
22. *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника)//Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции) Киев, 1975. Вып. 1.
23. *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индо-иранских племен//СА. 1977. № 4.

24. *Граков Б. Н.* Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций//Археологические работы на новостройках. М., Л., 1935. Вып. 11.
25. *Грязное М. П.* Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане//Казаки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Л., 1927. Вып. 11.
26. *Грязное М. П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане//СА. 1952. Вып. XVI
27. *Грязнов М. П.* Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону//КСИА. 1953. Вып. 50.
28. *Грязное М. П.* Классификация, тип, культура//Теоретические основы советской археологии. Л., 1969.
29. *Дурьлин С. Н.* Раскопки под Челябинском//ЗУОЛЕ. 1927. Т. 40. Вып. 2.
30. *Евдокимов В. В., Логвин В. #., Бурнаева В. Д.* Исследования в Верхнем Притоболье//АО—1974. М., 1975.
31. *Евдокимов В. В.* Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол//СА. 1975. № 4.
32. *Евдокимов В. В.* Новые поселения эпохи поздней бронзы Верхнего Притоболья//ВАУ. 1975. Вып. 13.
33. *Евдокимов В. В., Ткачев А. А.* Работы Карагандинского отряда//АО—1978 М., 1979.
34. *Евдокимов В. В.* Исследование отряда Карагандинского университета//АО—1979. М., 1980.
35. *Евдокимов В. В.* Работы Карагандинского отряда//АО—1980 М., 1981.
36. *Евдокимов В. В., Ломан В. Г.* Поселение Копа 1//Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда, 1982.
37. *Евдокимов В. В.* Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Киев, 1984.
38. *Елфимов Г. М.* Возникновение нового Философский очерк. М., 1983
39. *Зайберт В. Ф.* Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим.//КСИА 1973. Вып. 134.
40. *Зайберт В. Ф., Зданович Г. Б.* Поселение эпохи бронзы Бишкуль IV//Из истории Сибири Томск, 1974. Вып. 15.
41. *Зайберт В. Ф.* Исследования в Северном Казахстане//АО—1980. М., 1981.
42. *Зданович Г. Б.* Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане//По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
43. *Зданович Г. Б.* Стратиграфия поселения Новоникольское I//Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
44. *Зданович Г. Б.* Поселение Явленка I — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана//Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7
45. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области//ВАУ. 1973. Вып. 12.
46. *Зданович Г. Б.* Поселение эпохи бронзы Новоникольское I (раскопки 1970 г.)//Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15.
47. *Зданович Г. Б.* К вопросу о происхождении культур развитой бронзы Северного Казахстана//Сборник научных трудов по гуманитарным наукам. Караганда, 1974.
48. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1975.
49. *Зданович Г. Б.* Некоторые материалы по архитектуре развитой бронзы Среднего Приишимья//Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21
50. *Зданович Г. Б.* Раннеалакульский погребальный комплекс у с. Кенес//Вопросы истории языка и литературы. Караганда, 1976.
51. *Зданович Г. Б.* Основные характеристики петровских комплексов урало-казахстанских степей//Бронзовый век степной полосы Урало-Ишимского междуречья Челябинск, 1983.
52. *Зданович Г. Б., Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка//СА. 1980. № 3

53. *Зданович Г. Б.* К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве//КСИА. 1984. Вып. 177.
54. *Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы Бурлук I.//По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
55. *Зданович С. Я.* Культура финальной бронзы Северного Казахстана// Сборник научных трудов по гуманитарным наукам. Караганда, 1974
56. *Зданович С. Я.* Курганы эпохи бронзы у совхоза им. Амангельды по раскопкам 1970 года//Из истории Сибири. Томск, 1974 Вып. 15
57. *Зданович С. Я.* Жилища поселения финального бронзового века Саргары в Северном Казахстане//Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
58. *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1979.
59. *Зданович С. Я.* Новые материалы к истории скотоводства в Зауралье и Северном Казахстане в эпоху финальной бронзы//Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981.
60. *Зданович С. Я.* Происхождение саргаринской культуры (к постановке проблемы)//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
61. *Зданович С. Я.* Керамика саргаринской культуры//Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
62. *Зырянов А. Н.* Курганы у с. Замаревского, Шадринского у., Пермской губ.//ИАО. 1863 Т. IV Вып. 5.
63. *Зырянов А. Н.* Курганы и городища в Шадринском уезде в Пермской губернии и находки в них//ЗУОЛЕ. 1883. Т. VII, вып. 3.
64. *Итина М. А.* Раскопки могильника тазабагыябской культуры — Кокча 3// Могильник бронзового века Кокча 3. МХЭ. 1962. Вып. 5
65. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.
66. *Игнатьев Р. Г.* Памятники древностей в Курганском округе Тобольской губернии//Тобольские губернские ведомости. 1873 К» 18—25
67. *Игнатьев Р. Г.* Городища и курганы Оренбургской губернии//ИАК. 1903. Вып. 5
68. *Кадырбаев М. К.* Могильник Сангуыр//Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана Алма-Ата, 1961. Т. 12.
69. *Кадырбаев М. К.* Шестилетние работы на Атасу//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
70. *Кирчо Л. Б.* Погребальный обряд и культурные традиции//КСИА. 1981. Вып. 167.
71. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири//МИА. 1949. № 9.
72. *Клейн Л. С.* Проблема преемственности и смены археологических культур//Преемственность и инновации в развитии древних культур Л., 1981.
73. *Кожомбердыев И., Кузьмина Е. Е.* Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии//СА. 1980. № 4.
74. *Комарова М. Н.* Памятники андроновской культуры близ улуса Орак// Археологический сборник Л., 1961 Вып. 3
75. *Комарова М. Н.* Относительная хронология памятников андроновской культуры//Археологический сборник Л., 1962. Вып. 5.
76. *Корочкова О. #., Стефанов В. И.* Поселение федоровской культуры// Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
77. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
78. *Косарев М. Ф.* Андронидные культуры Зауралья и Западной Сибири//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
79. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник//Тр. ГИМ. М., 1948. Вып. XVII.
80. *Кривцова-Гракова О. А.* Кожумбердынский могильник//Тр. ГИМ. 1948. Вып. XVII
81. *Кривцова-Гракова О. А.* Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.)// МИА. 1951. № 21.
82. *Кузьмина Е. Е.* Периодизация могильников Еленовского микрорайона

андроновской культуры//Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.

83. Кузьмина Е. Е. Андроновское поселение и могильник Шандаша//КСИА. 1964. Вып. 98.

84. Кузьмина Е. Е. Хронология некоторых кладов Семиречья//Новое в советской археологии. 1965. № 130.

85. Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности//Информационный бюллетень: Международная ассоциация по изучению культуры Центральной Азии. М., 1985. Вып. 9.

86. Максименко Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978

87. Максимова А. Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана//Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1959. Т. 7.

88. Малютина Т. С. Могильник Приплотный Лог 1//Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья Челябинск, 1984.

89. Малютина Т. С. Поселение и могильник у с. Павловка Кокчетавской области//АО—1983. М., 1985

90. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М.-К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

91. Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

92. Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.

93. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3//Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 11.

94. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

95. Могильников В. А. Исследования в Притоболье//АО—1979. М., 1980

96. Могильников В. А. Курганы Чистолесбьяжье//Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.

97. Мошинская В. И. Баландинский клад бронзовых инструментов//КСИИМК. 1957. № 67.

98. Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника//КСИА, 1964, вып. 101.

99. Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье//МАВГР. 1909. Вып. 3.

100. Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы//Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5.

101. Потемкина Т. М. К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов//Из истории Сибири Томск, 1973. Вып. 7.

102. Потемкина Т. М. Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол//СА. 1975. № 1.

103. Потемкина Т. М. Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол//КСИА. 1976. Вып. 147

104. Потемкина Т. М. Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1976.

105. Потемкина Т. М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье//СА. 1979. № 2.

106. Потемкина Т. М. Алакульская культура//СА. 1983. № 2.

107. Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

108. Рыков П. С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда)//Археологические работы на новостройках. М., Л., 1935. Вып. 11.

109. Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровка Челябинской области//МИА. 1940. № 1.

110. Сальников К. В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья//Первое Уральское археологическое совещание. Пермь, 1948.

111. Сальников К. В. Бронзовый век южного Зауралья//МИА. 1951. № 21.

112. Сальников К. В. Курганы на озере Алакуль//МИА. 1952. № 24

113. Сальников К. В. Кипельское селище//СА. 1957. Т. XXVII

114. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
115. Сальников К. В. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии//Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.
116. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
117. Смирнов К. Ф. Археологические данные о всадниках поволжско-уральских степей//СА. 1961. № 1.
118. Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
119. Сорокин В. С. Жилища поселения Тасты-Бутак//КСИА. 1962. Вып. 91.
120. Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане//МИА. 1962. № 120.
121. Стоколос В. С. Курганы эпохи бронзы у с. Степное//Краеведческие записки. Челябинск, 1962. Вып. 1.
122. Стоколос В. С. Памятник эпохи бронзы — могильник Черняки II//Тр. Перм. ун-та. 1968. Вып. 191.
123. Стоколос В. С. О стратиграфии поселения Кипель//СА. 1970. № 3.
124. Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
125. Стоколос В. С. Существовал ли новокумакский горизонт?//СА. 1983. № 2.
126. Татаринцева Н. С. Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Пришимье//Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
127. Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае//Мат-лы по этнографии. Л., 1927. Вып. 2 т. III.
128. Теплоухов С. А. Отчетная выставка Этнографического отдела за 1923 г./Русский музей. Пг., 1924.
129. Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края//Мат-лы по этнографии. Л., 1929. Вып. 2, т. IV.
130. Теплоухов С. А. Андроновская культура//Сибирская советская энциклопедия. Т 1. Новосибирск, 1929.
131. Толмачев В. Я. Отчет об археологических исследованиях в Пермской губернии в 1914 г./ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918.
132. Толстое С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
133. Ткачев А. А. Раскопки могильника Нуртай//АО—1980. М., 1981.
134. Федорова-Давыдова Э. А. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры)//Тр. ГИМ. М., 1960. Вып. 37.
135. Федорова-Давыдова Э. А. К проблеме андроновской культуры//Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
136. Федорова-Давыдова Э. А. Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья//Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
137. Хабдулина М. К. Поселение Борки I//Гуманитарные науки. Караганда, 1975. Вып. 2.
138. Хабдулина М. К., Виноградов Н. Б., Зданович С. Я. Исследования на р. Берсуат//АО—1977. М., 1978.
139. Хлобыстин Л. П. Поселение Липовая Курья. Л., 1976.
140. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья//МИА. 1953. № 35.
141. Черников С. С. Древнее горное дело в районе г. Степняк//Известия АН КазССР. 1948. Вып. 1.
142. Черников С. С. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане//КСИИМК. 1954. Вып. 53.
143. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы//МИА. 1960. № 88.
144. Чернай И. Л. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита-бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана//Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.
145. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
146. Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР//СА. 1978. № 4.

147. *Черных Е. Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

148. *Членова Н. Л.* Основы хронологии андроновских памятников федоровского типа//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

149. *Heikel A.* Antignite's de la Sibirie occidentale. Helsingfors, 1894.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	Археологические открытия
ВАУ	Вопросы археологии Урала, Свердловск
ГИМ	Государственный Исторический музей, Москва
ГЭ	— Государственный Эрмитаж, Ленинград
ЗУОЛЕ	Записки Уральского общества любителей естествознания, Екатеринбург
ИАО	— Известия императорского Археологического общества, СПб
ИИАЭ	— Институт истории, археологии, этнографии
ИАК	— Известия Гос. Российской Археологической комиссии, СПб
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛАИ ЧелГУ	— Лаборатория археологических исследований Челябинского государственного университета
МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России, Москва
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР, Москва— Ленинград
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ПГУ	— Пермский государственный университет
СА	— Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СКАЭ	- Северо-Казахстанская археологическая экспедиция
УАЭ	— Уральская археологическая экспедиция
УКАЗ	- Урало-Казахстанская археологическая экспедиция

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. Проблема периодизации и хронологии в андроноведении	8
ГЛАВА II. Опорные поселения	19
ГЛАВА III. Эталонные могильники	60
ГЛАВА IV. Поселенческие и погребальные комплексы в системе относительной хронологии	109
ГЛАВА V. Очерк развития культур эпохи бронзы	132
Приложение	156
Литература	172
Список сокращений	179

Геннадий Борисович ЗДАНОВИЧ
БРОНЗОВЫЙ ВЕК
УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ
(периодизация и хронология)

ИБ № 122

Редактор *И. В. Новикова*
Технический редактор *Н. В. Кривцова*
Корректор *А. М. Вайнштейн*
Художник *А. М. Федорова*

Сдано в набор 29.12.87 г. Подписано к печати 08.02.88 г. НС11016. Формат 60X90/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5. Усл.-кр.отт. 11,75. Уч.-изд. л. 12,8. Тираж 1000 экз. Заказ 3079. Цена 1 р. 60 к.

Издательство Уральского университета. 620219 Свердловск, ГСП-830, просп. Ленина, 13-б.

Областная типография областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 454000, г. Челябинск, ул. Постышева, 2